

уральский

следопыт

№1 **** 1980

Оформление
С. Малышева

Подборка писем ребят из-за рубежа открывается письмом Алана Маршала. Оно адресовано сразу двумстам школьникам из свердловского клуба интернациональной дружбы «Эхо» и их руководительнице Анастасии Тимофеевне Бушуевой.

Клуб «Эхо» школы № 2 Верх-Исетского района Свердловска переписывается со сверстниками из 90 стран мира: с пяти континентов пишут около шестисот человек — на русском, английском, немецком и испанском языках. Переписка идет на абонементный ящик № 128 на главном почтамте.

Читайте стр. 4-ю.

в номере:

И. Каплун КРЕМЛЬ, ТОВ. ЛЕНИНУ	2
ЭХО	4
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	8
Н. Мезенин МИРУ НА ИЗУМЛЕНИЕ	10
Б. Путилов СОКРУШЕНИЕ ЛЕХИ БЫКОВА. Повесть. Начало	17
КУЗНЕЦ СВОЕГО СЧАСТЬЯ	36
М. Кониц МОЖАЙСКИЙ — ХУДОЖНИК	39
А. Вориводина, Э. Дубровина МЛЕЧНЫЙ МОСТ. Стихи	40
А. Ермаков ЗАПИСКИ ИЗ КРЫМСКОГО БЛОКНОТА	42
С. Шмерлинг ХИТРОВАН	44
И. Алебастров ОПАЛЬНЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ	48
Л. Прокопенко КТО ТАКОЙ ЯНКО!	49
Е. Кончин «ДО КОНЧИНЫ ЖИЗНИ ЕЕ НЕИСХОДНО»	50
Д. Биленкин ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ. Рассказ	52
И. Берлин ЛЕТАТЬ СЕВЕРНЕЕ ВСЕХ! Из истории арктической авиации	60
Л. Черемискин ГОРОДСКИЕ ГРОЗЫ	62
Р. Литвинов ПЕРВЫЙ АВТОБРОНЕВОЙ	63
В. Тулин СТАРЫЕ НАШИВКИ	64
И. Полковников, Б. Бакланов, А. Храмцов ТАЕЖНЫЕ РАССКАЗЫ	66
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219.
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28.09.1979 г.,
НС 11272
Подписано к печати 20.11.1979 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,7
Тираж 250 000.
Заказ 553.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

Оформление 1-й стр. об-
ложки З. БАЖЕНОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1980 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№1 * 1980

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

КРЕМЛЬ, ТОВ. ЛЕНИНУ..

20 декабря 1919 года газета «Правда» писала:

«...Ильич говорит — значит, это так. Его любят так, как никого другого. Вот почему все лица тянутся к нему».

Обращаясь к Ильичу, рабочие и крестьяне клялись принять все меры для скорейшего восстановления народного хозяйства, укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

В великой тревоге за жизнь вождя вся страна следила за ходом болезни В. И. Ленина, и когда 2 октября 1922 года Владимир Ильич приступил к работе, трудящиеся с радостью встретили эту весть. Со всех концов страны стекались к В. И. Ленину письма и телеграммы трудящихся. В них люди писали о своей готовности поддержать Совнарком во главе с В. И. Лениным, грудью встать на защиту завоеваний Великого Октября.

Вот некоторые телеграммы и письма В. И. Ленину от трудящихся сурового сибирского края.

Летом 1918 года белогвардейцы развязали гражданскую войну. Была захвачена врагом вся территория Урала и Сибири. В Сибири возникло Временное правительство, возглавляемое эсерами и поддерживаемое интервентами. Оно сразу же ликвидировало все демократические организации трудящихся, началось жестокое преследование коммунистов и советских работников, всех сторонников Советской власти. Организации рабочих были разогнаны, профсоюзы ликвидированы.

Но час расплаты с белогвардейцами наступил. Части доблестной 51-й дивизии под командованием Василия Константиновича Блюхера 21 октября 1919 года вступили в Тобольск. Вскоре вся губерния была освобождена от колчаковцев.

Делегаты съезда, состоявшегося после освобождения города, спешили поделиться своей радостью с вождем революции. Они телеграфировали:

«Москва, Кремль, тов. Ленину. Тобольский уездный съезд представителей волостных ревкомов и исполкомов шлет с глубокого Севера, освобожденного от пяты белогвардейщины, свой теплый привет Вам, мудрому вождю всемирного пролетариата. Предательская учредилловцев социал-революционеров, зверства и бесчинства белогвардейцев никогда не испугают крестьянство, и гнилое старое заменится прочным, новым, свободным пролетарским строем. Наш холодный, угрюмый, покрытый снегами Север горит жгучим огнем революционности. Пусть трепещут враги Советской власти, ибо сильна воля трудового народа. Да здравствует Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика! Да здравствует вождь ее тов. Ленин, с именем которого связано лучшее будущее всех тружеников».

Интересно письмо В. И. Ленину от старого крестьянина из Ишимского уезда.

«Я — старик 70 лет В. И. Сироткин, достаточно насмотрелся разных обид, то есть как обижали, ощипывали сирот неопытных, беззащитных людей деревенские бессовестные кулаки, сложившись с урядниками, крестьянскими начальниками, адвокатами, мировыми судьями и даже было и с окружными судами. Теперь, освободи нас, господи, вы, дорогие товарищи, примите на себя труд освободить от такой проклятой кабалы: это внутренние наши враги угрожают Японией. Я многих ублажаю тем, что дорогой наш товарищ Ленин В. И. сумеет спасти страну».

После окончания гражданской войны продразверстка — политика военного коммунизма — стала вызывать у известной части крестьянства недовольство. К тому же продработники Ишимского, Ялуторовского и некоторых других уездов нарушали линию партии в продовольственном вопросе, тем самым дали повод кулакам, остаткам колчаковского офицерства и эсерам развернуть бешеную агитацию против Советской власти.

В феврале 1921 года в Тюменской губернии вспыхнул кулацко-эсеровский контрреволюционный мятеж. Но расчеты его организаторов не оправдались. Бандитам не удалось привлечь на свою сторону крестьянство. Мятеж был подавлен.

Трудящиеся крестьяне губернии с большим удовлетворением встретили новую эко-

номическую политику — замену продразверстки продовольственным налогом.

Летом 1921 года в Тюмени состоялся губернский съезд продовольственных работников. Одобрив решения X съезда партии, он послал приветствие В. И. Ленину.

«Москва. Кремль, предсовоборону тов. Ленину!

Третий губернский съезд продработников Тюменской губернии, ознакомившись с новым курсом продовольственной политики, принятым Советом Народных Комиссаров, считает таковой вполне правильным и наиболее отвечающим экономическому и политическому положению Республики, а поэтому постановляет приветствовать в лице Вас Совет Народных Комиссаров, одобряющий декрет о натурналоге, введение которого дает возможность поднять благосостояние сельских хозяйств и тем самым повысить производительность таковых.

Делегаты с мест, разъезжаясь по своим районам, проникнуты бодрой уверенностью, что они оправдают надежды рабочих и крестьян голодающих губерний и выполнят сложную и ответственную задачу по взиманию продналога».

Осенью 1922 года в Тобольске проходил уездный съезд Советов. На нем было сообщено о выздоровлении и возвращении В. И. Ленина на работу. В зале раздались возгласы: «Пусть родной Ильич всегда будет здоров, пусть без-

отлучно находится у руля партии и страны!»

Один из делегатов сказал:

«Возвращение тов. Ленина на свой ответственный революционный пост вдохнет новую бодрость в душу каждого трудящегося, укрепит уверенность в том, что под руководством Российской Коммунистической партии, под руководством тов. Ленина рабочие и крестьяне Советской России сумеют выйти из хозяйственного тупика, сумеют возродить экономическую жизнь страны».

Бурей аплодисментов встретили делегаты предложение послать приветственную телеграмму вождю.

«Очередной Тобольский уездный съезд Советов, — говорилось в ней, — ...шлет совместно с присутствующими на съезде красными курсантами школы комсомола частей особого назначения горячий братский привет от имени трудящихся масс уезда и города дорогому и любимому вождю пролетарской революции всего мира т. Ленину и выражает полную уверенность, что под руководством Владимира Ильича трудящиеся массы пролетарской Республики сумеют победить хозяйственную разруху и укрепить экономическую мощь Республики».

Исай
КАПЛАН

См. 2-ю стр. обложки

В гимне клуба «Эхо», который написан на английском языке, есть такие строки:

Наш клуб имеет друзей повсюду.
Каждый юный человек, мечтающий о мире,
Посылает нам письма по морю или воздуху;
Их поток — как согревающая сердце струя,
И никакие расстояния, запреты или цепи
Не могут запретить эту переписку.
Мы еще крепче возьмемся за руки,
Не обращая внимания на то, что подумают
недруги...

Не только из стран социализма, но и из капиталистических стран пишут на Урал школьники. В большинстве стран капитала, даже самых развитых, ребята мало знают о нашей стране; их школьные программы по истории и географии не дают нужных сведений. К тому же — и переписка ярко подтверждает это — пресса, радио и телевидение за рубежом внушают детям самые невероятные небылицы о Советском Союзе. Наши недостатки они возводят в высшую степень, о достижениях умалчивают или преподносят их в другом свете. В этом легко убедиться, прочитав письмо Пат Патерсон из США, письма из Малайзии, Финляндии и другие. В этом плане интернациональная переписка ребят имеет особо важное значение. Взаимный обмен информацией заставляет задуматься маленьких зарубежных корреспондентов.

Клуб интернациональной дружбы «Эхо» — член СИМЕА — Международной детской организации при Всемирной федерации демократической молодежи.

Мы приводим письма из-за рубежа. Пускай читатель не удивляется, что среди множества писем от школьников встретятся и письма от взрослых людей: «Эхо» существует десять лет, и бывшие школьники — теперь студенты или служащие — продолжают переписку с советскими сверстниками.

На все письма даны ответы. Их послали своим зарубежным друзьям члены клуба «Эхо», учащиеся 2-й свердловской школы.

Моя дорогая Анастасия и все остальные двести членов клуба «Эхо»! Я никогда еще в своей жизни не писал письма такому множеству людей. Мне кажется, что я стою на сцене большого зала, а вы все собрались и слушаете меня... Я смотрю на ваши улыбающиеся и очень дружеские лица и чувствую себя счастливым от того, что встретился с вами.

Жаль, что я не волшебник. Я бы изобрел огромный аэроплан, летающий со скоростью света, прибыл бы на нем в Свердловск и забрал бы вас всех в Австралию. Здесь бы вы послушали мои рассказы, и я показал бы вам все мои сокровища, которые есть в моем доме. Затем я повез бы вас по Австралии, вы могли бы увидеть кенгуру и эму, а если зайдете подалее в лес — и динго тоже... Но, к сожалению, я не волшебник и не могу сделать всего этого. Вы только можете прочитать мои рассказы, один из них совсем недавно переведен на русский язык и издан в СССР, он называется «Долгая охота». В нем рассказывается, как один старик преследовал и ловил динго. На озерах и в болотах штата Виктория много водоплавающих птиц — пеликанов, журавлей, уток. Они поднимаются в воздух, с шумом и свистом пролетая над головами, как самолеты. Но в большей части Австралии, в середине ее — пустыня, безводные районы, где очень легко потеряться и умереть от жажды. Многие люди умирали, там, и только аборигены, которые смогли приспособиться к этим безлюдным местам, знающие секрет подземных источников, добывают воду из-под песка. Они выкапывают ямки, в которые набирается вода, и пьют ее.

Я посылаю вам эмблему Австралии и мой автограф — в память о нашей дружбе. Посылаю вам сборник моих рассказов «Дикие красные лошади» — о лесных пожарах в Австралии.

Алан МАРШАЛЛ,
Австралия.

Мы отмечали годовщину Октябрьской революции и вспоминали Ленина — здесь у нас, на Цейлоне, в обществе дружбы наших стран. Я читал его книги, и я — за социализм и за его учение. Очень хочется, чтобы на земле были мир и дружба. Но в мире много темных сил. Одни неграмотны и не знают ничего о политике. Другие знают все, но ради прибыли и наживы загуманивают другим мозги лживой пропагандой. Это плохо. Чтобы помешать им, мы должны объединиться.

ДЖИЛАКАСИРИ,
Шри Ланка.

Знаете, как у нас в Болгарии называют школьный дневник? Бележник. А «бележка» — это оценка... Оценивают знания в нашей школе по шестибальной системе. У нас с вами много одинакового в школьной и пионерской работе. Нам присвоили звание комсомолки Наташи Качуевской, погибшей смертью храбрых во время Сталинградской битвы, она спасла семьдесят раненых. Ее мама была в гостях на сборе нашего отряда.

Ученики III класса,
София, Болгария.

Ты мне прислала на конверте марку с таблицей химических элементов и портретом. Там написано, что бодротатый дядя на марке — Менделеев. Ты меня удивила, Ира! Эту таблицу знают все школьники во всем мире. Разве не изобрел русский ученый? Нам никогда о нем не говорили...

Стиг ОЛСЕН,
Дания.

Напиши, пожалуйста, о своей стране. Я о ней ничего не знаю, знаю только, что она очень большая, и столица Прага.

Мальчик из Финляндии.

Мы восхищались мастерством советских фигуристов. И считаем, что ваш свердловский дуэт — Марина Пестова и Станислав Леонович — незаслуженно получил заниженные оценки.

Иванка ЛЮБИЧ,
Загреб, Югославия.

Посылаем вам открытки с космонавтами З. Йеном и В. Быковским. Мы все в ГДР гордимся, что наш гражданин побывал в космосе. Это не просто волнующее событие. Это — рукопожатие в космосе, это важный исторический шаг. Наши деды и наши отцы воевали с винтовками в руках друг против друга. А мы с вами дружим. И надеемся, что наши дети не будут знать, что такое война.

Моника и Петра ЛОЗЕ,
Потсдам, ГДР.

Во время месячника дружбы ребята из нашего клуба слушали чешский ансамбль «Нарсни», исполнявший ваши песни. Мы постарались разучить эти песни, полюбились вам. Еще мы смотрели «Фронт с тыла» с участием Вячеслава Тихонова, слушали «Пиковую даму» с вашими солистами и встречались с поэтессой Риммой Казаковой. Мы рады, что понимаем ваш язык.

Клуб «Юных приятелей СССР»,
Пльзень, ЧССР.

В каникулы я работаю в библиотеке. Это неплохая работа, хотя платят мало — но все же деньги. В зимние каникулы — я писала — работала в ночном баре; там зарабатывала больше, но работа хуже и устроиться туда труднее. Работает ли ты, когда у тебя каникулы? Что ты делаешь? Сколько платят? Хватает ли этого, чтобы оплатить за учебу?

Кати ПЕЛОВСКАЯ,
Калифорния, США.

Сын моей сестры поступил на медицинский факультет в общественный университет. Ему нужно платить от ста тысяч до двухсот тысяч иен в год. Это намного дешевле, чем платят в частных университетах — от 2 000 000 до 15 000 000 иен в год. Его отец живет на зарплату и в частном обучать сына не может из этих соображений. Плата в частных университетах и гимназиях по карману богатым родителям. А мы не богаты.

Йсую ИСИХАРА,
Токио, Япония.

Дорогая Лили! Бог тебя любит и хранит! Я христианин и считаю, что, независимо от национальности, бог любит всех порядочных людей. Спасибо тебе за открытку и календарь с портретом мистера Бажова. Я не знаю никаких писателей в русской литературе. А я посылаю тебе листочек из библии — там написано по-русски и картинка с видом России. Если хочешь, я пошлю всю библию. В твоём последнем письме какой-то официальный холодок. Я хотел бы писать тебе на домашний адрес, а не на адрес клуба. Или тебе не разрешают?

Джерри ВОЛПЕРТ,
Сан-Франциско, США.

Говорят, что у вас человеку нельзя выпить. Если человек в нетрезвом виде появится на улице, его хватают и отправляют на каторжные работы на пятнадцать суток, невзирая на его общественное положение. Это правда? У вас сухой закон?

Марк РАСТОРФЕР,
Швейцария.

Из нашей переписки я узнал, что у вас уважение и почет человеку в обществе оказывается не по его счету в банке, а по труду, по заслугам перед обществом. Это здорово! Хорошо бы у нас награждали тех, кто борется за мир и дружбу! Но пока за это можно скорее угодить в тюрьму...

Антонио АНГУЛО,
Испания.

Неужели вы не платите за визит к врачу? Сколько стоит у вас операция аппендицита? Кто платит врачу? А у нас с будущего года тоже будет бесплатное обучение — начальное. Конечно, некоторые все равно не смогут учиться. Есть дети, у которых родители — нищие. У них нет ни денег, ни еды, ни одежды. Их дети тоже будут нищими. Не знаю, куда идут деньги, которые собирает в свой фонд ЮНЕСКО для бедных детей. Эти деньги должны пойти на помощь голодным детям. А нищие остаются нищими и голодные — голодными.

Сирджай БХАРИ,
Индия.

Я получила твои учебники — английской и американской литературы. Я удивлена, как много вы изучаете наших писателей. А мы никогда не слышали о многих ваших... Я знаю только Толстого, Достоевского, Пастернака. Мы и своих-то писателей не всех знаем: вот вы изучаете Драйзера, а я о нем не слышала...

Пат ПАТЕРСОН,
США.

После окончания школы я искала работу. Учиться в университете мне не по карману: мой отец рабочий, а мать безработная. Одну зиму я проработала в няньках в богатой семье. Едва выдержала. Меня считали за рабыню родители и их капризные дети. Теперь я безработная. Вместе со своим одноклассником ходим ежедневно на биржу труда. И все безуспешно.

Спроси своего знакомого, который был в нашей стране: что ему говорили о безработной молодежи? Что им показывала наша гид и рассказывала? Ты пишешь, что им давали двойной перевод: наша гид говорила на английском, а ваша с английского переводила на русский. Значит, у нашей фирмы нет гидов, знающих русский язык? Сможешь ли ты помочь мне изучить русский язык, чтобы я стала переводчицей?

Посылаю тебе монету полкроны. Еще посылаю открытку семье нашей королевы. Как видишь, у нее два сына и муж. О ней и о них мы знаем много из газет. А о том, что большинство окончивших школу ходят без работы, не очень пишут и иностранным туристам не рассказывают.

Ева ПЕДЕРСЕН,
Дания.

Извини, что я вашу страну называю Россия, а не Советский Союз. У нас ее обычно называют «Большой Красный Медведь», а Советский Союз — это в официальных документах. Ты веришь, что ваша страна не собирается захватить всю Европу? Я была бы рада узнать от тебя, что это «утка», и что вы — за мир и дружбу. Я буду поддерживать нашу дружбу через переписку. Тогда мы сможем совместно разоблачать ложные заявления газетчиков.

Джон МАГНЕ,
Норвегия.

Хотя я китайка по происхождению, но я не брошу с тобой переписываться из-за того, что Китай воюет с Вьетнамом, а Советский Союз помогает Вьетнаму. Впервые, мои родители не против, да и я сама имею голову на плечах. Я знаю, что ваш клуб «Эхо» за мир и дружбу во всем мире, а не за убийство людей на войне. Я горжусь, что являюсь членом вашего клуба. Знаю, что национальность и расовая принадлежность для вас не имеет значения. Мне интересно переписываться с тобой. Я одеваюсь по-европейски — иногда хожу в джинсах, иногда в юбке (высылаю тебе фото). Пошли мне свою фотографию.

Девочка из Малайзии.

Наши мальчики не хотят переписываться потому, что ваша страна большая, у вас много земли, а у нас мало. Мальчикам говорят, что ваше правительство готовит свою армию для нападения на нас. Мальчики должны готовиться к войне с вами. Напиши мне, правда ли это?

Рейка САВАТАРИ,
Япония.

Мы все очень удивились, когда вы прислали «Сказку о рыбаке и рыбке». Все у нас говорят, что это — японская старинная сказка, и старик там японский... Только это сказка в прозе, а не в стихах...

Санае ИСИХАРА,
Япония.

Когда я получила твою фотографию и увидела тебя в джинсах, я поняла, что вы такие же люди, как и мы. Так же одеваетесь и так же хотите мира, поете песни и любите музыку. Теперь я больше не буду волноваться за твою жизнь. Оказывается, что вы живете не так уж плохо, как я себе представляла.

Сью АРСЕНОЛТ,
Канада.

Был в Верхней Австрии. Посетил Маутхаузен и видел там памятник вашему генералу Карбышеву, а также услышал его историю. Это ужасно! Неужели все может повториться?! К такой или еще к худшей войне готовятся страны? Это не должно повториться!..

ХЕРВИГ,
Австрия.

Наша учительница истории ездила в СССР. Она нам рассказывала про революцию 1917 года, про пароход «Аврора» в Ленинграде. Напиши мне, пожалуйста, об этой революции, какие перемены произошли в вашей стране с тех пор? Оказывается, у вас с тех пор стало совсем по-другому.

Девочка из Дании.

У нас был конкурс русского языка, и в качестве премии у меня попросили олимпийского мишку, которого вы мне послали. Я его отдала за первое место, у меня не осталось... Помните, я тогда носила значок Л. Толстого, и у меня все спрашивали, приходилось рассказывать о Толстом. Теперь ваша замечательная брошка с Данилой-мастером снова вызвала интерес. Ученики узнали о Бажове и захотели прочитать его книгу. Жаль, что нет переводов Пушкина — придет ли время, когда у нас Пушкина будут знать так же, как вы — Шекспира?!

Ольга БОЛУЧ,
США.

Ваша страна будто закрыта дверью от других. Для меня она тоже таинственная, мифическая. Хотя я знаю некоторых ваших исторических личностей, таких, как Сталин и Распутин. О Распутине все распевают песню, которую исполнял «Бони-М», ты слышала ее?

Мальчик из Малайзии.

Спасибо вам за сказки Андерсена на русском языке — это чудесное издание! Я подарила вашу книгу нашему музею Андерсена — ведь он родился и жил в нашем городе Оденсе. Мне было приятно рассказать, как в вашей стране любят и знают нашего земляка, и показывают его сказки по телевидению. Мы не можем похвалиться таким же знанием ваших писателей.

Хенни ЗЕЛЬБЕРТ,
Дания.

Я — гражданин Индии, но живу в Ливии, в африканской арабской стране. Адрес вашего клуба я узнал еще в Индии, в Обществе дружбы. Я бы хотел с кем-нибудь переписываться из СССР. Я обожаю ваших спортсменов и знаю о ваших выдающихся успехах в области промышленности и науки. Рад буду ближе познакомиться с вашей страной и с ее людьми. Интересуюсь музыкой, искусством, механикой, литературой и путешествиями. Мечтаю получить от вас книги и журналы вашей страны на английском языке.

ПИЛЛАП,
Триполи, Ливия.

Дорогой Игорь! Спасибо тебе за интересное письмо и замечательные марки. Спасибо также за поздравление и подарок к моему дню рождения! Это очень-очень интересно, что мы с тобой родились в один день. Мы с тобой — вроде как братья? Я очень интересуюсь системой вашего образования — какие предметы вы изучаете в школе, что у нас с вами общего и в чем разница? Я вижу, что ты хорошо знаешь английский, хотя он для тебя и чужой язык. Один друг показывал мне книгу об образовании в вашей стране, но почитать мне ее не удалось. Очень жду твоих ответов. Что бы ты хотел получить от меня или услышать?

Ликол БАРНИГ,
Люксембург.

Ты спрашиваешь, где я учусь? Я учащийся последнего выпускного класса средней школы в Бейруте. Обучение здесь хорошее, но очень дорогое. Это мне стоит 924 доллара в год. Благодарю тебя за интересную информацию о вашей школе. Напиши мне об Урале — это все очень интересно для меня и моих товарищей. А я тебе посылаю описание пещеры «Джета». Когда-то Ливан был страной туризма, а теперь это костер войны, где все время бомбежки и не видно конца военным стычкам. Даже в год ребенка шла война. А пули и бомбы, они — слепые: они не выбирают и детей убивают наравне со взрослыми...

Чачвел ТАБЕТ,
Бейрут, Ливан.

Мне пятнадцать лет. Я родился 15 января. Мой рост 5 футов 7,5 дюйма. Я учусь в школе в Джорджтауне. Раньше здесь была колония Великобритании, теперь — республика. Ты видишь на конверте водопад, его высота 822 фута. У нас начинается лето, средняя температура +85, +90 по Фаренгейту. У нас круглый год лето.

Должен тебе сказать, Лена, что английский язык

ты знаешь очень хорошо. А для меня английский — самый трудный предмет. Хотя у нас преподавание идет на английском, только двадцать процентов сдают на повышенный курс класса «А» — это те, которые летом смогут попасть в университет. Хотя мы не колония Великобритании, но программа и система школьного обучения остались прежними. Да и плата ограничивает возможность получения образования для всех граждан. Сегодня я заплатил 30 фунтов за четыре экзамена, которые я буду сдавать по обычному курсу, а не повышенному. Не все родители могут платить такие деньги за своих детей. Я мечтаю после окончания школы попасть в университет в вашей стране. Правда ли, что там учат бесплатно?

Ты просишь дать адрес клуба другим ребятам. Извини, но я уже спрашивал некоторых, но все отказываются по экономическим соображениям: переписка стоит дорого, у них нет денег на марки.

Махамед САМСУДУН,
Джорджтаун, Гайяна, Южная Америка.

Ирина, я уже писал тебе, как во время исламского поста нельзя было ни пить, ни есть, ни курить. Особенно тяжело было не пить: ведь жара плюс 30, плюс 40, и рядом газированная вода... Но если кто нарушит закон, то полиция его арестовывает и сажает в карцер. Я хоть и не исповедую ислам, но это распространяется на всех служащих компании. Есть и пить можно только ночью дома. А теперь еще один новый закон — с января запрещены танцы. Говорят, это противоречит законам ислама. Теперь даже в гостиницах для белых танцы запрещены...

У меня к тебе просьба: пришли, пожалуйста, книги по философии, социологии и экономике, изданные у вас на английском языке, буду тебе очень благодарен.

МАХМАТ,
Кувейт.

Оля, посылаю тебе значок для некурящих. На нем нарисованы сигареты — как видишь, их сломали и выбросили; с одной стороны этого значока написано «здоровье», а с другой — «касса». Каждому понятно, что, если он не будет курить, он сохранит здоровье и деньги. Этот значок могут носить только некурящие.

Многие ли школьники у вас курят? Кто курит в вашем седьмом классе? Как вы боретесь с курением? Это теперь важная глобальная проблема. У нас в Швеции многие врачи думают, как убедить тех, кто курит, бросить курить, и не допускать, чтобы заводились новые курильщики, особенно дети. Это одно из проявлений заботы о детях и их здоровье.

Астрид БЕНГТССОН,
Швеция.

Знаешь ли, что у нас в США творится? Энергетический голод! Кризис на нефть и газ. Это серьезная катастрофа. Нефтяные компании подняли цены до 1,5 доллара за галлон (а было 95 центов), и то невозможно купить бензин. Нефтеколонки закрыты. Ожидается новое повышение цен на бензин. Нам нечем заправлять машины, некоторые переходят на мотоциклы и даже велосипеды. А у вас как с этим обстоят дело? Ездите ли вы на своей машине? У нас объявлен также план по рациональному использованию газа. Газ тоже нужно экономить.

Сали СЕЙЛОР,
Калифорния, США.

● Есть следопытские операции, которые охватывают всю страну. Такими были «Орден в твоём доме», «Вахта памяти». Школьники Украины объявили движение «Зеленые обелиски»: мемориальные деревья, высаженные в честь погибших, уже открыли счет рощам, скверам, аллеям боевой славы. Почин украинцев поддержали следопыты Сахалина и Курильских островов. В Тымовском районе посажены березки в память Героев Советского Союза Леонида Смирных, Антона Буюклы, Степана Савушкина и других воинов. «Зеленые обелиски» встанут по всей островной земле.

● Во Внуково, под Москвой, в школе № 41 создается музей боевой славы 8-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. От ветеранов дивизии поступили первые материалы.

● «Иваново поле» — так назвали большой пшеничный массив в колхозе имени Мичурина Кривозерского района Николаевской области. В сорок первом году за околицей села местная жительница обнаружила погибшего солдата; тайне от фашистов она похоронила его и спрятала медальон. В честь солдата Ивана Ефремовича Власова, призванного на фронт из Москвы, и названо поле.

● Начались экскурсии в военно-патриотический музей «Малая земля», открывшийся в Ефремовском химико-технологическом техникуме (Тульская область).

● 6 000 посетителей зарегистрировал историко-краеведческий музей школы № 6 Экибастуза. В нем собраны материалы по истории Экибастуза, отражающие борьбу горняков и строителей за создание топливно-энергетического комплекса.

● Учащиеся усольинской средней школы Марийской АССР собирают национальный фольклор. Ими оформлено двенадцать альбомов песен и легенд, частушек и преданий, пословиц и поговорок марийского народа.

● Поиск бойцов и строителей бронепоезда «Москвич» ведут учащиеся 10-й московской школы. Поезд был построен в первые месяцы войны рабочими города Раменского и поселка Стаханов — ныне город Жуковский; бронепоезд воевал под Ленинградом, Волховом, последним залпом своим приветствовал освобожденный Кенигсберг. В школе состоялась встреча ветеранов бронепоезда.

● Еще, в одной московской школе — № 312 — состоялась встреча следопытов из двадцати четырех школьных музеев страны, работающих по теме «Молодая гвардия». Ребята побывали в гостях у Валерии Давыдовны Борц. Немало удивило их, что бывший боец «Молодой гвардии» очень увлекается охотой, что она — первая женщина в нашей стране, ставшая мастером спорта по автоспорту.

● С именем Ленина

Первого сентября каждый класс 78-й барнаульской школы получает специальный конверт. В нем — задание совета Ленинского народного музея школы: кому-то поручается переписка, кому-то дается адрес для нового поиска... В день рождения Ильича каждый класс отчитывается, какой вклад он внес в школьную Лениниану.

Музею уже четырнадцать лет. Деятельность следопытов наложила отпечаток на всю школьную работу. В школьном коридоре висит стенд, рассказывающий о трудовых успехах учащихся. Эпиграфом к нему — ленинские слова: «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами». Не первый год существует школьный строительный отряд «Товарищ»: бойцы отряда трудятся на объектах строительного управления № 9 треста «Барнаулжилстрой».

...Посетителям, которые приходят в музей, прежде всего покажут один интересный экспонат. Это копия членского билета № 1: «Настоящее выдано Ленину В. И. в том, что он имеет право на звание «Друг детей». Общество «Друг детей» выдало это удостоверение 5 декабря 1923 года...

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● «Луч» —

ленинградский учитель

Музей «ЛУЧ» — ленинградский учитель — родился в школе № 7 города Ленинграда. О чем рассказывают его экспонаты? О строгом историке, который в двадцать лет командовал артбатареями... О маленькой сухонькой «англичанке» — бывшей армейской разведчице... Об энергичном физруке — рядовом пехоты, схоронившем на Одере лучших своих товарищей...

А вот листок, на котором неумелой рукой выведено: «Долой неграмотность». Это времена более давние, на таких листках писали письменные работы первые ученики в годы ликбеза. Юнгштурмовки, косынки, веселые лица на старом фотоснимке рассказывают о ленинградских учителях-«двухтысячниках», по призыву партии отправившихся в дальние районы страны.

Разве не интересно узнать про чудесного педагога — Антонину Ивановну Маркову, с 1 сентября 1918 года проработавшую в школе — шестьдесят лет! В войну Маркова уехала из Старой Руссы с последним эшелонном. А фашисты инсценировали казнь известной учительницы — повесили на площади женщину с завязанным лицом и доской на груди: «Депутат Маркова»...

Девятьсот шестьдесят ленинградских учителей в первые же дни войны ушли на фронт. Тысяча сорок три педагога погибли в блокаду — от пуль, бомбежек, холода и голода. Но не все имена еще известны. Не все отысканы «двухтысячники», помогавшие неопытным учителям в далеких областях. Не все нашлись эвакуированные. Не установлена фамилия учителя, подорвавшего себя и фашистов в штабной землянке...

● Латвия — Сибирь

Имена ста пятидесяти воинов, погибших в боях за Екабпилс, стали известны благодаря поиску следопытов 4-й средней екабпилской школы. И много среди них оказалось сибиряков. Осенью 1941 года в Красноярском крае была сформирована 378-я стрелковая дивизия, прошедшая крещение на Волховском фронте, участвовавшая в прорыве блокады Ленинграда, освобождавшая Белоруссию, Латвию. Школьные следопыты держат связь с бывшим команди-

ром дивизии генерал-майором в отставке А. Беловым и бывшим начальником штаба Н. Мусихиным, переписываются с красноярскими школьниками.

Недавно из Красноярска поступила в школьный музей книга «В бой идут сибиряки». В ней рассказывается о сибирских дивизиях. А взамен следопыты из Латвии послали своим друзьям новые материалы об участии воинов-красноярцев в освобождении Екабпилса.

● Встречались поэты...

«Был в Казани... и стоял вместе с Боратынским» (Баратынским). Да, 5 сентября 1833 года Пушкин был в Казани, где же он «стоял вместе с Боратынским»? В гостинице бывшего Петропавловского переуллка, где проживал Евгений Боратынский? У знакомого ли, Э. П. Перцова, на Рыбно-рядской площади? Или, как утверждают потомки Боратынского, в доме Энгельгардта, который был тестем Боратынского, и где он, приезжая в Казань, останавливался чаще всего? Только где он, этот дом?..

Следопыты музея поэта Евгения Боратынского, который существует в казанской школе № 34, располагают ксерокопией акта раздела наследства между родственниками Боратынского. В нем значится «деревянный дом с дворовым местом, состоящие в городе Казани, четвертая часть первого квартала в Грузинской улице под № 1090»... Отцовский дом по акту унаследовала жена поэта. 1090 — номер земельного участка — означает, что дом стоял первым в первом квартале по правую сторону, перед Грузинской церковью. Сейчас это улица Карла Маркса.

Дом давно сгорел. Именно здесь останавливался Пушкин, утверждают казанские следопыты. Это подтверждается датой пребывания самого Боратынского в доме тестя; тем фактом, что поэт дает в письмах адрес «на мое имя в Казань», а давать его могли только сам владелец дома или близкие родственники; и утверждением потомков пушкинского знакомого Перцова — что Пушкин «стоял» на Грузинской улице.

Утром 6 сентября 1833 года, проведя вечер накануне вместе, поэты разъехались.

Любопытно, что город произвел на них одинаковое впечатление. Пушкина поразила «казанская приветливость»: «Мы так не поступаем, мы в Петербурге живем только для себя». Боратынский писал: «...нет этого равнодушия ко всему, которое составляет характер большей части наших московских знакомцев», здесь «больше гражданственности, больше увлечения, больше элементов политических и поэтических».

● Урок археологии

Этот урок проходит не в школе. Занятия ведутся по адресу: Рязань, Кремль, 9, где располагается отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. А проводятся уроки археологии для членов ребячьего следопытского клуба.

Многое уже помогли отыскать юные помощники своим старшим товарищам. Прялку, на которой хоть сейчас можно пряхать шерсть, роскошное кресло прошлого века, коллекцию дореволюционных пластинок, любительские фотографии первых пионеров Рязани. Да что там прялка и фотографии... Двое мальчишек притащили обрывки бересы, которые обнаружили при раскопке траншеи. И это оказалась настоящая берестяная грамота, которой цены нет...

МИРУ НА ИЗУМЛЕНИЕ

**Николай
МЕЗЕНИН**

С середины XIX века проводятся всемирные выставки.

Уральские экспонаты на них — самоцветы, каслинское литье и златоустовская гравюра на металле, артинские стальные косы и оренбургские пуховые платки, сталь, медь, железо, шагающие экскаваторы и буровые установки — изумляли мир, приносили славу изделиям уральских мастеров, завоевывали награды...

ГОД 1851, ЛОНДОН

**ТАГИЛЬСКИЙ
МАЛАХИТ**

Первая всемирная выставка была организована с целью поощрения искусств, ремесел и торговли. В лондонском Гайд-парке соорудили стеклянный дворец «Кристаллпалас» по проекту архитектора, в прошлом садовника, Джозефа Пекстона. Его опыт создания огромных оранжерей для заморских пальм подсказал простое и оригинальное решение: использовать чугунные конструкции и стекло для стен и кровли взамен кирпича и дерева. Здание, занимавшее площадь 70 000 квадратных метров, начали собирать всего лишь за девять месяцев до открытия выставки.

Хрустальный дворец был признан чудом инженерного искусства. Как писал В. В. Стасов, «вместе с первой всемирной выставкой создавалась вдруг новая архитектура, небывалая, невиданная».

Огромные толпы людей медленно двигались вдоль стендов. Знаменитый бриллиант Кохи-нур величиной с голубиное яйцо. Первые фабричные изделия из каучука американской компании Гудийра. Автоматический пистолет «кольт». Швейная машина «Зингер». Огромная паровая машина для океанских судов. Все это удивляло и поражало.

130 экспонатов, присланных из России, удостоились разных наград.

За медь и железо тагильские заводы Демидовых получили три бронзовые медали. Казенный Артинский завод прислал свои косы и был удостоен за них серебряной медали. (В скобках можно заметить, что технологию изготовления этих великолепных кос разработал еще в 1827 году выдающийся уральский металлург П. П. Аносов, что и поныне единственным в стране предприятием, где делают самые лучшие косы и серпы, остается Артинский механический завод в Свердловской области. Казалось бы, нужны ли эти древние орудия труда в наш век? Оказывается, нужны очень. Ежегодно Артинский завод выпускает более шести миллионов кос и полтора миллиона серпов!).

Из русских экспонатов на Лондонской выставке привлекали внимание посетителей сукно и шерстяные изделия, парча и шелковые материи, козий пух, пряденный в нитки руками казачек Оренбургского войска. Однако наибольшее впечатление на посетителей произвели роскошные изделия из драгоценных металлов и камней.

Об изделиях Екатеринбургской гранильной фабрики в Лондоне писали, что они «превосходили любые подобные произведения древнего искусства». Ваза из серо-зеленой калканской яшмы с рельефной резьбой получила медаль второй степени.

Вот цитата из газеты тех времен: «Малахитовые изделия фабрики Демидовых приводили в восторг и удивление всемирную публику,

толпами теснившуюся в русском отделе, чтобы видеть это чудо Хрустального дворца... Переход от брошки, которую украшает малахит, как драгоценный камень, к колоссальным дверям казался непостижимым: отказывались верить, что эти двери сделаны из того же самого материала, который привыкли считать драгоценным».

Тагильская малахитовая дверь размерами 4,2×2 метра была оценена в 35 000 рублей!

В 1814 году крепостной крестьянин Кузьма Кустов, копая колодец, обнаружил медную зелень. Так было открыто богатейшее в России Меднорудянокское месторождение. Меднорудянка оказалась для Демидовых поистине сказочным подарком природы: она давала хорошую руду и великолепный малахит.

В 1834 году здесь, в штреке на глубине 76 метров, нашли уникальную глыбу малахита весом около 3 000 пудов! Глыбу пришлось разбивать на части и поднимать отдельными кусками. Самый большой кусок весил около 700 пудов! Он тоже был представлен на первой всемирной выставке в Лондоне.

ГОД 1852, ЛОНДОН

СТАЛЬНАЯ ПУШКА ИЗ ЗЛАТОУСТА

Через десять лет состоялась вторая Лондонская, еще более богатая выставка. На нее разрешалось присылать лишь промышленные изделия, изготовленные после 1850 года.

В центре внимания оказался отдел железного производства.

Каждый из 16 уральских заводов, казенных и частных, привез в Лондон по несколько десятков образцов своей продукции. Воткинские заводы имели 46 экспонатов: литую сталь, железо для стволов и корабельное, цепной канат... Невьянский и Алапаевский заводы привезли железо полосное, кованое и листовое — глянцевое и черное. Заводы П. Демидова показали лист и круг кубового железа, литую сталь, медный лист в 33 пуда...

Многие из заводов удостоились наград. Но особенно отличилась Златоустовская оружейная фабрика. Ее изделия из литой стали — сабли, клинки, шашки, кирасы — удостоились медалей за отличную выделку, а главной сенсацией выставки, экспо-

натом № 1 стало стальное орудие 12-фунтового калибра.

Управляющий Златоустовской оружейной фабрикой П. П. Аносов сделал немало открытий, весьма важных для металлургии.

Булат, знаменитую сталь, с незапамятных времен умели варить в Индии, Персии, Дамаске. Этот секрет древности люди много раз разгадывали и снова теряли... Инженер П. П. Аносов в 1833 году получил первый образец настоящего булата — уральского.

Аносов скончался в год проведения первой всемирной выставки, и русский булат за границей представлял его помощник, литейщик Николай Павлович Швецов.

Англичане, рассказывал позже Швецов, решили испытать крепость русских клинков, рубили ими по английскому — на том оставалась зубрина, на русском только пятнышко. Англичане гнули клинок в дугу — он выпрямлялся.

Без конца задавали уральцу вопросы:

— Что за руда?

— В чем закаливаете?

— Руда рядом, у завода, — отвечал Швецов, — сталь варим в тиглях, закаливаем в ключевой воде...

Дело П. П. Аносова продолжил П. М. Обухов, новый управляющий Златоустовской оружейной фабрикой. Он разработал технологию отливки стальных пушек. Орудие 12-фунтового калибра, сделанное из болванки весом 32 пуда 35 фунтов, блестяще выдержало испытание в 4 000 выстрелов. На всемирной выставке 1862 года эта пушка и была отмечена золотой медалью.

Сейчас знаменитая пушка находится в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде.

ГОД 1857, ПАРИЖ

КАМСКАЯ БРОНЯ

ПЯТОВА

За несколько месяцев пустынное Марсово поле превратилось в зеленый город с прудами, водопадами, газовым освещением... Главный дворец выставки (здание называлось еще Галерей машин), весь из железа и стекла, имел вид громадного эллипса — 490×360 метров! — с открытым садом в центре.

Центром внимания стал машинный отдел выставки.

Здесь можно было видеть, как делаются булавки, плетутся корзины и кружева, отливается типографский шрифт, изготавливаются искусственные цветы и пуховые шляпы, печатаются и переплетаются книги, как машины шьют обувь и перчатки, ткнут материю, делают кирпич...

По разделу «Продукты горного дела и металлургия» 108 русских экспонатов получили награды.

С Урала были представлены железо и медь заводов Демидовых, железо Яковлевых, чугун и железо Расторгуевых. За медь, железо, руду Нижнему Тагилу вручили золотую медаль.

Удачно дебютировали на всемирной выставке ижевские оружейники. Две строевые винтовки «удивили всех, знающих дело». Лучшими по отделке были признаны ижевские винтовки, за ними — тульские.

Особым вниманием пользовалась в Париже броневая плита Камского казенного завода, изготовленная по способу русского изобретателя-самоучки В. С. Пятова, — она получила почетный отзыв.

С развитием артиллерии, особенно с появлением стальных орудий, деревянные суда оказались беззащитными. Появилась необходимость одеть флот в броню. Самый мощный в то время английский флот одевался в броню из плит, выкованных кузнечным способом — очень дорогим и несовершенным.

Принципиальные изменения в производство толстых броневых плит внес В. С. Пятов. Конструкция его листокатальной машины существенно отличалась от прежних прокатных станков. Изобретатель разработал и свою технологию прокатки.

Несмотря на успешно проведенные опыты, открытие Пятова долго не находило себе применения в России. Листовой стан Пятова был предшественником гигантских блюмингов и слябингов, занимающих важнейшее место в современном металлургическом производстве.

ГОД 1873, ВЕНА

УРАЛЬСКИЙ ЦАРЬ-МОЛОТ

Главное здание выставки, или Дворец промышленности, представляло собою широкую галерею, пересекаемую 16 поперечными узкими проходами с деревянными постройками. Посредине главной галереи — круглая площадь, или Ротонда, диа-

метром 85 метров, увенчанная колоссальным куполом и блестящей короной на вершине.

В отделе машин Америка, Германия, Англия, Бельгия и Франция заняли главные места, отеснив в конец здания несколько паровозов и железнодорожных вагонов из России. Кажется, только наши горные богатства да золотые вещи и меха бросались в глаза. В горном отделе привлекало внимание русское железо.

Обуховский сталелитейный завод украсил русский отдел 12-дюймовой пушкой из тигельной литой и прокованной стали весом около 40 тонн. Успешное соперничество русских орудий с изделиями пушечного короля Круппа было замечено. Пермский и Обуховский заводы были удостоены почетных дипломов.

Изумили публику образцы стали Пермского завода. Например, полоса стали, завязанная наподобие галстука, стальной прут, скрученный в узел, кусок толстой котельной листовой стали с пробитыми в ней дырами. Все эти операции были сделаны в холодном состоянии.

У Круппа самым мощным был 30-тонный молот. А начальник Мотовилихинского завода, выдающийся инженер Николай Васильевич Воронцов, ученик П. М. Обухова, спроектировал 50-тонный молот — невиданной в истории мировой техники мощности. Чтобы его установить, потребовалось отлить чугунный шаблон или ступ, основанием, весом 38 000 пудов!

Модель и чертеж молота уральцы прислали в Вену. Модель чугунного стула в натуральную величину помещалась в садике русского павильона. Н. В. Воронцов получил на выставке медаль сотрудничества.

Постройка царь-молота завершилась через два года после Венской выставки.

Первую стальную болванку весом свыше 16 тонн царь-молот отковал в присутствии гостей с русских заводов и из Эссена от Круппа. Молот имел силу удара до 160 тонн, ковал болванки весом до 50 тонн. Уральская машина для обработки металла давлением была мощнее в три раза самых сильных молотов в других странах. Молотом-исполином мастера управляли настолько точно, что закрывали им... крышку карманных часов. Работал молот около 60 лет.

Венская выставка знакомила и с другими экспонатами железодельной промышленности Урала. Качество демидовского железа было признано совершенно бесспорным. Владелец завода получил почетный диплом. Медалей удостоились кыштымские заводы за сталь, верх-исетские — за листовое железо, катавские — за железо и сталь.

ГОД 1889, ПАРИЖ

МАРТЕН НА УРАЛЕ

Для этой выставки было решено построить сооружение, которое могло бы стать символом технических достижений XIX столетия. Из 700 присланных на конкурс проектов была избрана стальная решетчатая башня известного французского инженера А. Г. Эйфеля.

Эйфелева башня — так она теперь именуется — высотой 300 метров и весом 9 000 тонн стала символом французской столицы. Ежедневно в 8 часов утра пушечный выстрел с вершины башни возвещал об открытии выставки. Осмотр начинали со знаменитой Галереи машин, расположенной на Марсовом поле.

Выставка 1889 года познакомила мир со многими удивительными открытиями — искусственными алкалоидами, индиго, шелком, целлулоидом, сахарином, сплавом алюминия с железом, передачей электричества на расстоянии.

Наиболее сенсационные новинки, изобретения и усовершенствования демонстрировал американский техник Эдисон — телеграф, телефон, фонограф, электротехнические приборы. Особым успехом пользовался фонограф. Платформа с этим аппаратом буквально осаждалась публикой, которая в длинном хвосте долгие часы ждала своей очереди послушать его.

Газ и электричество соперничали в освещении выставки, но газовое освещение явно бледнело рядом с электрическим. Первое место занимали лампы накаливания, а в садах и на мосту горело 70 свечей Яблочкова. Инженер Н. П. Мельников писал: «Электричество на выставке было представлено с поражающей полнотой. Это едва ли не самый полный и самый лучший отдел выставки».

И эта выставка была торжеством железа и стали и их широкого применения. Великолепное здание Галереи машин и колоссальная Эйфелева башня были гордостью выставки и громко говорили миру о прогрессе металлургического производства.

Металлургия располагалась в павильоне 5-й группы. За минералами следовали металлы в первобытном их виде: железо, чугун, олово, сталь, медь, цинк, серебро и всевозможные металлургические сплавы. Далее те же металлы в обработанном виде: литой чугун, листовое железо, бандажи, оцинкованное железо, медь,

свинцовые и цинковые листы. Далее — изделия более сложной и тщательной отделки.

В металлургии к этому времени совершалась техническая революция. Появились три новых способа массового получения литой стали — бесемеровский (1856), мартенковский (1864) и томасовский (1878).

Когда Г. Бессемер в 1856 году получил патент на выплавку литой стали конверторным методом, то описание процесса сразу же появилось на нижнетагильских заводах. Вскоре на заводе в Нижней Салде применили новый метод. На Парижской выставке 1867 года экспонировались продукты бессемерования из Нижней Салды.

Однако уральское сырье не совсем подходило для широкого распространения нового метода. Усилиями русских металлургов Д. К. Чернова, К. П. Поленова и В. Е. Грум-Гржимайло был создан русский вариант бессемерования.

О технических достижениях уральской металлургии свидетельствует отзыв известного австрийского металлурга профессора Г. Ф. Туннера. Он писал:

«Горное дело в России, в особенности столь важное железное производство, не только равно нашему, но в некоторых отраслях даже опередило нас, немцев... Едва ли есть какое-либо из новейших изобретений и улучшений, которое не было бы введено в России, хотя бы в виде опытов... Способ Мартена, имевший в Австрии по сие время только сомнительный успех, хотя введен на трех заводах, был представлен на С.-Петербургской выставке и вводится уже в Сормово близ Нижнего Новгорода и на Воткинском заводе... Тот факт, что способ Мартена уже дошел до Урала, показывает, как быстро русские горные инженеры получают сведения о всех нововведениях и как умеют их применять».

ГОД 1893, ЧИКАГО

УРАЛЬЦЫ В АМЕРИКЕ

Всемирная выставка в Чикаго была приурочена к 400-летию со дня открытия Америки Колумбом, потому и саму выставку называли Колумбовой.

На открытии выставки американский президент Кливленд дотронулся пальцем до кнопки — паровая машина начала работать и зажгла 30 000 электрических лампочек.

Павильон электричества нередко посещал прибывший в Чикаго молодой преподаватель минного офицерского класса Морского технического училища в Кронштадте, уроженец уральского поселка Турьинские Рудники Александр Степанович Попов. Через два года после выставки в Чикаго он на заседании Русского физико-химического общества сделал сообщение о своем изобретении приемника электрических колебаний — грозоотметчика. Изобретатель выразил надежду, что его прибор при дальнейшем совершенствовании может быть применен для передачи сигналов на расстояние. День этого доклада — 7 мая 1895 года, когда А. С. Попов впервые продемонстрировал созданный им радиоприемник, считается датой изобретения радио.

«Парижская выставка бледнеет против выставки электричества в Чикаго, — писали в газетах, — а ведь прошло всего 4 года. Вот темпы наступления электричества».

Одно из практических применений новой энергии представил горный инженер из Мотовилихи Н. Г. Славянов — свой способ электросварки.

Будучи металлургом, Славянов заинтересовался электротехникой, глубоко ее изучил. Он настойчиво искал пути использования тока для промышленного нагрева. В 1888 году Славянов сконструировал аппарат дуговой электросварки металлическим электродом. Первые опыты были удачными, и вскоре на заводе новым способом сварки соединили вал паровой машины.

Н. Г. Славянов подал заявку на способ и аппараты для электроотливки металлов, на способ электрического уплотнения металлических отливок и год спустя получил привилегии. Затем он получил патенты в России, Франции, Германии, Англии, Австро-Венгрии и Бельгии.

Американские специалисты выражали сомнение в пригодности способа Славянова для сварки цветных металлов. Славянов и его помощники изготовили два стакана — 12-гранные призмы с круглыми основаниями, высверленными внутри. Сварены они были из колокольной бронзы, томпака, никеля, стали, чугуна, нейзильбера и обычной бронзы. Весил каждый стакан 5,330 килограмма, высотой был 210 миллиметров. Один из них экспонировался в Петербурге, другой послали на выставку в Чикаго. На дне стакана была надпись: «1893 г., Чикаго, Славянов».

На всемирной выставке 1893 года Н. Г. Славянову присудили золотую медаль «за дуговую электрическую сварку».

Сейчас один из стаканов Славянова хранится в музее Ленинградского политехнического института,

другой — в Пермском краеведческом музее.

Уральская продукция в Чикаго, как и на прежних выставках, более внушительно выглядела в разделе горного дела и металлургии.

О каслинском литье в газетах писали: «Множество образцов весьма тонких художественных отливок из чугуна, служивших предметом особого внимания и удивления публики, причем все эти отливки были запроданы в первые же дни по открытии отдела; оптовыми же торговцами предлагались на них заводы большие заказы».

Златоустовские «изделия имели также успех на выставке как по красоте отделки, так и по качеству стали: образцы сварочного и литого булата, шашки, ятаганы, ножи. Сбыт изделий в России, Америке и Азии».

Екатерининский железодельный завод выставил весьма изящные пальмы и букеты цветов, сделанные из тончайшего листового железа. «Коснувшись этого последнего сорта железа, — говорилось в отчете о выставке, — нельзя не упомянуть, что уральское листовое железо, благодаря прекрасным местным рудам, а также умению придавать ему особый глянec, издавна пользуется большим почетом за границей, причем по настоящее время сбывается через Лондон в Америку и Австралию, где оно, вследствие красивого вида, идет на трубы для комнатных печей, а толстые сорта — на устройство сит для золотопромывальных машин, и в этом последнем деле оно считается до сих пор не имеющим себе равного по своей стойкости».

ЧУДО ГРАНИЛЬНОГО ИСКУССТВА

Эта всемирная выставка вызвала особый интерес, она как бы подводила итоги всего XIX столетия. Ее называли международным праздником труда, прогресса и цивилизации.

Все, начиная с гигантской Эйфелевой башни, покрашенной желтой краской и при электрическом освещении казавшейся золотой, — все стало ослепительной роскошью и богатой фантазией. Павильоны пышно именовались дворцами. Были Дворцы промышленности и производства, оптики, механики, химического производства... Возвышался и прежний Дворец машин, который разделили на три части и разместили в нем

выставку земледелия, пищевых продуктов, а центр, увенчанный огромным куполом, превратили в великолепную залу празднеств.

Основная мысль выставки — сырые продукты, способы их обработки. На выставке старались собрать не кучу машин, а показать, как из сырых материалов получают готовые фабриката.

В каждом отделе устраивался маленький музей, по экспонатам которого можно было судить об успехах, достигнутых в данной отрасли. Среди технических средств были химические аппараты Лавуазье, микроскоп Пастера, машина Робера, аппараты Муассана для производства искусственных алмазов.

Гвоздем выставки называли павильон иллюзий, где демонстрировались электричество, кинематограф и автомобиль. Да, тогда это были во многом только иллюзии...

Чем же отличалась российская экспозиция на таком знаменательном смотре на рубеже двух веков?

Царская Россия и на этой выставке не смогла блеснуть своими достижениями в области машиностроения — основные виды оборудования, станки и многие машины ввозились из других стран. Стремясь как-то замаскировать технико-экономическую отсталость страны, правительство било на внешний эффект. В павильоне России на всемирных выставках обычно отводилось большое место предметам роскоши, ювелирным изделиям из драгоценных камней и металлов.

На выставке 1900 года, хотя русский горный отдел был одним из самых обширных после французского, уральские заводы выглядели «не с желательной полнотой». П. П. Демидов представил образцы золотосодержащих песков, золота шлихового и самородного, платины, железные, марганцевые, хромовые и медные руды, малахит, уголь, образцы чугуна, железа и стали разных сортов, медь, изделия из нее.

Ижевские заводы показали много образцов тигельной и мартеновской стали, стволы, инструмент, части винтовок. Экспонировался замечательный набор златоустовского холодного оружия, кузинское художественное литье.

Самым же выдающимся экспонатом Парижской выставки 1900 года был признан, по единодушному мнению, павильон из чугунного литья, где были выставлены лучшие изделия каслинских мастеров. Сам павильон, отлитый из ажурных чугунных решеток, с двумя гномами у входа, был чудом мастерства. А великолепно исполненные скульптуры вызвали восторг у публики сами мастера, уральские умельцы, приехавшие в Париж, — бородачье, голубоглазые скифы в смазанных дегтем сапогах и неизменных картузах.

Как не похожи были они на художников, на прославленную парижскую веселую и шумную богему!

Каслинский чугунный павильон получил на Парижской выставке высшую награду — Гран-при.

Знаменитый павильон был восстановлен каслинскими мастерами пятидесятых годов, и сейчас он находится в Свердловской картинной галерее.

Урал славен не только металлами, но и камнерезным искусством. На Парижской выставке 1900 года экспонировалась карта Франции, изготовленная из уральских самоцветов камнерезами и гранильщиками Екатеринбургa под руководством мастера П. П. Милькова. Карта весила более 33 пудов. Общая ее стоимость была определена в 16 000 рублей!

Рельефная карта Франции масштабом 1:100 000 вделана в квадратную, метр на метр, раму из серого уральского мрамора толщиной в вершок (4,4 сантиметра). Низменности и горы набраны из цветной яшмы, моря — из лазурита, отдельные департаменты — яшмами разного цвета. 105 городов Франции обозначены различными камнями. Париж — большой рубин, другие города — изумруд, сапфир, хризолит, турмалин, аметист, горный хрусталь... Названия городов начертаны золотом, реки — вкрапленными в яшму платиновыми жилками.

Весь Париж был восхищен картой, в печати ее называли чудом гранильного искусства. Посетители по достоинству оценили чудесную коллекцию уральских камней, показанную в своеобразной форме географической карты. Выполненная с тонким художественным вкусом и исключительным мастерством, карта получила высшую награду выставки, а ее автор, директор Екатеринбургской гранильной фабрики В. В. Мостовенко, был награжден командорским крестом ордена Почетного легиона. Самоцветная карта была подарена Франции в знак дружбы между французским и русским народами.

ГОД 1937, ПАРИЖ

ГОД 1939, НЬЮ-ЙОРК

КАРТА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Выставка 1937 года посвящалась искусству и технике в современном мире.

Дворец радио, комната звукозаписи, первые телевизионные приемники — много было диковинок в Париже. Бильдаппарат, передававший изображение посетителей на другой конец Марсова поля, считался главным аттракционом отдела фотографии.

Выставка была праздником света. Высоковольтные газосветные источники — ртутные и натриевые — использовались по единому плану как новое живописное средство для светового убранства зданий и сооружений. Впервые экспонировались новые источники света — люминесцентные лампы.

Павильон СССР в Париже был увенчан знаменитой скульптурой В. Мухиной «Рабочий и колхозница». Впервые страна победившего социализма представила свои достижения западному миру. Модели и макеты машин и гидростанций, первые наши автомобили и тракторы, ткани, хрусталь, пушнина, книги, картины, планы промышленного строительства и реконструкции старых городов, электрифицированный макет канала Москва — Волга — все советское вызвало повышенный интерес посетителей.

На обеих выставках — в Париже и Нью-Йорке — в центре внимания была, конечно же, карта индустриализации Советского Союза, сделанная из самоцветов уральскими гранильщиками. Площадь ее 19,5 квадратных метра. По общему мнению знатоков и специалистов, карта была признана высшим достижением мозаичного искусства. Для нее пришлось огранить 3 685 камней.

«Всеобщее восхищение вызывает карта СССР, сделанная из самоцветных и драгоценных камней. Перед этой картой, рассказывающей о необъятных просторах нашей родины, ее неисчислимых естественных богатствах и мощной социалистической промышленности, посетители стоят подолгу, иногда часами, не в силах оторвать глаз от замечательного произведения уральских мастеров», — писал журналист Г. Белкин.

Корреспондент парижской газеты писал: «Карта СССР — один из самых изумительных экспонатов не только советского павильона, но и всей Парижской выставки».

После закрытия всемирной выставки в Нью-Йорке карта вернулась в СССР, в Эрмитаж.

Время внесло изменения в границы нашей Родины, произошли перемены и в экономике страны, и карта была переделана.

2 мая 1948 года в Георгиевском зале Эрмитажа вновь стала экспонироваться реставрированная и улучшенная знаменитая карта, собранная из лучших самоцветов страны.

Всемирная выставка в Нью-Йор-

ке 1939 года посвящалась «Миру завтрашнего дня». Центральное сооружение выставки — стальная остроконечная трехгранная пирамида высотой 215 метров — «Трилон». Рядом находился гигантский металлический шар диаметром 60 метров — «Перисфера». На выставке впервые демонстрировались пластмассы, были показаны первые магнитофоны.

В советском павильоне наибольший интерес вызвал механизированный макет Магнитогорского металлургического комбината, действующая модель Днепрогэса, макет станции «Маяковская» Московского метрополитена, мощные паровозы и глissеры, самолет, на котором Валерий Чкалов совершил первый трансконтинентальный перелет — из Москвы в США.

В павильоне СССР побывало рекордное число посетителей — 17 миллионов.

ГОД 1958, НЬЮ-ЙОРК

ШАГАЮЩИЕ ГЕРКУЛЕСЫ

Открытия первой послевоенной выставки все ждали с нетерпением. Три года 14 000 строителей возводили на 200 гектарах двух парков бельгийской столицы современный и в то же время сказочный город.

На всемирных выставках стало традицией показывать не только оригинальные экспонаты, но и сами павильоны. На этот раз выделялись павильоны трех великих держав — СССР, США и Франции, оригинальные, смелые по инженерной конструкции. Вообще архитектура выставки отличалась обилием стекла и легкостью конструкций. За это ее называли выставкой прозрачности.

Ключом выставки стал знаменитый Атомнум. Это очень стройное и легкое на вид сооружение весит 2 300 тонн. Девять огромных шаров, соединенных переходами, устремляются ввысь, образуя модель кристаллической решетки железа. По замыслу строителей выставки это — символ грядущего века атомной энергии и в то же время — дань уважения железу, главному металлу века.

В США уже давно рекламировали подготовку к запуску спутника Земли под названием «Авангард», этим подчеркивалось, что он будет первым в мире. И вдруг в небе появляется спутник! Гром среди ясного

неба! Запуск первого советского искусственного спутника Земли пробудил своими сигналами «бип-бип» западный мир. Советский павильон с его главной гордостью — первым в мире спутником — оказался подлинной сенсацией выставки. Спутник притягивал зрителей, словно магнит. «На этот раз спутники были неподвижны, — писал Борис Агапов, — а люди всех широт земного шара вращались вокруг них.»

Кроме спутников ошеломляющее, можно сказать, впечатление на посетителей производил раздел машиностроения, самый большой в советском павильоне. Толпы людей собирались вокруг макетов первых в мире атомной электростанции и атомного ледокола, вокруг модели воздушного лайнера Ту-104, вокруг станков, каждый из которых — последнее слово техники.

«Эффект, который производит советский павильон, — взрывной», — писала бельгийская газета.

В разделе, посвященном искусству, красовались изделия народного творчества — резьба и роспись по дереву, резьба по кости, живопись на папье-маше, чеканка по металлу, поделки из янтаря, инкрустации по дереву, золотощвейные украшения, вышивки, вязание.

Уральских ювелиров вместе с прославленными малахитчиками тоже пригласили в Брюссель. Они отправили изделия из камня. Старейший малахитчик завода «Русские самоцветы» А. Н. Оберюхтин изготовил вазу и шкатулку, Ю. Г. Абакулов — яшмовый ларец. На выставку попали также кулон из аквамарина, ювелирные гарнитуры, украшенные аметистами и топазами.

Свердловские мастера были удостоены Почетного диплома.

Учащиеся свердловского ремесленного художественного училища № 42 послали в Брюссель несколько своих работ. Ларец из различных пород камня на темы русских народных сказок изготовили, как дипломную работу, Владимир Буркин, Виктор Шубин, Виктор Сергин и Анатолий Попов под руководством мастера Ивана Яковлевича Шелихова.

Свердловский экономический район, кроме художественных изделий, экспонировал в Брюсселе передвижную компрессорную станцию высокого давления, мотоцикл М-52 Ирбитского завода.

В одном из отделов советского павильона мерно ходила направо и налево стрела действующего макета 25-кубового шагающего экскаватора ЭШ-25/100, который в год выставки готовились выпускать уралмашевцы. Модель, в 25 раз меньше натуральной величины, сделали воспитанники свердловского ремесленного училища № 1 под руководством мастера С. С. Белова.

Уральские шагающие экскавато-

ры были известны миру. Еще в 1949 году на строительстве Волго-Донского канала трудился первый шагающий, но у него был ковш объемом 14 кубических метров и стрела длиной 65 метров. А тут — 25 кубов и 100-метровая стрела — очередное советское чудо.

Всего на Уралмаше построено 100 шагающих «гулливеров» с ковшами емкостью от 10 до 100 кубических метров.

ГОД 1967, МОНРЕАЛЬ

БУРОВЫЕ УРАЛМАША

Очередная выставка отражала основные изменения, которые произошли за десятилетие в экономике, науке, технике и культурной жизни стран мира. Проходила она под девизом «Земля людей».

Официально выставка приурочивалась к празднованию 100-летия конфедерации Канады, монреальцы связывали ее с 325-летием основания города. Для нас же это был полувековой юбилей Великого Октября.

Советский павильон снова был самым большим и самым популярным. Он был похож на сказочный корабль, несущийся против течения бурной реки. Стены его из стекла, а кровля — в виде гигантского трамплина из алюминия, стали, стекла и бетона. Канадцы называли его «Летающей крышей».

Девизу советского павильона «Все во имя человека, все для человека» отвечали все 6 000 экспонатов. Советские люди как бы отчитывались перед миром: как они осваивают природу и какой вклад вносят в сокровищницу человеческого прогресса.

Узбекские тибетейки и якутские алмазы, осетры и пейзажи Венеры, часы 25 марок и уникальный глобус Луны, поделки умельцев из дерева, кости, керамики, ижевские спортивные ружья и златоустовские секундомеры «Агат», уральские самоцветы и оренбургские пуховые платки (кстати, они получили здесь серебряную медаль) — все-все было откровенно и привлекало посетителей.

Обширный раздел «Атом для мира» рисовал картину развития ядерной энергетики, начиная с первой в мире советской атомной электростанции и до прообраза термоядерной установки, которая будет

использовать воду в качестве неисчерпаемого горючего. Эффектно выглядел макет строящегося гигантского серпуховского ускорителя.

Главный экспонат раздела металлургии — действующая модель самой большой в мире доменной печи объемом 2 700 кубических метров, производящей два миллиона тонн чугуна в год. Рядом — макет Новолипецкого завода с действующей установкой непрерывной разливки стали — первый в мире завод без изложниц. В создании обоих этих агрегатов участвовали уралмашевцы.

Отцом заводов называл Уралмаш Максим Горький. Это был первый на Урале гигантский завод, на котором объединялись металлургическое, сварочное, механосборочное, вспомогательное производства, имелась собственная энергетическая база — все необходимое для изготовления тяжелых машин различного назначения. В старой России, опутанной иностранными монополиями, таких заводов не было и не могло быть.

Первенец отечественного тяжелого машиностроения Уралмаш через пять лет после пуска, к началу 1939 года, изготовлял 80 типов различных машин, среди них — прокатные станы, доменное оборудование, экскаваторы. В том же году коллектив предприятия получил первый свой орден из восьми, которые украшают его знамя сегодня. Машинами Уралмаша оснащены тысячи предприятий нашей страны.

Марка «УЗТМ» стоит и на мощной технике для нефтяных промыслов страны. Она тоже экспонировалась в Монреале. Главная особенность новых буровых установок — универсальная монтажеспособность. Исследовали один участок — перебазируются на другой, может быть, и не по соседству, а за сотни километров. Для этого буровой комплекс демонтируется на блоки, каждый из которых перевозят на платформе одним тягачом. Не надо разбирать агрегат на мелкие узлы или перемешать огромные сооружения, цепляя в одну упряжку 4—6 мощных тягачей.

Королевой же среди всех буровых по праву стала уникальная установка «Уралмаш-15 000». Она рассчитана для проходки скважин на глубину 15 000 метров!! Исполненная стальная вышка высотой с 20-этажный дом по технической оснащенности превосходит многие промышленные предприятия. Вся работа механизирована и автоматизирована до предела. Дежурному мастеру не обязательно быть на площадке: за ходом бурения он наблюдает по телевизору. А приборы на пульте управления показывают температуру в скважине, давление, испытываемое буром, и многое другое.

Сверхмощный буровой комплекс

поможет советским ученым достигнуть верхних слоев мантии Земли, приоткрыть загадочные тайны строения планеты, постичь законы распространения полезных ископаемых.

ШЕДЕВРЫ ИЖЕВСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ

Осаку не случайно избрали местом для первой всемирной выставки на Азиатском материке. Японцы еще в 1940 году намеревались устроить всемирную выставку, даже успели продать на нее билеты, но грянула Вторая мировая война. Администрация выставки в Осаке объявила, что проданные 30 лет назад билеты действительны, и, представьте, нашлись люди, предъявившие эти билеты.

Архитектура выставки была в высшей степени необычна и разнообразна по стилю. Среди 120 павильонов и сооружений не было и двух хоть немного похожих зданий. Это дало повод журналистам называть архитектуру ЭКСПО-70 «гармоническим хаосом».

Япония решила продемонстрировать свои технические достижения и научные разработки на будущее, доказав этим, что японцы умеют не только заимствовать плоды чужой технической мысли — покупать лицензии в большом количестве, но и способны на собственное оригинальное творчество в судостроении, химии, электронике, точном приборостроении и других отраслях.

Интересной экспозицией в павильоне «Мацусита» была «Капсула времени» весом 1600 килограммов, начиненная предметами цивилизации XX века — фильмами, книгами, произведениями искусства разных стран мира... 3420 предметов было отобрано для характеристики нашего века: 2068 — должны рассказать о точных науках и технических достижениях, 673 — о состоянии естественных наук, 679 — дать представление о современном искусстве и литературе. В «Капсулу времени» попали макет советского выпмпела, доставленного на Луну, и бортпаек американского астронавта, образцы тканей и микротелевизор, лак для ногтей и стальные наручники, банкнота и деловые бумаги...

После закрытия выставки капсулу замуровали на площади напротив

Осацкого замка. На каменном обелиске начертано: «Просим вскрыть через 5000 лет, в 6970 г.»

Советский Союз одним из первых получил приглашение японского правительства участвовать в выставке. Открытие ее совпало со временем, когда наша страна и все прогрессивное человечество отмечало 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Поэтому основой советской экспозиции и архитектуры павильона стала мысль — как претворяются в жизнь идеи В. И. Ленина в нашей стране, строящей коммунизм.

Издавело внимание посетителей привлекал шпиль советского павильона, поднятый на высоту 109 метров. Вознесенные на огромную высоту серп и молот венчали развернутое красное знамя. В оформлении павильона использовались и уральские материалы, например, недавно найденные цветные мраморы — черные и темно-вишневые.

Экспозиции, связанные между собой единым замыслом, размещались на трех этажах. Главный зал — художественные произведения.

Особая экспозиция рассказывала о жизни советских детей. Туда попали работы юных чеканщиков из «Икара» — кружка чеканки клуба юных техников из Первоуральска.

Всегда толпились любопытные у стенда с ювелирными украшениями. Здесь было выставлено около 600 редкостных изделий из золота и драгоценных камней. Народные умельцы, приехавшие в Осаку, тут же, на глазах у публики, демонстрировали свое искусство — резьбу по кости и дереву.

С Урала доставили новые образцы украшений. Красовались серебряные филигранные серьги и кольца с густо-зеленым малахитом и с пестроцветной и рисунчатой яшмой, серьги с огненным сердоликом, кулоны и серьги с темно-вишневым нефритом, розовым агатом, лунным беломоритом. Впервые на выставке показали изящную брошь и кольцо с аметистовой щеткой. В Осаке было 46 видов различных серебряных и золотых украшений — произведений мастеров Свердловской ювелирно-гранильной фабрики.

Третий этаж был посвящен развитию крупнейших районов нашей страны — Сибири и Дальнего Востока.

Экспонировались в Осаке карманные часы Челябинского часового завода, корпус которых обработан алмазной проточкой, имеет четкие грани при большой чистоте поверхности. Красивы золоченые стрелки. Туда же попали и настольные часы «Молния» в корпусе из органического стекла сквозного крашения.

Заключительный раздел советской экспозиции посвящался науке

и ее развитию в связи с завоеваниями космоса и использованием его на благо человека. Под потолком павильона парили новые аппараты, летающие во Вселенной, разная космическая техника.

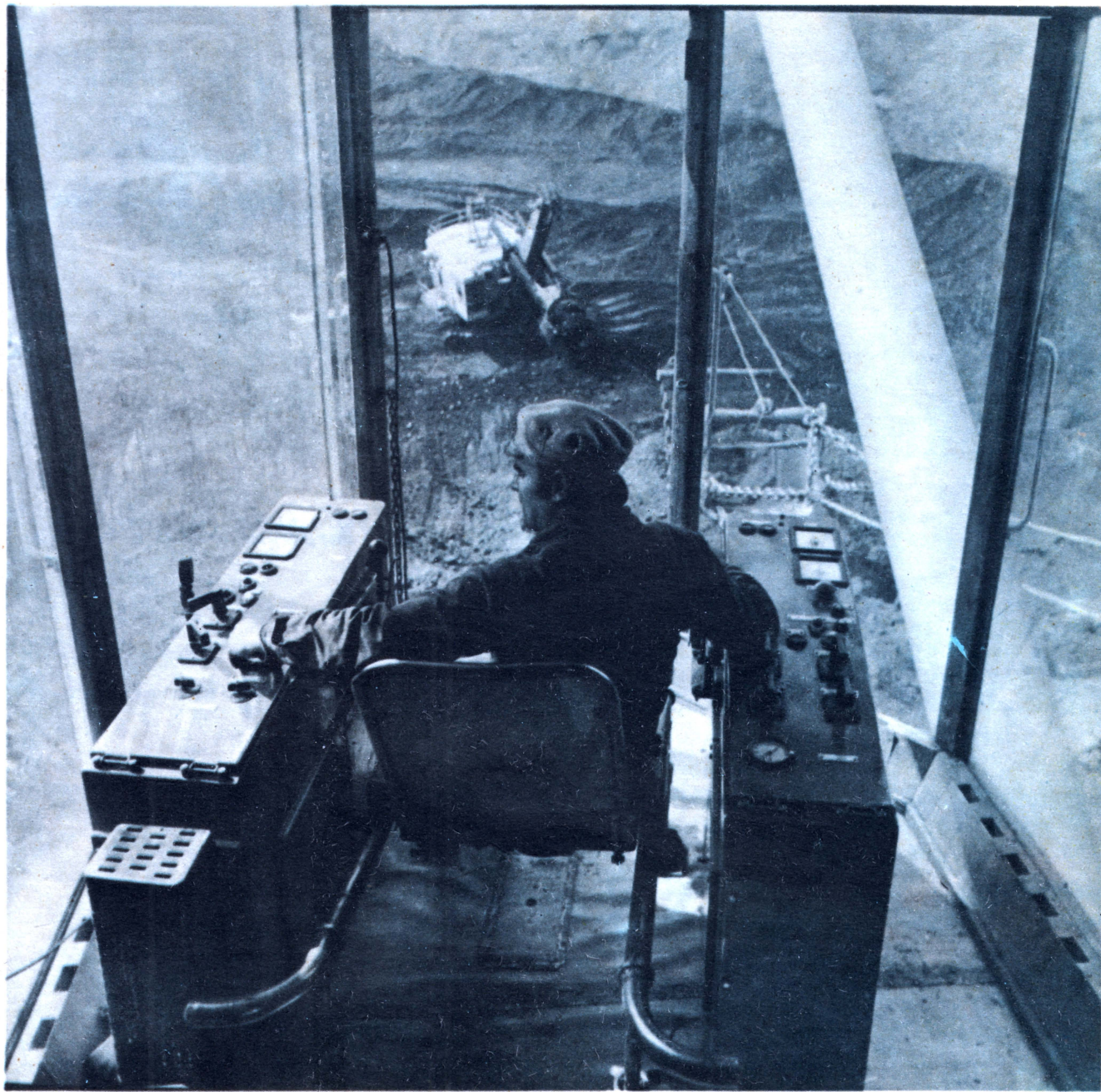
И снова удивили посетителей всемирной выставки ижевские оружейники. Они представили на ЭКСПО-70 свои новые модели — спортивно-тренировочное ружье «ИЖ-25» для стрельбы на круглом и траншейном стендах, двухствольное ружье с эжекторным механизмом, спортивные пистолеты. Все эти экспонаты снова получили высокую оценку экспертов и посетителей.

Урал сегодня — это край-богатый, кладовая неисчерпаемых земных сокровищ, поставленных на службу советскому человеку. Занимая 3,1 процента территории, Уральский экономический район выпускает значительную долю общесоюзной промышленной продукции — четверть чугуна, свыше трети стали. Урал по-прежнему остается опорным краем державы, и его изделия не раз еще будут украшать различные выставки.

Вернисаж в Новокузнецке

А. САНАРОВ. На разрезе.

Седьмой год пошел, как при газете «Кузнецкий рабочий» организовался фотоклуб. Его членами стали активные фотолюбители — авторы многих интересных газетных публикаций. Но теперь путь их фоторабот стал длиннее — на всесоюзные и международные выставки...

Новокузнецкий фотоклуб организовал уникальный вернисаж: в городском выставочном зале открылась фотовыставка «Человек и природа». Ее участниками стали сибиряки и прибалтийцы, украинцы и москвичи, несколько работ представили и уральцы — фотожурналисты и фо-

толюбители Челябинской, Пермской и Свердловской областей.

Сегодня мы публикуем несколько работ членов фотоклуба города Новокузнецка, получивших награды выставки.

Алексей НАГИБИН

В. ВОЛЧЕНКОВ. Вынужденная посадка.

А. САНАРОВ. Бригада Героя Социалистического Труда Г. Н. Смирнова. ▶

◀ **А. САНАРОВ.** Из серии «Мой город — моя тревога».

◀ **Е. ВШИВКОВ.** Из серии «Новелла об олене».

Г. НЕФЕДОВ. На околице. ▶

Сокрушение Лехи Быкова

Повесть

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ
ПОМНЮ Я...

А. С. Пушкин.

**Борис
ПУТИЛОВ**

Рисунки
Н. Мооса

Нет ничего естественнее и благороднее для человека, чем свержение злого владычества.

Я говорю не только о жизни взрослых.

У детей эта борьба выражена еще отчетливее, еще непримиримей: они ближе к истокам, и течение их помыслов не так замутнено сложностями человеческих взаимоотношений.

1.

В пятом классе к власти у нас пришел демос — общее собрание свободных граждан. Как в Афинах при Перикле. Или на наших зыбких улицах, сколько я их помню. Слабая половина человечества голоса на собрании не имела, и не потому, что мы девочек за людей не считали, нет: в тот 1943 год, год великого перелома, томимые даже в войну жаждой реформ и преобразований, отцы нашего просвещения ввели, как в доисторические времена, раздельное обучение. Чтоб сподручнее было готовить из нас суровых воинов-спартанцев, а из девочек, огражденных от пагубного мужского влияния, формировать высоко-нравственных боевых подруг.

Как всякий возврат к старому, сия реформа принесла мало путного, лишь до времени ожесточила, одикарила наши мальчишеские нравы, а девочек сделала еще жеманней и глупей. Что-то ненародное, несовременное в ней было, и через двенадцать лет, срок возрастания целого поколения — к сожалению, нашего, — она рухнула.

Но о разумности некоторых школьных реформ у нас будет еще возможность поговорить. Вернемся к вопросу о власти.

Итак, в пятом классе вся ее полнота перешла к демосу. Навсегда, как казалось, и бесповоротно.

Бесповоротно и навсегда потому, что к ней мы пришли и через поклонение тиранам — сперва, и через кровавую борьбу с ними — потом.

Этот страшный хромец явился ко мне с осени, с первых уроков истории. В четвертом классе мы расстались с нашей родной и единственной учительницей Тамарой Арсентьевной. В пятом к нам нагрянуло их сразу много, на каждый предмет по учителю. Больше других нас поначалу напугала историчка.

Путилов Борис Анатольевич — свердловский писатель. Родился в 1931 году в городе Кунгуре Пермской области. Закончил среднюю школу, затем — факультет журналистики Уральского госуниверситета и Высшие сценарные курсы при Госкино СССР.

Работал Борис Анатольевич журналистом, бюроэконом на нефтепромыслах Башкирии и Полярного Урала, слесарем-сборщиком на Свердловском турбомоторном заводе, мастером ГПТУ. Путилов — автор книг, вышедших в Свердловске и Москве.

Учительница истории Таисия Макаровна, махонькая старушонка, прозванная школярами с метким и злым зыйским юмором Тасей-Маковкой, боготворила великих завоевателей и принципалов. Может, была тут некая патология: для карлицы и старой девы, принявшей, видно, от людей-людишек немало горя, существование великих, умевших пускать кровь ничтожному обывателю, было утешением. Может быть... Во всяком случае, великие тени были ей ближе живых...

Всклокоченная, седая, крючконосая, она таскала под мышкой большой, до матерчатой основы истертый портфель, за которым, привязанные к нему лямками, чтоб не потерялись или чтоб «шалопай», мы то есть, не украли, тянулись по полу указка и толстая ручка с 86-м пером. Она заходила в класс и, как баба-яга в ступу, влезала за кафедру, открывала свой пустой, с единственным железным клыком рот, и на стриженные от голодной вшивости под ноль головы наши обрушивались имена Рамзеса и Хаммурапи, Александра и Цезаря.

— Убившие царя Кира бросили его голову в мешок с кровью: «Ты хотел крови — напейся ее!» — кричала Тася-Маковка, и ее источенное скудным учительским пайком лицо горело белым огнем. — Но бескровная война — утопия! Слюнявый гуманизм! Все великие державы создавались на костях. Старое никогда не уходило само. Все его плотины рушились только под потоками крови!..

Она была сильным преподавателем. Страстным, знающим, от бога. И, главное, не сюсюкающим, не подлаживающимся под нас, не боящимся сложности. С учителями нам вообще повезло. Суровый и больной директор наш Виктор Иванович Сидоров, Витя, собрал в своей окраинной школе на Зые лучших учителей Моего Города. Как это он сумел, не знаю, но факт есть факт: все наши учителя, начиная от самого Вити, ведущего математику, и кончая одноруким военруком Юркой-Палкой (Юрием Павловичем), были мастерами своего дела...

Особенно меня поразило в ее рассказах Тимур. Не тот прекрасный гайдаровский мальчик, в последователей которого, в тимуровцев, мы «играли» почти каждый день, до обморочной усталости пиля сучкастые мокрые дрова на школьном дворе, а Тимур Самаркандский, Темирленг, железный хромец, покоритель мира.

Его мы должны были проходить в шестом классе, в курсе истории средних веков, но как-то под запал, среди других завоевателей, она поведала нам и о нем... Маленький пастушок, в десять лет он еще пас овец, в пятнадцать убил первого человека, в двадцать поступил на службу к могучему шаху, чтоб затем убить и его. В тридцать четыре он стал великим эмиром, в шестьдесят девять — властителем почти всей

известной в то время земли. (Тася-Маковка схватила указку, привязанную к портфелю, и, насколько доставал взмах ее короткой ручки, отполосовала на карте от Азии большущий кусок.) По старой турецкой карте Махмеда Кашгарского его владения распространялись от «земли, где живут человеко-звери» (Россия) на севере, до «области негров» на юге, от «страны амазонок» на западе и до Хины на востоке.

Он низринул и вырезал Дели и Тифлис, Багдад и Герат, он сравнял с землей столицу Золотой Орды — великий Сарай-Берке.

Он воздвиг Самарканд. Столицу мира...

Я сделал из старого полотенца тюрбан, воткнул в него яркое перо, с боем вырванное из хвоста нашего старого петуха, выстругал кривую саблю и, когда на срубках недостроенного дома моего дяди Коли, ушедшего на фронт, мы играли в войну («войнушку»), я представлялся Темирленгом. Даже прихрамывать стал и волочить за собой ногу, дурачок. И осевшую набок глухую кержацкую часовенку у речки Зыйки стал называть: мечеть Биби-ханым... Только в играх тех я допускал одну историческую вольность: я шел с несокрушимой конницей своей далеко на запад и — в союзе с русскими — громил немцев. Страшными ударами своей кривой сабли сокрушал тевтонских, закованных в железо, рыцарей...

Время и жизнь все поставят на свои места. Отведет в одном углу мозга, там, где сосредоточена почти вся моя ненависть, место тиранам. Я пойму, что из-под фундаментов Биби-ханым, Тадж-Махала, Василия Блаженного — всех прекрасных зданий времен всех культов — до сих пор струится кровь, и камни их скреплены раствором, замешанным на человеческих слезах. Но и тогда, в детстве, наши игры в завоевания Темирленга и вообще в «войнушку» длились недолго: в третьей четверти началась в нашем классе настоящая, неигрушечная война.

С живым тираном. С Витяем Кукушкиным. Да и вдохновенные вопли Таси-Маковки уже звучали из другой оперы, звали нас на другие дела — с тем же неистовством она проповедовала теперь борьбу за свободу. Может быть, не ненависть к людям, а возможность освободиться от их злой воли являлось ее истинной страстью. И нас, взросших на свободе и народовластии родных улиц, захватили другие образы: Перикла и Демосфена, братьев Гракхов и Спартака. Наши зыйские улицы тоже, случалось, подчинялись обстоятельствам, но стоять на коленях добровольно — никогда охоты не имели.

— Эт-то кто? — спросил Витя Кукушкин. — В очках не слышу.

Мишка Беляев встал от теплого бока печки и, несмотря на явно проступившую в лице его

дистрофию, начал игру: приложив два пальца к воображаемому гусарскому киверу и доказывая тем свою принадлежность к любимцам еще одной нашей безумной учительницы — литераторши Екатерины Захаровны, Жабы по-школьному, доложил:

— Лейб-гвардии гусарского полка корнет Лермонтов.

— Мишка, значит? — спросил ласково Витя, он был не совсем балбес. И, схватив «корнета» за отвороты старой бархатной курточки, как червяка, выволок его с той же ласковой улыбкой из-за парты. — Ползи отсюда, доход. — Повернулся к своему дружку-оруженосцу с бритым шишкатым черепком. — Падай рядом, Хрубило...

Они, полдюжины ребят из 10-й школы, со страшной Заречной улицы, появились у нас с первыми холодами, когда их школу, как и другие новые школы, отдали под госпиталь. А наша, средняя 9-я, ни под какие госпитали не годилась. С фасада, с улицы, она была еще ничего: выходила туда каменной небольшой своей половиной, к которой сзади, с огородов, было пристроено длинное, деревянное, со временем обветшавшее, но по количеству классов — главное здание. Таким образом, школа наша напомина-

ла мифического древнего кентавра — деревянное туловище лошади и каменная человеческая голова. В ней, в голове, размещались канцелярия, учительская и старшие, с восьмого, классы, мы же, мелкота, — в огромной и ветхой деревяшке.

И вот сюда, в нашу деревяшку, и пришли заречинские. Но слух о них, особенно о Витяе Кукушкине, летел впереди, загодя нагоняя страх.

В молодые свои лета Витька был на побегушках, «шестерил» у своего двоюродного брата Митяя Кукиша, огромного, вечно сонного, белобрысого уркагана. Но к двенадцати годам, оставшись на второй год в пятом, Витька оперился сам, сам вышел в Витяи, в атаманы своих зареченских сверстников. А я уже тогда знал, что нету злее, изощреннее и подлее того, кто вышел в главари-тираны из бывших слуг и «шестерок»: они пытаются компенсировать свои бывшие рабские унижения сегодняшними злодеяниями — хоть того же Тамерлана возьми! Да если он к тому еще и рыж, как Чингис-хан.

Витяй пиратствовал больше в акватории Зыйского пруда: угонял лодки и грабил-вытапывал огороды летом, снимал лыжи и коньки с пацанов — зимой. И просто бил — походя.

Раз пересеклись и мои с ним пути.

Прошлой зимой отец принес мне с завода новые палки. Ему выдали за его работу какую-то небольшую премию, и он, чудик, несмотря на ругань практичной мамы, взял в награду себе не спирт или табак, как все, а бамбуковые лыжные палки! И вручил мне. И я без прежнего стыда выехал в следующее воскресенье со двора: пусть лыжи у меня и были хоть сейчас выброси, не лыжи, а обрубленные сзади почти до пяток и невообразимо длинные впереди деревянные взрослые самodelки (их я нашел на чердаке нашего дома, они остались от старых хозяев), зато палки сверкали на загляденье — желтые, сказочно легкие, с шишкастыми черными утолщениями в суставах, твердо и надежно упирающиеся металлическими, на ляпочках, кружками даже в мягкий снег! С ними я мог не ползать втихаря в пологом Прямом переулке, а пофорсить и на самом Пандуринском пупыше — крутой горе, на вершине которой стояла водонапорная башня, поющая водой весь Мой Город. И я разлетелся с самого верха, на глазах у всех лихо отталкиваясь своими великими палками. Но лыжи-то мои остались теми же, до предела обрубленными сзади, и на трамплине, взлетев вверх, несуразно длинные загнутые передки их опрокинули меня в сугроб... Я вылез из него под общий хохот. Но палок своих заветных не выпустил. И вдруг смех умолк.

Ко мне шел со своей шайкой Витяй Кукушкин.

Шел, напустив из-под шапки на лобик косую рыжую блатную челку и ласково улыбаясь. А руки у него были засунуты в карманы, где — можно не сомневаться! — лежали или финяк или «писка»: лезвие от безопасной бритвы, перетянутое посередке изоляционной лентой, — чтоб удобнее было держать его между указательным и средним пальцами. Вообще-то такие бритвы были на вооружении «щипачей», воров-карманников: ею удобно было незаметно развалить «сидор» у зазевавшейся торговки на рынке или срезать карман с деньгами. Но сейчас, с войной, бритвы все чаще и чаще пускались в дело: одним движением полоснет, словно погладит по щеке, и щека до зубов — пополам... Эту нехитрую жуткую операцию я уже не раз видел — и в огромном нашем деревянном цирке, и в киношках наших — «Искре» и «Горне». Но тогда ей подвергались другие — сейчас шли на меня...

— Ты чо реवेशь? — спросил отец, прибежав на обед. В войну он работал и по воскресеньям.

— А — палки... — только и смог выговорить я.

— Кто? Где?

— На Пандуринском... Зареченские...

Отец бросил ложку.

— Пошли.

И мы пошли, побежали, — сперва улицами по дороге, потом по пруду, прямо снежной це-

линой, под которой вполне могли екрываться полыньи — дело-то шло к весне. Но мне надежно было за широкой, в замасленной фуфайке, отцовской спиной. Мой большой, мой стеснительный в общении с людьми батя, похоже, вообще не знал, что такое страх: он вырос в лесу в суровой ватаге лесорубов, а десятилетним видел, как колчаковцы расстреляли его отца. И страха он не знал, не то, что я, его сын.

— А старший-то вроде трусом у меня растет, — словно угадав мои мысли, сказал он. — Такие палки отдал!

Он выскребся из сугроба на твердый берег.

— А если бы меня этот Кукушкин подколол или «пописал»?

— Как это? — не понял отец.

— Бритвой по лицу — и наши не пляшут.

— Бритвой? — Отец подхватил меня за воротник и вытащил на тропинку, ведущую к водонапорной башне. — А палки-то я тебе на что дал? Ими бы и отбил. Подумаешь — бритва!.. Ну, который твой «писака», показывай...

На Пандуринском пупыше по-прежнему гоняли пацаны — кто на ломаных-переломанных, довоенных еще лыжах, а кто и вовсе, вроде меня, на самodelках: в войну лыжи, как и снаряды, которые делал на своем заводе отец, шли только на фронт... Ребята гоняли, но Витяя с его прихлебалами не было, смылся, гад!

— Ничо не сделаешь, мне его ожидать некогда, — сказал отец и бегом припустил под гору, где грохотал завод. Он так из-за меня и не пообедал тогда. И таким, бегущим большущими шагами, будто летящим под гору к своему заводу, я и запомнил его на всю войну: в армию он ушел глубокой ночью, когда мы с братом Вовкой, сморенные своими военными играми, спали без задних ног...

Сейчас, год спустя, Витяй Кукушкин — все та же косая челочка и лисий, сплюснутый вечной улыбкой подбородок — вместе со свитой стоял перед нами. Он вошел в наш, чужой для него класс, как хозяин. Меня он вроде и не узнал, он наметанным глазом маленького тирана выделил для начала объект послабее — держащегося из последних сил Мишку Беляева и двинулся к нему.

— А ну ползи отсюда, доходяга. Приземляйся рядом, Хрубило.

* И бедный, без того зябнувший Мишка снова перешел к холодному окну, откуда, пожалев, пересадила его к теплой печке Екатерина Захаровна — Жаба.

— А тут Ташкент, Хрубило, — сказал Витяй. — До весны перебьемся, а там рванем когти — Москва-Воронеж, хрен догонишь...

И мы промолчали... Мы замолчали надолго. Точно, как в рассказе Таси-Маковки: «Вместе с телами, зарытыми при Херонее, была зарыта свобода греков...» Меня, повторяю, Кукушкин

не замечал: он или почувствовал мой кое-какой авторитет среди наших ребят, или все-таки узнал, что мой отец искал его тогда на Пандуринском пупыше. Меня он оставил напоследок. Пока же, чтоб держать класс в страхе, он нашел более жалкие, более безответные жертвы.

Того же Мишку Беляева, в свои одиннадцать лет уже покрывшегося по опухшим щекам длинными бледными волосиками — страшной дистрофической бородой. И еще одного человека — смешного, нелепого, — по фамилии Далин.

Оказывается, новый хозяин нашего класса любил повеселиться.

«Люблю повеселиться, особенно пожрать!..»

В большую перемену дежурный по классу шел в каменную часть школы, где внизу была маленькая кухонька, и приносил оттуда на подносе кучу серых, с наш кулачок, булочек и по кулечку коричневого, крупнозернистого сахарного песка — наш обычный военный завтрак: страна, как могла, поддерживала свое будущее.

Первый, после появления кукушкинцев, завтрак прошел обычно: ребята подходили по одному, отоваривались и — ешь не хочу. Витяй Кукушкин сидел, приглядываясь. Но уже на другой день наши булочки и наши сахарные кулечки вместе с подносом пинком одного из его «шестерок» были подняты в воздух, и на драгоценных россыпях, на грязном полу класса началась куча мала: хватай, кто успеет!

Такие представления новый хозяин устраивал ежедневно и ежедневно, не вставая с места, наблюдал, как деремся мы на полу из-за своей жалкой добычи; только улыбка его из ласковой становилась презрительной. Но этого ему было мало. Когда все кончалось и когда вове бесилевший Мишка Беляев уползал к своему окну пустой и, кусая пальцы, начинал голодно выть, Витяй брал из десятка булочек, дани, принесенной ему его вассалами, одну и подходил к Мишке.

— А ну представь картину, — говорил он, — откусить дам.

И Мишка представлял, обычно из любимого «Айвенго»:

— И вдруг прекрасная Равекка, обливаясь слезами, прижала к пышной груди рыцаря своего сердца! — декламировал он, не сводя глаз с заветной булочки, которую Витяй все приближал и приближал к его губам, но в последний момент отдергивал, и Мишкины зубы с лязгом кусали воздух.

— В натуре реви! Как в театре! — хохотал Витяй, и мы, жестокие, тоже смеялись. Мишка начинал свое представление снова, уже с заправдашными слезами, но только перед самым звонком Витяй позволял ему сделать настоящий укус. Поэтому в дальнейшем, чтоб вызвать смех, чем угодить своему учителю, Мишка начинал

по-волчьи лязгать зубами уже загодя, на его подходе.

Но этого Витяю показалось мало. Откуда-то узнав о второй, кроме книг, Мишкиной страсти — пении, Витяй стал заставлять его петь. Всегда одну песню, вариацию знаменитой — «Девушку из маленькой таверны полюбил суровый капитан». Там действовала коварная, прекрасная леди, у которой были «голубые глаза и дорожная серая юбка». И которая, одарив капитана ночью безумной любовью, «слиняла» с его корабля, как чудесный призрак, чем навсегда разбила каменное сердце морехода...

Начинал Мишка тихо, с трудом, но, дойдя до слов: «У ней такая маленькая грудь и губы, ее алы, как кораллы!» — впадал в транс и уже опять с настоящими слезами звенел своим, по моему, редкого чувства голосом так, что у меня что-то обмирало в груди:

Закури же, седой капитан,
Свою старую, верную трубку
И забудь голубые глаза
И дорожную серую юбку!..

Мишка глотал вместе со слезами жесткую булочку, а Витяй хохотал:

— Да ты, оказывается, не Лёрмонтов, ты, доходяга, — Леонид Утесов!..

Далина же — второго нашего дохода-дистрофика — Кукушкин заметил позднее, заметил с удивленной злостью: Далин один из нас всех не ползал по полу, воюя за свой завтрак, — он, как и сам Витяй, продолжал сидеть за партой. Он сидел, словно одеревенев, в зеленом, глухом, до подбородка, и с отложным воротником своем френчике, в ту пору называемом «сталинкой», сидел прямой и иссяня-бледный, прикрыв свои большие глаза слипшимися в гнойные комочки редкими ресницами.

Нашего тирана обидел, даже оскорбил такой стоицизм.

— А ты, гнида, хавать не желаешь?

Далин разлепил реснички:

— Да, я сыт.

— И сахару не хотишь?

— Нет, — ответил Далин, снова закрывая глаза.

Тогда Витяй вырвал из рук своего помощника Ваньки Хрубила измятый кулечек с сахаром и высыпал его коричневое, колючее и липкое содержимое за воротник «сталинки», на прямую худую спину несчастного Далина. Но тот даже не вздрогнул, сидел, как деревянный. И в первый, и во второй, и в третий раз. Тогда взбесившийся Витяй откопнул от угла карты Древнего Рима ржавую кнопку, приказал Ваньке Хрубиле поднять легкое, словно бесчувственное тело Далина, положил кнопку на скамью, и Ванька Хрубила, блестя своим голым черепом палача, опустил Далина на эту кнопку. Но Далин и тут не издал ни звука, не дрогнул — он

сидел такой же прямой, иссяня-бледный, будто заочневший в своей «сталинке».

Витяй засмеялся. Но, странно, класс не подержал его, как в случае с Мишкой Беляевым, — молчали даже «шестерки»: в безмолвном мученическом сидении Далина было нечто, навещающее не веселье, пусть горькое, но страх. Даже Витькин визгливый смех скоро смолк — все же, несмотря на испорченную и злую свою душонку, он тоже был ребенок...

А Далин сидел. Сидел так же одиноко и прямо и после исчезновения Витяя Кукушкина. Сидел весь пятый класс. Потом шестой. Потом седьмой. Вставая только для тихих, бесцветных, но четких, точно по учебнику ответов. Сидел, пока не поступил учиться в горный техникум...

Знаток же литературы, любимец Жабы и великий актер Мишка Беляев не выдержал. Не дожидаясь весны. До свержения злой власти. Но смертью своей он сделал шаг к нашей свободе.

Новые ученики в ту пору в школе появлялись редко — старые исчезали почти каждый день. Уходили на завод за большой рабочей хлебной карточкой, поступали в ремесленное на полное гособеспечение или просто пропадали неизвестно куда. И никто не искал их. Не то что сейчас...

Так однажды мы не увидели у окна и опухшего, в белой бороде Мишкиного лица. Сперва нам скучно было без его «представлений», а после вроде даже полегчало: совесть нас, сравнительно сытых, не так, видно, стала мучить. Но вот — мне в жизнь не забыть того мартовского хмурого утра, когда на оттаявшую под солнцем землю снова ночью упал белый и тоскливый, будто саван, снег, — в класс вошла учительница литературы Екатерина Захаровна, Жаба. Но она не кинулась, как обычно, с ходу пытаться нас опросом, а подошла к окну, к пустующему Мишкиному месту и, по привычке с хрустом ломая свои морщинистые лягушечьи пальцы, стала смотреть на коченеющий снег.

Мы зашушукались, завозились было, но она жалобно проквакала:

— Замолчите, изверги! Миша умер...

В ее голубых выпуклых глазах стояли слезы:

— Кто из вас мучил его? Смерть его ускорил?

Мы ошарашенно молчали. Но все, как один, невольно уставились на Витяя. Даже его «шестерки». Даже верный телохранитель Иван Хрубило зло и страшно уставился на своего принципала. Но Жаба услышала в нашем молчании только немой отпор.

Она медленно вернулась к кафедре, открыла классный журнал, но тут же захлопнула.

— Опроса не будет. Будем читать вслух. — Жаба подвинула стул к первой парте, взяла хрестоматию, села лицом к нам. Раньше она читала стоя, но сейчас ноги уже не держали

ее: наша бессемейная и бездомная Жаба голодала не меньше самых голодных из нас.

— Владимир Галактионович Короленко, — сказала она. И голос ее враз утратил квакающие жалкие интонации — он стал печальным и четким. — «Дети подземелья»...

Таким образом, к смерти Мишки Беляева в то утро прибавилась еще одна — маленькой дочери страшного и доброго пана Тыбурция. И неизвестно, чья смерть: наша ли, близкая, всамделишная, или та, далекая, придуманная, — тронула нас больше... «В подземелье, в темном углу... лежала Маруся... горькие слезы... при виде этого безжизненного тела сдавили мне горло»... Но их, готовые пролиться слезы наши, остановил вдруг от парты к парте переданный странный слух:

«После уроков Витяй станет Хрубило уродовать! В яме на Выйском Криуле»...

«Почему не кого-то из нас, а помощника своего Ваньку?» — сперва не понял я. Но потом догадался, — почувствовав зарождение бунта, Витька решил раздавить его самым простым и жестоким образом: бей своих, чтоб чужие боялись!.. «А может, это только игра в поддавки, устроенная для нашего устрашения?..»

Но это оказалась не игра. И не поддавки.

Яму на улице Зыйский Криуль раскопали еще в мирное время, видно, хотели тянуть тепло на нашу окраинную Зью, но с войной ее так и бросили, довести до ума не хватило сил. И она стала надежным и постоянным местом поединков, нашим ристалищем — и от школы недалеко, и постороннему глазу не видно.

Томимые страхом, надеждой, жутким любопытством, мы двинулись к ней.

Прошли годы, было всякое, но картина той заснеженной глубокой и длинной ямы, на дне которой сходились два разъяренных мальчишки, мне и сейчас кажется кадром из какого-то фильма ужасов, где господствовали три цвета: белый, черный и красный.

— Ну, бей, падла, — шипел Витяй, ворочая правой рукой в кармане. — Ударь, храбрый...

И Хрубило — он был почти на голову выше своего бывшего атамана — ударил, но Витяй увернулся и врезал сам — левой: правую руку он по-прежнему глубоко держал в кармане. Ванькина шапка, оголив его бритый, костистый череп, полетела в снег. И тут же правая рука Витяя прорезала воздух, шаркнула по голой Ванькиной голове. Хрубило взвыл — с лысой его макушки на искаженное страхом, болью и злостью лицо брызнула светло-розовая струйка. Ребята, стоявшие наверху по краям ямы, ахнули испуганно, но Ванька не отступил, он, как ослепший от ярости бык, попер вперед, мотая своей башкой, голой, брызжущей кровью... Витяй отступил, но, выбрав момент, снова взметнулся вверх и снова чиркнул своей пра-

вой — в ней, между указательным и средним пальцами, и была зажата «писка» — обтянутое изолентой лезвие безопасной бритвы.

— Всего испишу! — взвизнул он. — С-сучок продажный!

Откуда он взялся, это маленькое исчадие ада на нашей Зые? Может, он ею и был порожден? Ее жестокий, пьяным и кровавым прошлым? Или был привнесен к нам вместе с черными бараками, где, в дальнем и грязном конце Заречной улицы, жили раскулаченные, свезенные туда с многих дальних концов страны? Или просто он был выродком войны: война — это не только народный героизм, но, как всякое бедствие, она рождала и подлость, и жестокость... Не знаю. Тогда мне было не до копания в его корнях, а сейчас — со временем — они и вовсе потерялись...

Пораженный вдругорядь, Хрубило не выдержал. Он повернулся и побежал, тяжело скользя по снегу своими разбитыми обутками. Витяй в два скачка догнал его и всем телом на лету толкнул в спину — Ванька рухнул, в падении уже закрывая руками окровавленную свою голову. Я зажмурил глаза — все...

Меня разбудил, привел в себя испуганный и в то же время радостный крик:

— Военрук бежит! Юрка-Палка!..

Наш однорукий военный руководитель бежал сюда, видно, не первый раз, поэтому торопился. Заноса на бегу свое тело в правую, безрукую сторону, чтоб сохранить равновесие, он проскочил мимо нас, но у самой ямы все-таки поскользнулся и, пятная свою длиннополую кавалерийскую шинель грязью и снегом, в яму скатился на боку и встал с трудом. Это позволило и Витяю, и воскресшему Хрубиле броситься наутек.

Догнать их Юрка-Палка, наш военный инвалид, конечно, не мог. Он стоял, трясаясь и скрежеща зубами, на дне ямы и держал в своей единственной руке Ванькину шапку. А может, он их нарочно не стал догонять, нас испытывал? Может, решил, мудрый, что свою борьбу мы должны довести до конца сами, сами, без посторонней помощи, победить зло? Тоже не знаю. Но знаю точно: это великое дело, большое счастье, если в детстве у тебя отчаянный, храбрый и, главное, умный военный руководитель! Если такой тебе встретится — ты уже наполовину человек.

Юрка-Палка успокоился, отдышался и бросил Ванькину шапку вверх, нам: мол, отдадите хозяину, и, выкарабкавшись из ямы, пошагал к школе, на ходу заправляя за офицерский ремень пустой рукав своей шинели... В школе он паники не поднял, директору не доложил, а через пару недель, когда снег сойдет совсем, он выведет нас на поляну за школой и начнет вместе с нами играть в футбол. Его станет на бегу

заносить, он со всего маху будет грохаться на правый, без руки бок, беречь незажившую культю. Но снова вставать и бегать. И забивать голы...

А падение Витяя Кукушкина случится раньше, оно было predetermined: низы уже не хотели жить по-старому, и им были уже не страшны ни кровь, ни подлая Витькина «писка». Пришедший на другой день с перевязанной головой Ванька Хрубилов был встречен нами хоть и не приветственными криками, но как герой, и не сел с Витяем у печки, а демонстративно «приземлился» на Мишкино место у холодного окна. В затылок со мной.

Витяй будто не увидел его окончательной измены, он сидел, уставясь в печку, обложенный нашей злостью и молчанием, как одинокий волк охотничьими флажками.

Но окончательный крах его ускорил тот, кто с ним так и не встретился, — мой отец, мой чудакотатый батя, который еще глубокой зимой, в крещенские дикие холода, вернувшись с работы, притаился в избу замерзающего голубя.

— В наших сенках, в темнотище, как шарахнется ко мне! — растерянно рассказывал он, передавая мне в руки холодную и тихую, лишь внутренне дрожащую птицу. — Я с перепугу подумал: сова! А это почтарь, да не простой, окольцованный! Видать, окоченел в дороге и к нам залетел погреться, до места добраться сил не хватило.

На красной лапке птицы и верно было кольцо из светлого металла с выбитыми по нему цифрами и буквами — «1941 KB».

— Это же номер и шифр его части! — заблажил я, осененный ослепительной догадкой. — Военный почтарь! Больше некому...

Действительно, домашних голубей у нас на Зеленой, когда-то знаменитой своими голубятнями, давно не держали. Голубятники ушли на фронт, а бедных птиц съели. Вольных же сизарей, живущих по высоким каменным чердакам, на нашей одноэтажной деревянной Зые тоже тогда не было. Да и не походил отцовский найденыш на виденных мною раньше голубей: стремительное, сильное, с жестким и плотным оперением тело, гордая посадка головы.

— Ясно, военный! — кричал я, одурев от привалившего счастья. — Может, при нем письмо есть? Тогда надо сообщить, куда следует!..

Но никакого письма на голубе не было, и он остался у нас. Вернее — она, потому что отец по маленькой головке определил, что это голубка.

В доме нашем, уныло замолчавшем после первых месяцев войны, снова поселилась радость. Она вольно летала под потолками, зная, однако, и свое постоянное место — нашу с братом Вовкой комнату, где всегда у ней было питье и корм: хлебные крошки, картофельная шелуха,

а в счастливые дни — подсолнечное и конопляное семя, пшено. Я и сейчас вижу перед собой эту прекрасную птицу, светло-серую, всю словно вырезанную из стали, только шейка, на которой высоко держалась головка, отливала драгоценной зеленью, и подсад у крыльев и хвоста белел с нежной розоватостью. Красивая и гордая была особа!...

Однако с уходом отца на фронт, с наступлением весны голубка наша стала проявлять признаки беспокойства, билась об окна, мало и неохотно ела и начала быстро худеть. Ее грудной киль, раньше почти не ощутимый под сильными мышцами, сейчас выступал все сильнее и сильнее и, когда я брал ее, остро врезался в ладонь.

Птица гибла — я метнулся к бабушке. Но та, сестра милосердия еще первой германской войны, хорошо разбирающаяся в болезнях людей, птичьих хворей не знала. Однако, пожалев меня, пошла на соседнюю Пароходную улицу к бабке Анне Часкидихе, бабушке моего соученика отличника Сереги Часкидова.

Пошла скрепив сердце. Она, окончившая гимназию, а потом медицинские курсы, считала себя представительницей науки, а неграмотную, хоть и мудрую Часкидиху, свою вечную соперницу, знахаркой. Но в признанный на Зые авторитет бабки Анны в лечении всякой живности — коров, овец и прочего — она, видно, тоже верила.

И вот, тряся большим, с пуповой грыжей, животом, Часкидиха прибежала к нам, взяла из моих рук присмирившую голубку, ошупала ее, зачем-то подула ей в клюв и заключила:

— Тоскует. — И возвысила голос. — Душа воина Андрея, твоего, подружка, зятя и евоного родителя, — она показала на меня, — смертно тоскует. Горя великого ждет!.. Это ведь он, Андрюха, птицу эту ангельскую принес?.. Не отвечай — знаю. Я все знаю.

— Ничего ты не знаешь! — закричал я. Хоть пронзила меня вдруг невольная дрожь, хоть от отца уже давно не было писем, но в «смертную тоску души» моего веселого бати я не верил, не такой уж дурак.

Я выхватил голубку из чужих рук и унес ее в свою комнату, слыша, как Часкидиха сказала бабушке, такой рядом с ней худенькой и робкой:

— Баской у вас парнишка растет, как и наш Серега... Вот ведь война, голодуха, а не портятся ребята. Дюжат...

И тогда я рассказал о голубке Клавдии Ивановне, сестре директора школы и нашей одноногой биологичке. Действительно, странно, но что сделаешь, — почти все учителя наши в то военное время были физически неполноценны: безрукие, безногие, старые, чахоточные. Впрочем, почему странно? Лучшая, здоровая часть учительства ушла воевать или учить воевать —

остались больные и калеки. Однако они были неполноценные только физически, но не духовно. Я уже говорил, в нашей окраинной школе собрались редкие учителя; если большинство из нас стало людьми, — в первую голову это их заслуга. И сейчас из своего живого далека я низко кланяюсь им, умершим...

Обезножившая после костного туберкулеза Клавдия Ивановна — у ней, у единственной из учителей, не было клички — знала о живом, о бегающем, ползающем, летающем и растущем, — все. И великие знания ее не были умозрительны. Веснами мы шумной оравой бродили во главе с нею. Она шла без палки, по-солдатски прямо и неумоимо выкидывая вперед свою прямоугольную протезную ногу — протезы тогда еще делали из дерева, кое-как. Мы шастали по нашим окраинным улицам, пустырям и железнодорожным насыпям, рвали листья мать-и-мачехи, подорожника, цветы белены, а осенью уходили в ближние леса, собирали рябину, калину, смородину, но больше — продолговатые лопающиеся в пальцах красные ягоды шиповника, витамин «С». Собирали и сушили. Не для гербариев. Мы сдавали нашу добычу в госпитали или аптеки — тоже, как могли, работали на войну...

— Принеси свою пленницу в класс, — сказала, выслушав меня, Клавдия Ивановна. — Посмотрим, что за экземпляр.

Как заправский голубятник, «грязная пазуха», я посадил свою голубку под пиджак, притащил на следующий урок ботаники. И тут меня подстерегала горькая неожиданность.

— Обычный дикий голубь, — сказала Клавдия Ивановна, осторожно глядя птицу по источившей шее. — Обитает в средней полосе России. Поэтому худела и тосковала, что дикая, на волю надо.

— А кольцо? — не соглашался я.

— Что кольцо? Видимо, окольцевали для учета миграции. То есть расселения. 1941 — год кольцевания, КВ — обозначает город. Наверное, Киров.

— А, может, Киев? — спросил кто-то.

— Может, Киев. Война ее загнала к нам.

— Если б вы ее в самом начале видели! — не сдавался я. — Какая красивая, сильная! Таких дикарей не бывает.

И вдруг Клавдия Ивановна засомневалась тоже:

— Но, возможно, и не дикая... Порода, может, такая... В военных почтовых голубях я не понимаю... Да и вообще, почтовые голуби — великая тайна природы.

— Ясно, военная! — не слушая рассуждений Клавдии Ивановны, восторжествовал я. А за мной — и весь класс.

Конечно, это боевой почтарь. И, конечно, из Киева! Я всегда, сколько себя помню, любил

Киев. Даже больше Москвы. Потому, что он древнее, потому, что от него пошла моя родина, вся моя Русь... И опять встал передо мной тот далекий осенний день сорок первого, когда яркое солнце уже не грело, а побитые инеем листья остро и больно хрустели под ногами. Я шел тогда в больницу, где лежал с воспалением легких мой братик Вовка, еще дошкольник, нес ему кулек моркови и баночку малинового бабушкиного варенья, куда, не утерпев, успел уже несколько раз слизать пальцем и на ходу облизать его. Я торопился: больница была далеко, в центре Моего Города, а мне надо еще успеть в школу. Но на Моральском мосту я стал, как вкопанный. Меня пригвоздил голос радио — его черный четырехугольный усилитель висел на телеграфном столбе.

— Вчера после ожесточенных боев наши войска оставили город Киев, — сказал скорбный голос и стал называть еще какие-то города и потери немцев. Но я уже не слышал его. Что-то порвалось во мне... Я уезжал в пионерлагерь на второй день после начала войны и твердо верил, верил, как все, что, когда вернусь домой, наша Красная непобедимая будет в Варшаве, а, может быть, если немецкие рабочие поднимут восстание (а они восстанут — это азбука!), и — в Берлине... Когда я вернулся, когда пошел в школу, наши вели тяжелые оборонительные бои: «временно оставляли» не очень знакомые мне города... И — вот Киев...

Я стоял и плакал. Я ревел от непонятого, надвигающегося на нас и неостановимого ужаса, я оплакивал прекрасный город, созданный моим необузданным воображением, родину моего любимого Руслана и других русских богатырей...

— Ты что плачешь, мальчик? — надо мной склонилась тетка с молочными бидонами, видно, спешащая на базар. — Заблудился, дом потерял?

— Нет, в уборную хочу, — сказал я, глотая слезы. — Поняла, дура старая? — и бросился наутек.

— От горшка два вершка, а уже фулиганит! — заверещала мне вслед пораженная тетка...

Вот такое было когда-то печальное утро, а сейчас уже четыре месяца, как Киев снова стал нашим, мои русские богатыри, Красная Армия, победно шли вперед. И ясно, что почтарь этот военный и был послан назад на свою родину, ведь почтовые голуби по несколько лет не забывают дороги домой.

— Ура! — заблажил я.

Клавдия Ивановна рукой остановила мой крик.

— Почтовый это голубь или дикий — все равно его надо выпустить. Как можно скорее. «Мы вольные птицы. Пора, брат, пора!» — с

улыбкой заключила она. У нас все учителя цитировали Пушкина. Видимо, так были воспитаны или такова была Витина, директорская установка. Клавдия Ивановна передала мне голубку, а сама пошла к двери. — Вы тут посидите немного одни. У меня в девятом классе контрольную пишут, я загляну к ним и вернусь. Только — чур, не шуметь. Повторите по учебнику «Размножение спорных».

В ту пору, с нехваткой и болезнями учителей, такие параллельные, в двух классах, уроки были часты, и сидеть без учителя (то есть беситься втихую) нам было не привыкать.

— Никто не пикнет, — с полной серьезностью заверил наш «раненый» Ванька Хрубилюк. — Читать станем.

Но не успел стук протеза Клавдии Ивановны смолкнуть на лестнице — весь класс вскочил и облепил меня с моей голубкой.

— Дай поддержать!

И я дал, и птица двинулась по рукам — осторожным и ласковым. А когда вернулась в мои, от своей печки встал Витяй Кукушкин и тоже подошел ко мне — до этого он сидел, равнодушный и далекий от всего. А тут улыбнулся вдруг и тоже протянул руку:

— Дай-ка я гляну. Мы с Митяем Кукишем до войны всяких держали.

Его улыбка уже никого не могла обмануть, мы знали, что скрывается за ней, но мне хотелось быть в тот день бесконечно добрым, и я отдал, дурак доверчивый, голубя.

Витька ловко принял птицу, видно, и верно имел с ними дело, приблизил к глазам.

— Рядовая лесная тварь! — процедил он и, прихватив тонкую птичью шею двумя пальцами, указательным и средним, теми же, между которыми обычно держал свою подлюю «писку», вдруг коротким взмахом тряхнул птицу вниз.

И случилось страшное. Слабая шея не выдержала тяжести тела, и оно, оставив в Витькиных пальцах голову, оторвалось и, брызжа кровью из порванного горла, содрогаясь в конвульсиях, ударилось в пол.

— Вот вам, падлы, ваш почтарь, — сказал Витяй Кукушкин. — Волки позорные...

Класс ахнул, потом кто-то крикнул:

— Фашист!

Помутнившемуся моему сознанию померещилось вдруг, что голос тот был голосом воскресшего Мишки Беляева.

Но Витяй не ринулся на крик — он, меняясь в лице, глядел на меня. А я видел только это лицо. Это ненавистное лицо и больше ничего вокруг...

Екатерина Захаровна, Жаба, наша учительница литературы, рассказывая о детстве Пушкина, со злой иронией поведала нам об его отце, чувствительном и жестоком, который мог оплакивать смерть голубки и преспокойно, в то же

время, пороть дворовых людей. Тогда мы вместе с ней возмущались этой дикой сентиментальностью крепостника Сергея Львовича. А сейчас...

— Да лесная она, сучка! — выкрикнул, отступая от меня Витька, от направленной прямо в его перекосившееся, бледное лицо моей ручки с восемьюдесятью пером на конце. — Гад буду! — взвыл он.

Но в последний момент я все-таки отвел ручку и ударил кулаком, а то бы пропорол ему рожу насквозь, на всю жизнь оставил бы подпись. Ударил кулаком... Пиля с отцом дрова, таская навоз, возя воду, я все-таки накачал за военные годы немножко силенки — его тонкий и, оказывается, слабый нос хлопнул под моими козонками, и его кровь смешалась с птичьей... Почему он не выхватил тогда бритву? От неожиданности? От страха перед гневом всего класса?.. Тогда я не сообразил. А сейчас, когда написал, — понял: у него правая-то рука занята была! Ее указательным и средним пальцами Витяй конвульсивно сжимал голову голубки — уже мертвую, с бледной пленкой, затянувшей бусинки глаз... Хоть по правилам лежащего не бьют, но честные правила были не для Витяи Кукушкина, — я добивал его на полу. За голубку. За Мишку Беляева. За Киев. За отца... За его замолчавшую для нас душу...

— Что за шум, а драки нет?

Я вдруг почувствовал, что отрываюсь от распластанного тела Витяи и поднимаюсь в воздух — меня держала чья-то железная рука. Скопив взгляд, я увидел зеленые брезентовые сапоги, галифе и офицерский без погон френч. Эта рука могла быть только одной — единственной рукой Юрки-Палки, военрука нашего Юрия Павловича.

Он, как всегда, возник на месте драки!

— А, — сказал удивленно. — Это Пылаев? Мне говорили, что ты сорви-голова. Но я не верил, больно уж тихим ты ходил последнее время. А сейчас придется тебя исключать. Собирай портфель и катись на свою Зеленую улицу...

К исключениям мне было не привыкать. Последний раз меня исключал из школы сам Витя, Виктор Иванович, директор. Уже в пятом классе, перед приходом Кукушкина. Тогда я, игрок азартный, но не по летам опытный и хитрый (все-таки двухгодичные курсы родной Зыи!), обыграл в орлянку всю школу, девятиклассников включительно, обыграл бы и десятиклассников, но они к тому времени уже ушли в армию. Я вытащил учебники, отдал их Мишке Беляеву, а свой боевой портфель набил серебром под самую застежку. Тут и застучал меня наш директор Витя и, экспроприровав экспроприатора, вернул мне пустой портфель, а самого выдворил из школы — опять «раз и навсегда». Но, отсидевшись пару дней в задней избушке у соседей, я втихаря пробрался в класс и благополучно

ходил под будто невидящим меня взглядом Вити; выигранные мной деньги он раздавать не стал, да и кому раздашь, кто сознается. Они пошли, говорят, на общественные нужды — на покупку красных галстуков и значков к ним, красивых таких значков с острыми зубьями зажимов, с пурпурным пионерским костром на желтом фоне: надвигались Октябрьские праздники, а с ними и новый прием в пионеры...

— Да он смеется! — опять удивился Юрка-Палка, отпуская мой воротничок. — Его исключают. А он смеется.

Ага, я смеялся. Я глядел на ползающего в слезах и соплях Витьку Кукушкина и смеялся. Я стоял на ногах и чувствовал себя освободителем. А что может быть выше, святее и прекраснее этого чувства?

Нет ничего естественней и благородней, чем свержение злого владычества.

Я говорю не только о жизни взрослых.

У детей эта борьба выражена еще отчетливее. Еще непримиримее. Потому что они ближе к истокам, и по детской своей, несломанной еще натуре не склонны к компромиссам и долговременному подчинению... Хотя драка, как я теперь понимаю, не самый лучший способ этой борьбы.

Итак, в конце пятого класса к власти у нас пришел демос. То есть народ. Как нам казалось — отныне и навеки.

2.

Но мы просто не знали тогда диалектики.

В седьмом классе от нашей демократии не осталось и следа — она пала. Рухнула под силой оружия — восьмизарядного пистолета системы «парабеллум». Что в переводе с латинского значит «готовься к войне!»

Нет, не азартные игры, не книги, не гонки на коньках и лыжах, нет — главной моей страстью все детство было оружие. И, конечно, не подлые «писки» щипачей, не свинцовые наладонники хулиганов, не бандитские медные кастеты, — я трепетно, до замирания души любил оружие боевое.

Или сон, или первая, самая первая память — маленький черный браунинг, лежащий перед отцом на столе под абажуром. А рядом, грудкой, крохотные, почти как кедровые орешки, только с серыми кончиками пуль, — патроны к нему. Отец что-то делает, склонившись к свету, наверное, заряжает обойму, потому что раздаются щелчки, а, увидев меня, кричит обо мне, как о чужом, кричит гневно, что с ним, с моим тихим батей, случалось редко, почти никогда: «Почему здесь ребенок? Уберите его!» Прибежавшая бабушка уносит меня, я вырываюсь, колочу руками и ногами в ее худую грудь и засыпаю в слезах, после долгого рева... Дали оружие отцу как чоновцу или просто как работнику завода — не знаю, но память о таинственном браунинге

жгла меня долго, и несколько лет спустя, еще при отце, я обыскал весь дом, все шкафы, сундуки, все ящики в комод, все щели в нижних и верхних сенках, перетряхнул, наконец, родительскую постель, но, видно, это на самом деле был сон или у отца пистолет забрали. А может, взрослые в тот единственный раз оказались хитрее меня и так тщательно прятали заветное личное оружие, что даже я, всемирный следопыт, не мог его найти?

Я чуть не плакал от досады и снова брался за отточенный до бритвенной остроты кухонный нож: за неимением железного делать оружие деревянное. Я достиг в этом, несмотря на младые годы, значительного искусства. Из моих вечно изрезанных, перевязанных, в занозах пальцев выходили четырехгранные, расширяющиеся к концу мечи-кладенцы и отчаянно кривые, с желобком, янычарские сабли; элементарные, с барабаном, наганы-бульдоги, смит-вессоны, кольты и многозарядные, тяжелые, с четырехугольным магазином под длинным стволом маузеры. Даже автоматы я делал: немецкие — с плоским магазином и наши ППШ, с толстым диском.

Фабричными игрушками я пренебрегал, да и не было их почти: в войну игрушечного оружия не делали... В общем, извел я на гонку вооружений все доски, которые еще до войны приготавливал отец для новой кладовки: старая наша совсем завалилась, не успевали подпирать...

Летом было хорошо — заберешься в угол двора и строгай на здоровье. Зимой — хуже, приходилось работать на кухне и выдерживать с бабушкой целую битву.

— Аника-воин, дедушка родимый! — сердилась она, намекая на мою родословную, на непутевого и геройского мужа, деда моего Ивана, сгинувшего еще на гражданской войне. — Я по всему дому стараюсь, а он мне опять всю кухню замусорил. У коровы навоз не убран, а он, детинушка, вместо того ружье строгают. Война уж кончается, а он пистолеты делает, новую войну накликает. (Бабушка хоть и кончала когда-то гимназию, но зыйские нравы и суеверия за долгие годы тоже впитались в нее.) Ну, не дурачок ли? Нет, пожгу я твои автоматы, вот увидишь!

— Революция в опасности! Немцы в городе! — хватая свой безотказный маузер, кричал я. На этот клич скатывался сверху, со второго этажа, где он воевал с японцами, мой малолетний братец Вовка со своей заветной саблей, и мы сомкнутыми рядами вытесняли нашу маленькую бабушку из кухни... Потом, правда, когда одолевал голод и мои изрезанные и извоженные в грязи пальцы начинали болеть, нарывая, приходилось идти к ней — просить мира. И подавая нам скудный обед, и прикладывая столетник к моим ранам, бабушка пускала стар-

ческую слезу, а я, тоже растрогавшись, обещал клятвенно доски больше не портить, а навоз из хлева в воскресенье весь вывезти.

Но на другой день все начиналось сначала...

И все-таки это было оружие ненастоящее, воображаемое.

За настоящее я бы мог отдать черту душу. Да что душу — честь!

И — отдал.

Сперва — невольной, пав жертвой вероломства.

Потом при ясном уме и твердой памяти — своей охотой.

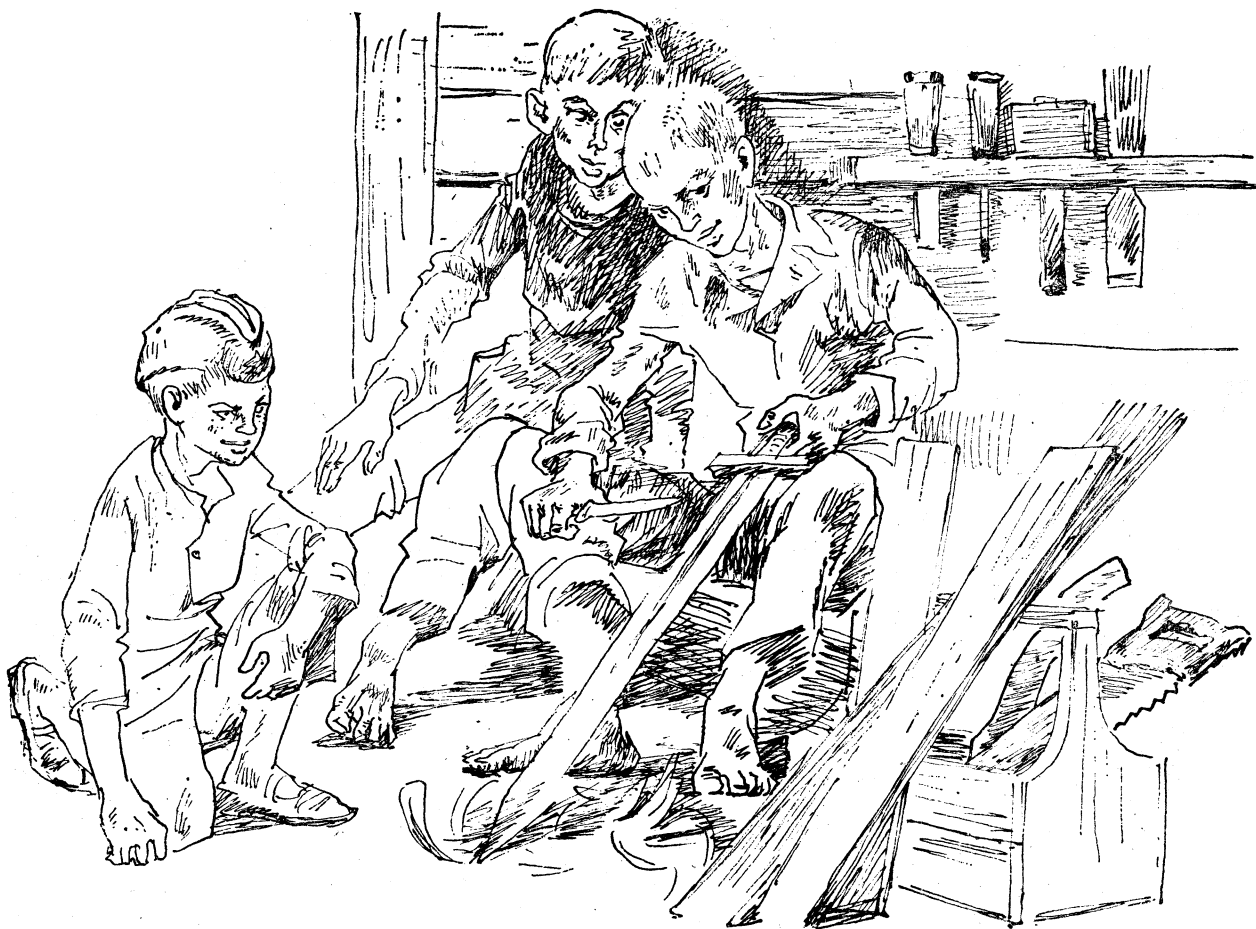
Но всегда — и в первый, и во второй раз — преклонение перед оружием приводило меня к предательству.

В конце пятого класса, вместо умершего Мишки Беляева, появился у меня новый школьный друг Лешка Шакалов, по кличке, само собой, — Шакал. В детстве я почему-то выбирал больше друзей из ребят, как говорится, богом обиженных, слабых или умом или телом, кем все пренебрегали, смеялись над кем. И в благодарность на мою в общем-то снисходительную дружбу они отвечали настоящей любовью и привязанностью. Впрочем, почему только в детстве? Я и сейчас не держу в друзьях сильных мира сего, мне интересно и легко только с простыми и слабыми. Может, потому, что в душе я сам такой?..

Третьегодник Лешка Шакалов отвечал всем признакам классного придурка. Большой, красивый простуженный нос с вечной зеленой соплей, длинные, тоже красные, сильные, но неумелые руки и голубые прозрачные глаза с никогда не гаснущим голодным блеском. Кроме еды, душа Шакала не реагировала больше ни на что — ни на насмешки пацанов, ни на ругань учителей... Я сперва скрепя сердце отдал ему свой завтрак — все ту же серенькую булочку и кулечек коричневого сахара, — который он уничтожил в два глотка. Потом принес из дома несколько вареных картошек. Чистить их на уроке было нельзя — учительница заметит, но терпеть до перемены Шакал тоже не мог, и он затолкал их в свой огромный, будто резиновый рот прямо в кожуру.

— Так сытнее, — сказал...

Мы подружились. Я ему рассказывал про кино, про книжки, он мне — о своем отце, «обалдуе», который не то портняжил, не то сапожничал и относился к сыну, к Лешке то есть, как тургеневский Ермолай к своей собаке: дома держал, а кормить не кормил в надежде, что тот сам прокормится... Мать их умерла еще до войны, старший брат воевал, и жили они вдвоем с отцом в огромном, двухэтажном, но страшно ветхом доме. Сейчас бы его назвали аварийным. Успешно свалив экзамены (в пятом клас-

се мы, кажется, сдавали их всего четыре — русский и арифметика, письменно и устно), на которых я самым бессовестным образом подсказывал ему, сюда, в свой старый дом, привел меня мой друг Шакал. Привел в гости, но древний домина на наши шаги заскрипел, застонал всеми своими голыми стенами и щелястыми половицами, мне жутко стало, и я предложил:

— Пойдем лучше к нам. Малость работнем, хлев вычистим — нас моя бабушка обедом накормит.

— Айда! — обрадовался Шакал. — Работы я не боюсь. Чертомелить люблю...

Хлев мы выскребли, и бабушка потчевала нас вареной картошкой с молоком и картофельными же лепешками с первым, весенним щавелем. Потом я предложил опьяневшему от еды Шакалу двинуть завтра в читалку, к 11 часам, прямо к открытию.

— Там, знаешь, какие книжки есть! Ты и во сне не видел.

— А я во сне, окромя шамовки, ничего не вижу, — сказал Ленька, но идти согласился.

И мы пошлагали с утра в читальный зал, в

самый центр города, в центральную детскую библиотеку. Но у ее высоких сводчатых дверей, которые вели когда-то, по словам бабушки, в дворянское собрание, куда она ходила юной медсестрой на балы под военный оркестр, Шакал затормозил.

— Нету, Дениска, — покраснев не только носом, но и всем своим худым, будто обсосанным ликом, сказал он. — Чо я дурной, ли чо ли, когда не заставляют, за книжками сидеть. Ты иди, раз охота, а я нету — добегу лучше до рынка, до Качковатки, может, пожрать нашакалю. — Он заискивающе хихикнул, и я вдруг понял, что Шакал просто стыдится, стесняется своего вечно шмыгающего носа, красных неловких рук, полунищенской одежки своей. Я глядел на него и чувствовал, что кроме жалости во мне просыпается нежность, нежность к этому большому, нелепому, голодному и чистому переростку.

— Ни шиша ты не нашакалишь, — сказал я. — Возьмем лучше арабские сказки, там про восточные яства, знаешь, как здорово написано! А потом что-нибудь придумаем. Давай твой ученический билет. Пошли!

Я рванул высокую дверь, и мы поднялись парадной лестницей, взошли по вытоптаным посередке еще, наверное, дворянами мраморным ступеням на третий этаж. Однако у открытых дверей читального зала, сквозь которые были видны бесконечные, до потолка книжные стеллажи, пустые еще столы и огромные, тоже до потолка, фикусы и пальмы по углам — торжественный и светлый, залитый ярким солнцем храм! — Ленька шархнул назад.

— Я слинял! — крикнул он, скатываясь с лестницы. — Как ни то забегай...

Шакал исчез, а у меня, вытесняя жалость к нему, созрел дерзкий план. У меня же в руках остался Ленькин ученический!.. Конечно, городская читалка была единственным и действительным храмом моего детства. Конечно, мы приходили сюда благоговей. Но читать тут, истуканами сидя на высоких стульях, под отвлекающий шум центра города, под усыпляющими и слепящими лучами солнца, читать среди людей было крайне неловко и тяжело. И еще — только разохотишься, войдешь во вкус, одурешь, увлекшись, а уже конец: «Дети, сдавайте книги!»

То ли дело дома! На кровати, на полу, у печки. Или во дворе, в тени сарая. Или в огороде, под старой березой. Валяйся, читай, пари воображением, проигрывай, наконец, прочитанное: войи, кричи, пой!

И у меня созрел дерзкий план.

Я как раз начал большой роман «Джура». Прочитал первые двадцать страниц из пятисот, и меня уже заколебало. Я понял: это вещь! По-сильнее, пожалуй, самого «Гиперболоида»!.. Но чтобы одолеть ее здесь, в зале, потребуется пять полных мучительных дней, и я решил, сейчас решил: «увести» книгу домой, прочитать за сутки, а завтра к вечеру, самое позднее — послезавтра утром притащить ее обратно. Шакала, ясно, за это исключат, но ему-то какая беда: он все равно сюда сроду не придет и знать об этом не узнает.

Я шагнул в открытые двери, прошел к столу, за которым сидела, слава богу, сама заведующая — подслеповатая старушонка в пенсне.

— Хочу записаться, — сказал я, протягивая ей Ленькин билет.

На только что введенных ученических билетах (еще одна придуманная реформа-новшество!) — синей, вдвое сложенной картонке — фотографии не было, просто стояли на одной стороне фамилия и имя, номер школы, класс, домашний адрес, на другой — длинный список «Правил поведения учащихся», который, по моему, я так до конца и не дочитал.

Старушка взяла Ленькин билет и, низко склонившись к нему своим допотопным пенсне, тщательно переписала все в абонемент.

— Что будете брать, мальчик? — спросила она.

Мальчик! Если бы знала эта старушенция, что за мальчик стоит перед ней, робко потупя глаза! Яго и Полоний, вместе взятые, перед ним были ничто...

Я назвал «Джуру» и, для отвода глаз, «Занимательную физику» Перельмана.

— Подожди! — вдруг всполошилась убогая. — Мы же отчество не записали.

— Чье отчество? — опешил я.

— Твое, конечно. Как отца-то зовут? На фронте он у тебя?

— На фронте... — Я впервые поднял глаза — на меня со стены среди других писателей строго смотрел носатый мужик с окладистой бородицей. — А зовут его Афанасием! — почти выкрикнул я, становясь таким образом незаконным сыном незаконнорожденного Афанасия Афанасьевича Фета.

— Так и запишем — Леонид Афанасьевич. Хорошее отчество, исчезать стали исконные русские имена... А не много тебе сразу две-то? — спросила старушонка, протягивая мне книги.

— В самый раз, я быстро читаю, — соврал я снова, уставясь в пол, чтоб бабушка не разглядела моего лица. Предосторожность, впрочем, напрасная, слепоу она меня и в упор не видела. Потом забрал книги и, усевшись за последний, самый ближний к дверям стол, накиннулся на «Джуру».

Зал постепенно заполнялся. Приходили бледные мальчики, на вид страшно умные. Словно из воздуха возникали такие же девочки. Где вы теперь, мои милые товарищи по читальному залу Моего Города? Отчаянные и голодные пожиратели прекрасных книг?.. Где бы и кем бы вы ни были сейчас, уверен: дни, проведенные вами в том высоком зале, были самыми счастливыми в вашей жизни!.. Вот где совершались или готовились великие открытия второй половины двадцатого века!..

Зал заполнялся, а я — уродливое исключение из благородной читающей публики — ждал.

И — дождался! Убогую начальницу с ее допотопным пенсне сменила глазастая, востроносая девица, которая так и зыркала, так и зыркала по залу. Что ж, сильного врага и обхитрил почетнее.

Я раскрыл занимательного Перельмана, потом будто случайно столкнул «Джуру» под стол, наклонился, доставая, но выпрямился с пустыми руками: толстая книга, сдавив мне кишки до потери дыхания, надежно покоилась на животе под рубашкой. Потом встал и легкой тенью скользнул в дверь, ссыпался с лестницы, вылетел на улицу.

А на моем месте в читалке, успокаивая бдительный взор девицы-библиотекарши, остался открытый Перельман с его физическими чудесами...

Я проглотил «Джуру» и верно за сутки, но

собрался в читалку только на третий день к вечеру; сидя в своем маленьком огороде, среди набравшего силу репейника и картофельных, мелких еще всходов, я метался по книге, по огромной Средней Азии и Памиру из конца в конец, еще раз переживал необыкновенные приключения горца Джурю, простодушного и великого человека, лучшего в мире стрелка, вставшего на сторону красных, и его верного друга, тоже великой памирской овчарки Тэкэ. Я вместе с Джурюй без промаха стрелял по басмачам, дрался вместе с Тэкэ с одичавшими бродячими псами, вмерзал в фирн, горный лед, вместе с экспедицией Марко Поло, вместе с его чудно одетыми купцами-генуэзцами и их верблюдами, грузными индийскими драгоценностями... Я жил в другом мире — я был счастлив. Но все кончается, счастье тоже...

Наконец, я двинул в читалку — приближался час расплаты. Хотя я его и не боялся, отрепетировав роль благородного товарища этого придурка Шакалова Леонида, который по незнанию утащил книгу домой, а я вот возвращаю, такой сознательный мальчик!

Все-таки этот миг вранья я оттягивал и пошел в центр длинным путем. Через Новый мост.

Но до Нового моста не дошел.

На углу Пролетарской улицы, у дома, где он с матерью-врачихой снимал квартиру, встретил меня эвакуированный восьмиклассник Женя Херсонец. Краса и гордость школы, наш общественный пионервожатый. Придя к нам в класс, он как-то сразу выделил меня из общей, стриженной наголо массы и часто на переменках, обняв за плечи, прогуливался со мной по школьному коридору. Со старшими мне было обычно уныло, неловко; скорей бы отвязаться, а с Женей — другое дело! С ним можно было поговорить обо всем. Иногда мы подходили с ним к окну, и Женя печально глядел вдаль, вспоминая, ясно, свой оккупированный Херсон, свою родину, и тихо, будто про себя, пел:

В степи под Херсоном высокие травы,

В степи под Херсоном курган...

Он пел, а мою маленькую, грешную мою душонку захлестывало великой его тоской...

— Ты куда, Дениска-ириска? — спросил он.

Я сказал. Истину, понятно, до конца не раскрыв.

— А что сдаешь? — поинтересовался он.

— Вот!

И Женя, первый в школе книгочей, обомлел: Георгий Тушкан! «Джура!» Он присел на завалинку и стал лихорадочно перебирать страницы:

— Я давно за ней гоняюсь, могучая, говорят, вещь! — Он нежно погладил ладонью по серой, со знаками библиотеки приключений обложке, потом поднял на меня просящие глаза: — Дай почитать старому другу.

— Не могу, клянусь! — Я щелкнул ногтем большого пальца по зубам, потом провел им по шее, давая страшную клятву. — Я и так просрочил, меня из библиотеки исключат.

— Жаль, — Женя вернул мне «Джуру». И вдруг, будто что-то вспомнив, ударил себя ладонью по высокому лбу. — Ты, я знаю, оружие любишь?

— У меня своего полно.

— Да я не про деревяшки говорю — про настоящее! Хочешь, я тебе шашку отдам? Насовсем!

Теперь обомлел я.

— К-какую?

— Казачью, конечно. Мне ее перед смертью один наш конник подарил. Когда мы из Херсона отступали... Женя посуровел лицом, желваки на его скулах окаменели. — На, сказал, юный друг, отомсти за меня. Руби, сказал, без пощадь головы подлым захватчикам!

— А не врешь? — засомневался я.

— Нехорошо не доверять старшим. — И теперь уже Женя щелкнул ногтем об зуб и провел ладонью по шее. — Слово запорожца!

— А скажи, — не унимался я. — У нее на лезвии желобок есть? Для чего он?

— Ясно, для чего, — грустно сказал Женя. — Для стока крови... Но я все равно не успею ее пустить в дело, завет героя не выполню. Война кончается...

— А эфес какой? — задал я последний вопрос.

— Обвитый медной проволокой и раздвоенный на конце. Чтоб рука не соскальзывала в момент удара... Да что мы воду толчем? — Женя пошел к воротам. — Я ж тебе ее показать могу. — И заключил: — Значит, договорились, я тебе шашку насовсем, а ты мне эту книгу на три дня.

— Железно, — сказал я, не испытывая никаких угрызений совести: ведь Лешке Шакалу без разницы, когда его исключат из читалки, днем раньше, днем позже — он все равно об этом никогда не узнает...

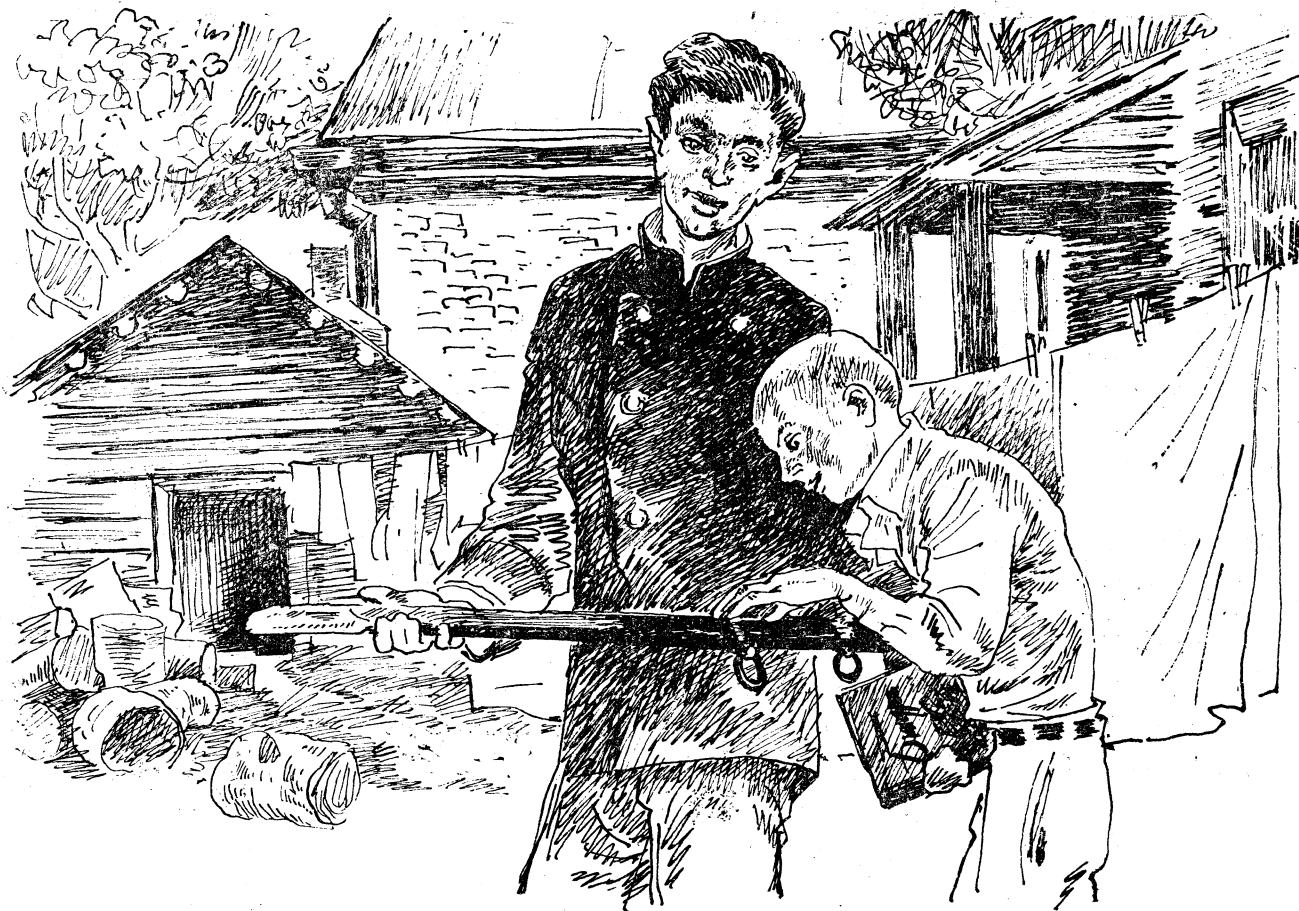
Женя ходил долго и вернулся, держа руки за спиной.

— Вот черт косорылый! Крыса тыловая! — выругался он, и я понял, что он костерит своего хозяина, довоенного еще инвалида, изуродованного в уличной драке. Но Женя ругался при мне в первый раз, и это больше клятв убедило меня в том, что шашка существует. А он наклонился ко мне и зашептал:

— Понимаешь, Дениска-ириска, я шашку в сарае закопал, открыто ее хранить нельзя, в колонию можно загромить: холодное оружие! А его косорылье надумал дрова колоть. (В глубине двора и верно «раздавался топор дровосека».) Сейчас его не переждешь, это до ночи. — И тут Женя вытащил руки из-за спины:

— Возьми пока их.

В Жениных руках были... ножны! Настоящие, обшарпанные в боях и походах ножны, с медными петельками сбоку, с медным кольцом у устья и такими же пластинами на загнутом конце.

— Возьми их. А через три дня, когда придешь за книгой, я вложу в них шашку. И станешь ты уже не Дениска Пылаев, а Денис Давыдов. Слышал о таком?

Мне уже надоело, злило меня это вечное сравнение с легендарным усачом, но, чтоб не обидеть Женю, я и вида не подал:

— Слышал. Соратник Кутузова. Тоже партизан. Как Железняк, который погиб под твоим Херсоном.

— Точно.— Женя снова стал печален, опять родину вспомнил.— Бери ножны. Бери и помни мою доброту. Я для друга все отдам!

— Я тебя никогда не забуду,— сказал и я, чтоб утешить его, протянул ему заветную книгу.— На — читай.

Женя с тем же убитым лицом взял ее, и мне стало стыдно: за чужую, библиотечную книгу, данную на время, меня одаривают так по-царски:

— Слушай, Женя, а не жалко тебе расставаться с личным оружием?

— Жаль, конечно,— Женя тряхнул кудрявой головой, отгоняя печаль.— Но я надеюсь еще не такое достать... Вот придет вызов, вернемся мы домой, а в степи под Херсоном, знаешь, сколько всего валется. Там страшные бои были. Пистолетом наверняка разживусь.

— Тебе хорошо,— сказал я, с трепетом принимая от него боевые ножны.

— Ты сразу домой беги,— сказал Женя, пожимая мне руку.— А то милиция увидит, станет допытывать, где взял. Ты меня выдашь, и все — пропал я. Не видать мне Херсона...

— Не выдам! Пусть хоть чо делают! Честное пионерское!

— Верю, верю...

И я полетел домой. А через три дня, отогнав в пасево корову, подрулил к Жениному дому. Открыв калитку, вошел в палисадник и тихо постучал в их, крайнее к воротам, окно. Но мне никто не ответил. Я ударил сильнее. Молчание... Дрожь недоброго предчувствия охватила меня. Я выскочил из палисадника и ударил в ворота — кулаками, ногами замолотил.

Ворота открыл косорылый, с огромным, через всю щеку шрамом хозяин.

— Ну, чо барзишь, чо барзишь?

— Женю позови! Квартиранта!

— Нету у меня никаких фатирантов. Были да сплыли, еще вчера с утра все съехали.

— Куда? В Херсон?

— В какой... Херсон? В город Свердловский. Его мать, хирург, на срок сюды, в аспирантуру, была завербована, а щас назад в институт вызвали. Вот и убралась в Свердловский.

Но для меня тогда что далекий, опаленный войной Херсон, что близкий тыловой Свердловск были одинаково недосыгаемы.

— А он мне, Денису, ничего не наказывал передать? — с последней надеждой взмолился я. — Ты вспомни, дед?

— Никому ничо. Да такой разве чо другим оставит? Он наоборот чужое норовит прихватить. Не ты первый приходишь...

Но я уже не слышал старикана, проскочил мимо него и толкнул дверь Жениной боковушки — она была пуста. Лишь валялись на полу обрывки тетрадей за восьмой класс, сплошь испещренные жирными пятерками, да на стене, прямо на обоях, была намалевана чья-то смешная рожа.

Я подошел ближе. Нет! Мой друг меня не забыл, он оставил мне память — на стене был нарисован стриженный наголо лопухий пацан с вытаращенными глазами и с кривой шашкой в руке. Ведь старший умный товарищ мой был, к прочим его талантам, еще и порядочный художник, оформляя школьную стенную, — на обоях был нарисован я, а для подтверждения внизу написаны стихи:

Шашки наголо, Денис,

Предводитель дохлых крыс!

И рука моя, в потной пятерне которой были зажаты боевые ножны, поднялась сама собой, и я, в куски, в лохмотья разбивая древний картон ножен, начал сечь ими направо и налево: по подлomu рисунку, по стенам, по полу — по отличному оценкам лучшего ученика, общественного пионервожатого. Я выл, ругался и наотмашь, с полуплеча, с подтягом рубил, рубил до тех пор, пока в моей руке не остался от несчастных ножен один медный ободок.

Я не понимал, что бил тогда самого заклятого, пожизненного своего врага — политического спекулянта. Того, кто изображает великие чувства, не испытывая их, кто щеголяет высокими словами, сам в них не веря. Я этого, ясно, не понимал. Но для праведной ненависти вовсе не обязательно ясное понимание!..

Я бросил бесполезную медяшку в угол, вылез на улицу. И пошел туда, куда не идти не мог. К Ленке Шакалу — каяться.

Но сперва забежал домой, сгреб в охапку весь мой арсенал: автоматы, наганы, сабли, мечи — сгреб все это вдруг опостылевшее мне дерево, приволок в дом и бросил к печке, под ноги бабушке.

— Жги все к лешему! — сказал.

— Давно бы так, мой мальчик! — обрадовалась бабушка.

— У нас ничего поесть нет? — перебил я.

— Да ты, и часу не прошло, завтракал, теперь обеда жди.

— Понятно, — сказал я и, как только бабушка, орудуя ухватом, с головой залезла в печь, схватил почти новый кусок хозяйственного мыла, принесенного с завода мамой и лежащего на умывальнике... Я проводил операцию «мыло». Еще предстояло загнать его на рынок и на вырученные полторы-две сотни купить Ленке шамовки — хоть как-то замазать вину перед ним, хоть как-то оправдаться...

Ленка сидел во дворе своего дома на провалившейся завалинке и ел «калачики». Это высокое, с резными листьями растение в наше время росло повсюду — название его я забыл, да и не встретишь его почти нынче, даже в деревне редко увидишь, а в городе вовсе нет. Так вот — на верхушках его, туго сжатых, будто персты в щепоть, к концу июня созревали плотненькие такие плодики, похожие на липиутские калачики — сытные на вкус и неядовитые, брюхо набить можно, я сам их горстями понужал за милую душу... Шакал доел свои последние: верхушки всех «калачиков» в его дворе были оборваны.

— Ну, Денис на завалинке прокис! — обрадовался мне Ленка, пуская на подбородок зеленую от «калачиков» слюну. — Все зачитался, парень. Я жду, а ты не идешь. Чо хоть читал-то?

— Про одного памирского горца и его верную овчарку. Жуткое дело! — Я вытащил из кармана вместе с его ученическим билетом кусок мыла, билет отдал ему, а мыло завернул в репейный лопух. — Сейчас пойдем на рынок, загоним мыло, и ты поешь... Но понимаешь... — Я остановился, собираясь с духом, чтоб начать свое покаянье. — Понимаешь...

— Ничо я не понимаю, — уныло сказал Шакал. — Жрать, как твоя овчарка, хочу. Мы уж два дня без хлеба. Отец, старый оболдуй, до конца месяца весь паек выкупил, а новых карточек не дают, рано. Хоть ложись да помирай... Да ты присядь, я вот доем и пойдем... Может, ты «калачиков» желаешь?

— Нет. — Я сел, а мне надо было, дураку, тут же хватать Шакала и тащить на рынок. Но я хотел сперва все рассказать: тяжкий грех и смертельная обида жгли мне душу.

— Понимаешь, — сказал я после долгого молчания, нарушаемого только хрустом последних «калачиков» на Ленкиных челюстях. — Я ту книгу про горца записал не на себя — на другого. А у меня ее украли. Сволочь одна стырила. Понимаешь?

— Ну и чо? Велика беда — книга! — Ленка меня не слушал, не до книг ему было в его положении.

— Ладно,— сказал я, откладывая признание на потом.— Вставай, пошли.

Мы двинули к воротам, но ворота сами открылись навстречу нам— в них стояла... божья старушка из читалки. Проворная бабушка! Сама притопала... Ну все, я погиб.

— Здесь проживает Шакалов Леонид? — спросила бабуля, пытаясь разглядеть нас через доисторическое свое пенсне.

— Ну, я это,— нетерпеливо сказал Ленька, злясь, что нас задерживают.— Чо надо?

— «Чо надо?!» — заверещала, передразнивая, старая.— Попался, голубчик! Ворюга!

Ленька обалдел, разинул рот и выпучил глаза. Потом повернулся ко мне:

— Она чо, белены объелась?

— Я? Белены? — Старушка вовсе взвилась.— Это ты рехнулся! Самую читаемую книгу украл, гордость библиотеки. Как только твои грязные руки поднялись на такое? Сколько ребят без счастья оставил!

— Каких ребят? Какую книгу?! — отступая от наседавшей старухи, не выдержал, тоже взвыл Ленька.— Ничо я не брал! Ничо не знаю! Ни в каку библиотеку не ходил. Скажи, Дениска!

Теперь уже старушка вытаращила глаза от его наглости.

Они были так несчастливо-смешны в своем взаимном непонимании, так уморительно остолбенели с открытыми ртами, что сквозь мою страшную вину из меня вырвался невольный и позорный хохот. Я аж скорчился, чтоб задавить его. Но старуха услышала.

— Смеетесь? — горько сказала она и, покапавшись в своем древнем облупившемся ридикюле, вытащила злосчастный абонемент, заполненный на Шакала.— А это кто? Эх, ты, Шакалов Леонид Афанасьевич! Сын фронтовика...

Ленька растерянно взял абонемент, с трудом разобрал почерк.

— И не я это вовсе,— сказал обрадованно.— И отец у меня не Афанасий, и не на фронте. Дома сидит, старый оболдуй.

— Обманывал, значит? — опять перешла на крик старушка.— Сейчас же верни мне «Джурю!» Не то я милицию позову. В колонию тебя упеку, вора несчастного!

И тут Ленька впервые поглядел на меня— в его вечно пронзенных голодной болью глазах появилась еще одна боль: она начал понимать! Но, спасая меня, сзади раздался вдруг скрипящий грозный голос:

— Заткни фонтан, убогая! Шакаловы никогда ворами не были!

На худом крыльце, у открытых дверей, стоял, поддерживая двумя руками грязные подштанники, сивобородый, худой, как скелет, старец. Я впервые видел Ленькиного отца и ахнул: до чего же он древен, в чем душа?

— И мой младший тоже не вор. Заруби это себе на носу!

— Вот как? — старушонка мимо нас прыгнула к крыльцу. — Сам отец Афанасий собственной персоной.

— Какой я Афанасий восемь на семь?! — на весь двор со своей высоты заорал Ленкин батя. — Дермидонт я! Дермидонт Шакалов, красный партизан! У меня старший сын на фронте!.. Так что катись отседа, убогая.

— А ты меня, старую партийку, своим партизанством, гнилой пень, не страшай. У меня у самой двое сыновей воюют! Ты вот его, — она махнула в сторону Ленки, — как следует припугни, чтоб общественные книги не крал.

— Книги? Мой Ленька? — И что-то похожее на смех вырвалось со скрипом из беззубого, огромного, как у Ленки, рта. — Его силком за них не усадишь. Как скурил с соседским парнем свой букварь еще в первом классе, так книжек в руки больше не брал. Иди в дом, найди хоть одну!

— А я ведь в шестой класс перешел, батя. — Ленька все так же, с болью и тоской, глядел мне в глаза: «За что ты меня ославил, друг Денис? Что я тебе плохого сделал?»

Он уже все-все понял, и я с подлым страхом ждал, что он скажет это сейчас вслух, разоблачит меня, и о моем воровстве узнают и дома, и в школе, и на улице — и не сносить мне стыда и позора!

Наконец, он отвернулся от меня и тоже шагнул к крыльцу.

— Ладно вам шуметь-то, — сказал. — Ну, унес я книжку домой, дал почитать одному человеку. Завтра заберу и притащу вам вашу «Шкуру», гад буду.

— Что ты мелешь, последыш? — взвыл старик Шакалов, поднимая руки к небу, но тут же кидая их обратно вниз, чтоб подхватить падающие кальсоны. — Срам на всю фамилию! — крикнул он, исчезая в скрипучем нутре дома.

А старушка расцвела от счастья.

— Так бы сразу и говорил! — радостно затараторила она. — А то — я не я и подпись не моя! Завтра принесешь — из библиотеки мы тебя, конечно, исключим, такое правило. Но куда сообщать не будем. А не вернешь, я снова приду. И не одна! — погрозила старушка...

Ленька снова сел на завалинку.

— Выходит, нету уже той книги? — спросил он.

— Я же тебе начал говорить, да ты не слушал. — И я рассказал всю эту позорную историю. Как на духу. — Прости меня, царь Леонид. — Но Ленька вряд ли оценил мою похвалу: историю Древней Греции он знал так же, как все другие истории. — Спасибо тебе. А про колонию этот божий одуванчик все врет, за одну книжку туда не посадят!

Ленька молчал, ковырял когтистым пальцем пыль завалинки. Потом сказал глухо:

— Знаешь чо, Денис, топай-ка ты отседа со своим мылом. Не надо мне от тебя ничего... Ох, тошно мне!

И его вдруг начало рвать. Тонкой зеленой струей. Видно, обессиленный голодом желудок не принял грубых «калачииков», или — что хуже — его мозг, душа его не смогли переварить моего подлого предательства, и его рвало от отворачивания ко мне...

Наконец, он стер пучком травы зеленые пузыри с губ, сказал:

— Жалко «калачииков»-то, последние... А ты, Денис, уходи, освободи двор...

Но Ленкиной гордости и стойкости хватило ненадолго. Голод не тетка. Когда через час, путем простого обмена «товар-товар», я махнул на рынке свое мыло на полбулочки пеклеванного хлеба и снова явился к нему, он тот хлеб принял. Ленька ел, глотая большими кусками и запиная каждый глоток сырой колодезной водой, а я глядел на него, и не прежняя жалость, но настоящее преклонение переполняло меня.

Вот когда я впервые понял, еще, конечно, тоже не умея сформулировать это понимание, как и свою ненависть к лжехерсонцу Жене, понял, что нравственная высота человека вовсе не прямо пропорциональна его школьным отметкам, начитанности, его всезнайству. Бывает и наоборот: чем человек проще, чем ближе к земле; к «калачиикам», тем он чище, а образованный гад во сто раз хуже гада-дикаря!

...Поздно вечером, уже засыпая, я услышал сквозь всхлипы малолетнего брата Вовки, оплакивающего сожженное оружие, услышал, как разорется внизу, в кухне, бабушка, ища пропавшее мыло и костеря самую себя:

— Опять я, несчастная вредительница, мыло, видимо, в поганое ведро столкнула. Люди за него работают, а я целый кусок нетронутый на помойку выплеснула. А теперь ищи-свищи... Совсем я отживаю, трубка клистирная, прости меня, Андрюшенька!..

Это она просила прощение за украденное мной мыло у нашего отца, у зятя своего, от которого известий не было уже полгода.

И я завыл под своим одеялом, не вынеся этих причитаний. Завыл вслед Вовке, папиному любимцу...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

КУЗНЕЦ СВОЕГО СЧАСТЬЯ

Представьте, восьмикласснику говорят: у нас в стране в 6673 учебных заведениях системы профессионально-технического образования готовят 3 миллиона 380 тысяч молодых людей по 1300 специальностям... Выбери любую, связывай судьбу с рабочим классом... Какой широкий выбор! Все чаще приходят в редакцию письма от ребят такого, примерно, содержания: «Хочу быть слесарем, шофером, станочником, оператором и т. д. А какое оно, ПТУ?» Редакция в нынешнем году планирует ряд публикаций посвятить жизни профессионально-технических училищ. На страницах журнала выступают руководители, ученые, мастера, рабочие, сами ребята. Спрашивайте нас, дорогие друзья, о какой из сторон или проблеме жизни ПТУ вы хотели бы прочитать. А сегодня предлагаем интервью журналистки Марии Поповой с начальником Свердловского управления профессионально-технического образования Николаем Александровичем Лыцовым.

Корр: Урал — кузница страны, опорный край державы. Крепок здесь рабочий класс! И подпитывают его профтехучилища. Здесь трудовой край получает пополнение. И выпускникам школ, Николай Александрович, небезынтересно знать, что представляет собой сегодня система профтехобразования на Урале.

Н. А. Лыцов: Да, страна с уважением относится к Уралу. Настоящая кузница! Одно из свидетельств — решение Центрального Комитета КПСС и Совета Министров об открытии в Свердловске первого высшего учебного заведения в стране по подготовке преподавателей для профессиональной школы. В этом учебном году, кстати, новый институт — инженерно-педагогический — принял первых своих студентов. В ПТУ придут специалисты и воспитатели высокого класса. Это резко скажется на качестве подготовки специалистов.

Да, о ПТУ сегодня много говорят. Ребятам в форменках вершить завтра судьбы индустриализации страны. Возьмем, к примеру, Северский трубный завод. Три четверти рабочих — выпускники заводского профтехучилища. Бывшие учащиеся ПТУ составляют большинство и на заводе имени Калинина... Что получается? Заканчивает паренек восьмилетку, а к станку ему рано — не вышел возрастом... Их путь за специальностью — в ПТУ. И десятиклассник идет прямо на рабочее место не очень охотно. Техника очень сложная. Ее понять надо, а не просто у дяди Вани недельку за спиной

постоять. Лучший путь за специальностью — снова в ПТУ! И паренек очень быстро в этом убеждается. Неизмеримо возрос авторитет училищ. Об этом прежде всего говорят и цифры: за последние три года число выпускников средней школы, пришедших в ПТУ, увеличилось с 3 тысяч до 10,5. (Больше чем в три раза!) Их цель — не просто получить профессию, но такую, которая соответствовала бы уровню полученных в школе знаний. Что выходит: без среднего образования невозможно получить специальность, а десятиклассник без ПТУ не сможет работать.

Ежегодно 119 городских и 11 сельских училищ Свердловской области передают народному хозяйству более 50 тысяч человек. Мы учим ребят 240 профессиям. Готовим кадры для главных наших отраслей: машиностроения, металлообрабатывающей, горнодобывающей. И очень много — для строительства.

Совсем недавно появились в профессиональной школе новые для нас специальности: станочник для работы на машинах с программным управлением, монтажник радио- и телеаппаратуры, строители широкого профиля... Специальности, которым учат в училищах, обнимают все большие сферы многообразной жизни страны.

Корр: Вам, Николай Александрович, наверное, часто приходится выслушивать суждения директоров училищ: того нет, другого не хватает. И жалуются не из привычки брюзжать. Есть, видимо, основания...

Какие проблемы вы ставите на первое место? Как их решить? Вы были участником недавно прошедшего в Москве совещания работников государственной системы профтехобразования. Что конкретно взять на вооружение уральцам?

Н. А. Лыцов: Главная задача профессиональной школы — переход на среднее образование. Проблема социальная и профессиональная тоже. У нас пятьдесят три средних училища и семнадцать технических (куда принимают выпускников 10-го класса). Для перевода надо иметь определенную материальную базу — кабинеты, учебные пособия, многое другое. Это, конечно, трудно. Оживленное строительство ПТУ наблюдается, собственно, две последние пятилетки. Строили их, в основном, по специальным проектам. Раньше было не до спецпроектов. Острая нужда в рабочих руках заставляла приспособлять под училища самые разные помещения. И у нас на Урале осталось еще много старых училищ. Есть даже такие, которым больше 100 лет. Скажем, в Ирбите, на базе нынешнего мотоциклетного завода.

В связи с принятием в стране закона о всеобщем среднем образовании создан новый тип учебного заведения — среднее ПТУ. Задача его не просто научить работать, но и дать прочные знания общеобразовательных предметов. Наши выпускники спокойно могут конкурировать с десятиклассниками на экзаменах в вузы.

Но дальше — парадокс. Система училищ день ото дня расширяется, а количество техников-преподавателей все то же. И страдает в конечном счете уровень подготовки ребят. Большие надежды связываем с инженерно-педагогическим институтом. Правда, мы пытаемся найти выход. Привлекаем, на преподавательскую должность высококвалифицированных рабочих. Так, например, к нам пришли Герои Социалистического Труда А. А. Дурнышев — фрезеровщик с Уралмаша, П. Д. Костылева — крановщица из Красноуральска, Б. Б. Данилов — вальцовщик с Первоуральского новотрубного, В. Л. Ипатов — с Нижнетагиль-

ского металлургического комбината.

Говорилось на совещании и о других проблемах: улучшении качества подготовки рабочих, укреплении материальной базы, расширении связей училища с предприятиями, закреплении выпускников на местах.

Корр: Во многих училищах сегодня проблема № 1 — набор. Ходят мастера на уроки в школы, уговаривают. Закрепляют школы за ПТУ. Так сказать, распределяют сферы влияния. И все-таки большую часть учащихся составляют ребята, которые приезжают учиться из села. Но дефицит кадров в сельском хозяйстве не менее острый, чем в промышленности. Только механизаторов нам не хватает 217 тысяч. Любовь к земле и умение на ней работать тоже с человеком не рождаются. Вам не кажется, что мы «обижаем» село? Как обеспечить разумное соотношение городских и сельских профессий?

Н. А. Лыцов: Да, нехватку рабочих рук мы сегодня чувствуем остро. В сельском хозяйстве тоже. Но дефицит этот за счет училищ не покрыть. Около 4,5 тысячи специалистов готовим мы и для села. В основном, механизаторов. И почти не выпускаем животноводов. Это тоже приходится признавать. СПТУ у нас мало и размещены они неравномерно. Если посмотреть на карту области, то весь север и северо-восток в этом смысле очень проигрывают.

Корр: И все-таки, видимо, надо признать, что 4,5 тысячи выпускников из 50 тысяч и 11 училищ из 130 для села крайне мало. Особенно сегодня, в пору коренного переустройства Нечерноземья.

Каждый год открываются новые училища, реконструируются старые. Это значит, что больше ребят могут приобрести профессии. Однако дефицит кадров не убывает. Конечно же, производство расширяется. Но ведь и сеть училищ растет. Освобождает тысячи рук научно-техническая революция. По-видимому, одна из причин такого положения — недостаточно высокий уровень рабочего мастерства. Каким вы видите

выпускника ПТУ — современного рабочего? Кстати, о к.п.д. училища. Есть ли у ребят возможности полностью проявить себя?

Н. А. Лыцов: Выпускник ПТУ должен быть прежде всего высококвалифицированным рабочим. То есть не только уметь выполнять производственные операции, но и быть способным на более широкое поле деятельности. Можно назвать много имен, но остановлюсь на одном. Кто сегодня не знает Александра Ивановича Храмцова — знатного зуборезчика с Уралмаша, Героя Социалистического Труда, члена Центрального Комитета и областного комитета партии? Когда-то он окончил училище № 1. И возможности для такого профессионального роста и социального есть у каждого пэтэушника.

К 1980 году ожидается нехватка в производстве только по Свердловску 60 тысяч человек. И недостаток будет расти. Задача ПТУ — научить творчеству в труде, воспитать стремление к непрерывному профессиональному восхождению.

Корр: Многие еще считают, что в ПТУ идут те, кто не может поступить в техникум или институт, те, кто в школе, будучи «трудным», закрыл себе пути к росту. Ведь в системе профтехобразования нет отбора. Принимают всех, кто приходит. Даже экзаменов нет. Может, не зря говорят: «Учиться нет смысла — пойдешь в ПТУ или работать»!

Н. А. Лыцов: Такое мнение теперь устарело. Почетный долг и высокая честь — связать свою жизнь с рабочим, правящим классом страны. Конечно, есть и в училище трудные ребята. Те, кто вообще нигде и никем не желает работать. Так они могут быть в любом другом коллективе.

А экзаменов в училище и не надо. Там, где для работы необходимы какие-то особые данные, отбор есть. Например, в художественном. А вообще-то во многих училищах сегодня проводят конкурс аттестатов.

Бывает и такое, что к началу

учебного года укомплектовано чуть больше половины учебного состава. Трудно с набором на строительные специальности. Мы сами виноваты в этом — не укрепляем престиж строителя. А ведь в уютной, теплой, благоустроенной квартире хотел бы жить каждый...

Корр: До сих пор мы говорили о профессиональной учебе. Но ведь ПТУ призвано формировать будущего рабочего и нравственно. Настоящий специалист — всегда личность...

Н. А. Лысцов: Именно! Но воспитать личность с разносторонними интересами гораздо сложнее, чем просто профессионального рабочего. Это мы прекрасно сознаем. И практика показывает — спорт, самодеятельность, творчество невозможно развивать без серьезной материальной базы.

Что у нас есть? Спорт: и у областной системы профтехобразования и у каждого училища — плавательные бассейны, спортивные лагеря, профилактории. Наши профтехучилища дали стране чемпионку мира по прыжкам на батуте Татьяну Анисимову, чемпиона Европы по тому же виду спорта Александра Микрюкова.

Художественная самодеятельность: ежегодно в области проводятся смотры. Нынче в этом празднике талантов участвовало 45 тысяч человек! У нас есть замечательные коллективы, известные всей стране и за рубежом. Например, танцевальная группа при Дворце молодежи. Они лауреаты многих конкурсов, участвовали в концертах на Кубе во время фестиваля. В октябре 1979 года ездили в Болгарию для участия в фестивале советско-болгарской дружбы.

Каждый мастер, принимая группу, составляет план работы на три года сразу. Это значит, что в него человек включается с первого дня пребывания в училище до последнего. Воспитательная работа тесно связана с учебным планом. Изучаются развитие личности, его деловые качества, способности, склонности.

Все для того, чтобы будущему рабочему помочь найти себя, направить его рост. Мастер тут играет большую роль. И среди 3,5 тысячи у нас немало великолепных воспитателей. Таких, как Дина Витальевна Отставных из строительного училища № 1 Краснотурьинска. Уже много лет подряд она берет в свою группу трудных ребят и обучает их самой трудной строительной профессии — каменщика. И воспитывает замечательных рабочих!

Корр: Интересно, а лично у вас, как руководителя, сложился образ идеального ПТУ? Такого, чтобы он вызывал восторг у ребят.

Н. А. Лысцов: Идеал — понятие сложное. Время накладывает на наши даже самые глубокие пристрастия отпечаток. Но знаю немало училищ очень интересных. Могу сказать, что уже имеем более 50 комплексов, где созданы все необходимые условия. Например, железнодорожное № 61 и 24 (на Химмаше) в г. Свердловске, в Ревде для строителей — самое крупное среди училищ этого профиля. Здесь учатся 1,5 тысячи ребят. Есть хорошая спортивная база. Давно славятся в Краснотурьинске комплексы у строителей и на Богословском алюминиевом заводе. Большим успехом в родном городе Н. Тагиле пользуется училище № 93. Для того чтобы поступить туда, надо выдержать конкурсное испытание.

Среди сельских училищ одно из лучших — № 5 в Красноуфимске. Оно имеет 1 000 гектаров земли, где работают сами учащиеся и имеется большой машинный парк — около 60 тракторов и 20 комбайнов. Сейчас здесь строится еще и молочнотоварная ферма.

Каким же я вижу ПТУ завтрашнего дня?

Повторяю и утверждаю: во-первых, с хорошей материальной базой. Во-вторых, укомплектованными опытными преподавателями.

В-третьих, работу нужно вести не по профориентации, а по профотбору. И в том есть уже добрый опыт. И заниматься профотбором

не с 7—8 класса, не примитивно, а с 4 класса. Чтоб можно было сказать: из тебя, Петя, получится хороший токарь, а из Саши замечательный кондитер...

Помню, сидел я в жюри областного смотра молодежной песни. Пришел усталый, а вышел — помолодевший. Знаете, как поет наша молодежь! Прекрасно поет. И в каждой песне — слова о любви, счастье. О труде тоже много песен, но они — скромнее. И глубже, по-моему. Я считаю, пусть, подросток смеется, любит, ищет счастье, строит судьбу. Но пусть незримой и серьезной живет в его сердце истина о том, что нет счастья без труда. Трудного. Облагораживающего. Кормящего нас и радующего...

Человек кузнец своего счастья. Как точно сказано — кузнец! Рабочий!

МОЖАЙСКИЙ — ХУДОЖНИК

Немногие, наверное, знают, что изобретатель первого русского самолета моряк Александр Федорович Можайский был хорошим художником. Альбом с его рисунками, сделанными во время плавания на фрегате «Диана» к берегам Японии, ныне хранится в фондах Центрального военно-морского музея.

Осенью 1853 года фрегат «Диана» был направлен из Кронштадта в Японию, чтобы сменить фрегат «Паллада», пришедший туда ранее с дипломатической миссией, возглавляемой вице-адмиралом Е. В. Путятиным, для установления торговых отношений с этой страной.

10 октября 1854 года фрегат «Диана» бросил якорь на рейде Хакодате. Здесь Можайский увлекался фотосъемкой и много рисовал. Он изобразил «Диану» на рейде Хакодате, двор и сад японского храма. Пейзажные зарисовки Можайский продолжал и в Осаке.

В конце ноября «Диана» пришла в Симода. Переговоры развивались успешно. Можайский продолжал наблюдения за особенностями японского быта, архитектуры, что и отразил в рисунках.

В его альбоме, содержащем более двадцати листов, есть портреты японского врача, бонзы, девочек, двух женщин с мальчиком.

Один из интересных рисунков — залив Симода (на снимке). В центре залива — фрегат «Диана». Справа на берегу Можайский изобразил себя за рисованием. Полный штиль. Ничто не предвещает беды.

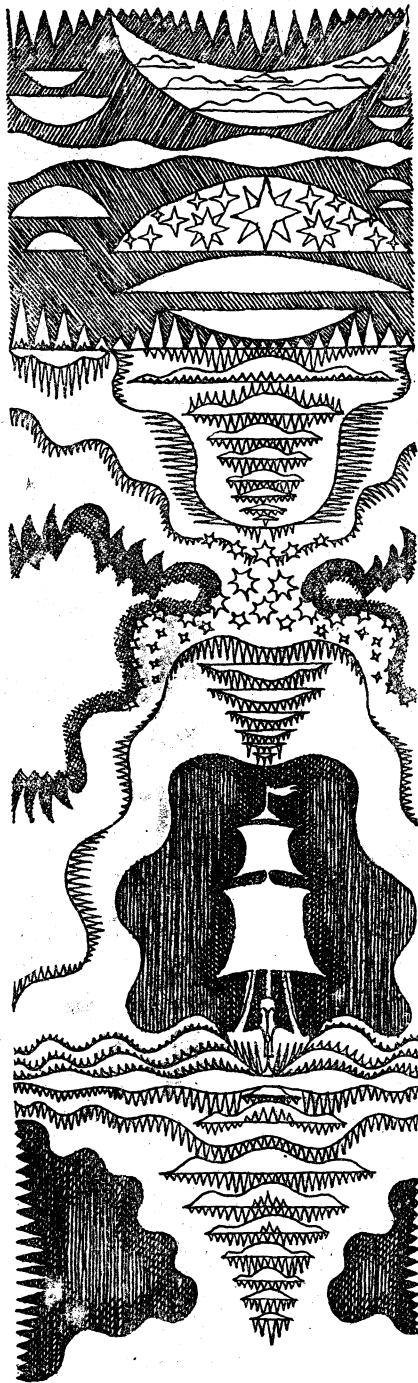
Однако 11 декабря 1854 года мирная миссия моряков была прервана землетрясением, разрушившим город Симода и погубившим «Диану». Команда фрегата перешла в местечко Хеда (в 35 милях от Симода). Здесь была построена шхуна «Хеда». Первая группа русских моряков во главе с Путятиным на этой шхуне ушла в Россию весной 1855 года. Остальные моряки, среди которых был и Можайский, покинули этот порт летом того же года. По прибытии на родину Можайский представил свои рисунки в Гидрографический департамент.

Лет тридцать назад они были обнаружены в фондах Центральной военно-морской библиотеки, откуда и поступили в Центральный военно-морской музей.

Мария
КОНИЦ

Млечный мост

Алла
ВОРИВОДИНА

Море детства
Да море взрослости,
Море старости...
Глубина!
С малолетства
Летит на скорости
Жизни парусник
По волнам.

Вольный ветер
Со мною рядышком,
Миг движения,
Песней стань.
Я свидетель
Цветенья ландышей
И рождения
Птичьих стай.

Я надеюсь
На встречу с радостью.
Ах, как выгнулся
Млечный мост.
Море рдеет,
Летит мой парусник
По великому
Морю звезд.

Жалеть о том, чего все нет,
Или о том, чего не стало?..
Я узнавала белый свет,
Из старых платьев вырастала.

Был ограничен мир окном,
Потом очерчен горизонтом,
А после оказался он
До бесконечности разомкнут.

Но взглядом небо обвести
И как не пожалеть при этом,
Что держишь только луч в горсти
Под ливнем солнечного света.

Тот, от кого чело мое и губы,
Та, чьи глаза во мне раскрылись
Они далеко, мне на них взглянуть бы
И рассказать им про свою любовь.

Сказать, как выйдет: словом,
жестом, взглядом,
Сказать, что я жалею об одном,
Что осень золотистым листопадом
Стучится тихо в отчее окно.

Наш старый тополь смотрит
на дорогу,
Как будто ждет меня, что вот теперь
Я подойду к родимому порогу
И отворю незапертую дверь.

Откуда привкус горечи
У моего веселья?
А днем неожиданно солнечным
Снега к земле осели.

Весна такая ранняя
Взошла на мой порожек.
Откуда взять свидание,
Чего и быть не может?

Лишь снег водою полнится,
Он весь растает вскоре.
В душе моей бессонница,
В моем веселье горечь.

А счастья нашего ростки
Уходят ввысь.
Мы оказались так близки —
Не разойтись.
Мы оказались так смелы —
Все песни врозь.
Но из корней растут стволы,
Из ветки — гроздь.
И мы подобно им близки.
Я все о том,
Что счастья тонкие ростки
Наш держат дом.

«Варшавянка»

Как мы пели — возвышенно, гордо!
И поныне, тревожна, стройна,
Из страны барабанов и горнов
«Варшавянка» родная слышна.

Кто мне худенькой машет рукою,
Как журавушка серым крылом?
Избяной городок за Окою
Весь просвечен медвяным теплом.

И волшебною музыкой детства,
Рассыпая на солнце лучи,
Духовой, простодушный оркестрик
У вокзального сквера звучит.

Трубным звукам, торжественно-
мерным,
Вторит с ветки чумазый скворец.
О святая, щемлящая верность
Замирающих детских сердец!

Эти дни, эти синие ночи!
Юный месяц над гладью Оки...
В белых яблонях дремлет Поочье,
И враждебные вихри близки.

Подснежники

Ветер качает деревья, свещет
во мгле ненастной...
Вот почернеют сумерки,
и над безлюдьем дорог
Выйдет жестокий месяц,
блещущий и прекрасный,
Стужа задышит в сердце,
сердце сожмется в комок.

И поспешишь невольно —
через ручьи и кочки —
К дому, к теплу и улыбке,
к станции в огоньках,
Обогревая дыханьем
крохотные цветочки,
Горстку весны и надежды,
в оковенувших руках.

Заморозки

Седые заморозки в сумерках
крадутся,
На разнотравья вянущие лютятся,
В студеньих долах блещут до утра.
Седые заморозки — в серебре,
в тумане,
Как кони, бродят по лесной поляне,
Дыханьем обжигая клевера.

Ни добрых снов, ни писем,
ни известий...
Мерцающую веточку созвездий
Опять тебе в конверте отошлю.
Седые заморозки, полоса большая
Мне выпала — надолго ли, не знаю,
Но заморозки тихие люблю.

Прозрачны дни, в студеньих звездах
ночи,
Осыпаны брусничкой мхи и кочки,
Листва багряная качается в ручьях.
И осень, словно яркий зимородок,
Раскинув крылья, осенила воды
Зеленым светом в золотых лучах.

Так тихо по ночам, так сердце ранит
Печальная река в густом тумане,
Так страшен сад без птичьих
голосов!
Но пусть зовет в обратный путь
дорога —
Я погожу, я погощу немного
Под сенью облетающих лесов.

Теплый ветер, весенник могучий!
Из далекой своей далины
Налети, чтоб развеялись тучи,
Распахнулись просторы весны!

Чтобы зимние вьюги затихли,
И, от сини и света пьяна,
Евдокией на тонкой Плющихе
От души разгулялась весна!

Чтобы солнце плясало по лужам,
По шуге оживающих рек,
Чтоб не смела нашептывать стужа,
Что вовек одинок человек.

Зарный ветер, бунтарь, молодчага!
Опахни доброй вестью лога!
Задымятся по рощам, оврагам
Подожженные солнцем снега.

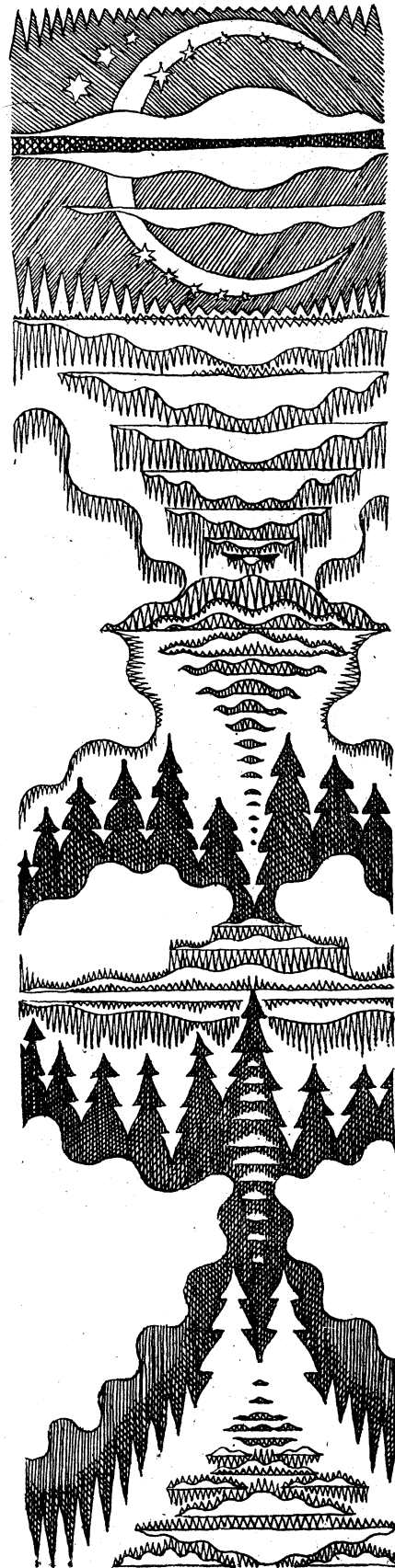
Грянет в ростепель буйная весень...
Дерзкий ветер! Из теплой зари,
Из лучей и щебечущих песен
Мир любви и добра сотвори!

...Вот и домик, от вымытых стекол
Стал прозрачен, как лес и река,
И скворец осторожно зацокал,
И к стихам потянулась рука.

И, прищурясь на солнце спросонок,
На ступеньке большого крыльца
Улыбнулся серьезный ребенок
Легкомысленной песне скворца.

Рисунки
В. Меринова

ЗАПИСКИ ИЗ КРЫМСКОГО БЛОКНОТА

**Александр
ЕРМАКОВ**

*Рисунок
Ю. Калмыкова*

Память в Тессели

Есть на земле места, которые неодолимо влекут связью с именами выдающихся сыновей своих. Много таких мест на крымской земле. И одно из них — Тессели. В переводе с греческого «Тессели» означает «Тишина». Здесь три последних своих года — с 1933 по 1936-й — жил Алексей Максимович Горький.

Гряда высоких отвесных скал... Прохлада моря спасает от летней жары. А скатывающиеся с зеленых, цветущих гор волны прогретого воздуха делают его сухим и ароматным. Дышится легко, будто пьешь густой пахучий напиток и не можешь напиться.

Здешний парк — творение щедрой крымской природы и человеческих рук. На голых камнях выращены ценнейшие породы привезенных из разных стран деревьев и кустарников. Землю, рассказывают, доставляли сюда мешками на лошадях еще при первом хозяине парка генерале Раевском.

Выросли могучие и раскидистые ливанские и гималайские кедр, итальянская сосна пиния, испанский дрок, кипарисы и платаны, голубые ели и лавр благородный...

В центре парка — бронзовый памятник Горькому, недалеко от кедровой лужайки, где писатель любил бывать, посидеть на скамейке. Установлен памятник в 1959 году; подперев рукой подбородок, Алексей Максимович задумчиво смотрит на горы.

Ближе к берегу — сама дача. Сложена она, как и многие крымские здания, из тесаного камня. Много надо вложить труда и терпения, чтобы из шербатовых камней разных форм и размеров выложить вот такие гладкие и прочные — на века — стены.

Внутри здания — просторные комнаты, зал. Старый беккеровский

рояль. Стол, камин, глубокое кожаное кресло — свидетели его раздумий.

На стенах много фотографий. Вот лицо на снимке, которое, несмотря на почти восьмидесятилетнюю давность фотокарточки, узнаешь сразу по окладистой бороде, пронизательным всевидящим глазам. Внизу размашистая подпись: «Алексею Максимовичу Пешкову, 9 февраля 1900 г. Л. Толстой.»

К другому снимку тоже не требуется пояснений: Антона Павловича невозможно с кем-нибудь спутать. Обнявшись, они стоят с Алексеем Максимовичем в саду на чеховской даче. И тоже собственноручная подпись: «М. Горькому. 1899 г. Доктор Чехов.»

Жил здесь Алексей Максимович вместе с сыном Максимом и внучками Дашей и Марфой. Многие фотографии рассказывают о тех днях, свидетельствуют о его нежной привязанности к девочкам, любимому сыну, ушедшему, к сожалению, так рано из жизни.

Но Горький не только отдыхал на даче. Здесь он заканчивал «Жизнь Клима Самгина». Рядом с домом, внизу, есть небольшой искусственный пруд, окруженный плакучими ивами. Там в лодке и были написаны многие страницы повести. А в свободные часы крушил ломом скалу из слоистого серого камня — диорита. Именно из глыб такого камня строились здания в Крыму, а тонкими его пластинками выкладывались дорожки и боковины аллей в парке.

Посчастливилось нам найти человека, который знал Горького. Это Василий Сергеевич Андреев, ныне пенсионер. В те годы он работал механиком гаража дома отдыха «Форос». А поскольку за Алексеем Максимовичем была закреплена легковая машина марки «Форд-8», то обязанно-

сти по уходу за ней, ремонту были возложены на работников гаража.

Запомнилось Андрееву 7 ноября 1933 года. Горький пригласил школьников из Фороса к себе на праздник. Василий Сергеевич посадил ребят и сел за руль. И хотя расстояние до Тессели совсем небольшое, успели по дороге перговорить о многом. И, конечно же, о Горьком, его семье, жизни и творчестве. Гадали, как он выглядит, как встретит...

Алексей Максимович вышел к гостям, помог выйти из машины. Одет он был в неброский серый костюм, седые волосы ежиком топорщились на непокрытой голове.

— Здравствуйте, — негромким хрипловатым голосом говорил он. — Проходите...

Несколько часов пробыли школьники вместе с Алексеем Максимовичем и своими сверстницами Марфой и Дашей. Играли, пели, танцевали, слушали и рассказывали стихи и сказки. Возвращались счастливыми от общения с великим и, оказывается, совсем простым человеком, о котором раньше знали только по книжкам; у каждого в руках подарок — конфеты, которые в то время были большой редкостью. Еще слаще конфеты казались оттого, что они — от самого Горького.

А Сарыч светит

В легендах и сказках, стихах и песнях маяки обязательно светят. Так оно бывает и в жизни. Но предоставим на минуту, что маяки погасли. О, сколько бы это принесло бед! Потеряли ориентировку и сбились бы с курса корабли, заблудились в тумане, налетели на скалы... Нет, нельзя потухать спасительному лучу!

И маяки светят, несмотря ни на что.

Тысячи снарядов были посланы фашистами на инкерманские маяки, указывавшие путь нашим кораблям в Севастопольской бухте. Прямым попаданием была сорвана башня верхнего маяка, потом сбит с фундамента весь его корпус. Маячники вытащили прожектор и под усиленным, методическим обстрелом направляли луч по входному створу — единственной незаминированной дорожке на главную базу, — обеспечивая безопас-

ность прохода и действий наших кораблей.

И так все 250 суток героической обороны Севастополя. Фашисты вынуждены были послать самолеты. Погибли под бомбежкой 23 июня 1942 года начальник маяка Павлов, старший маячник Иващенко, командир манипуляторного пункта Яковлев. А маяк продолжал светить.

Маяк под названием Сарыч находится в самой южной точке Крымского полуострова. Именно этим обстоятельством продиктовано его расположение. Все другие условия — климатические, природные и так далее — имели второстепенное значение и во внимание не принимались. Основан Сарыч 80 лет назад, в 1898 году. Чугунная башня его высотой 12 метров, отлитая в Амстердаме, установлена на 26-метровой скале. Таким образом, свет маяка на 38 метров выше уровня моря и виден на многие мили.

Раньше свет излучала керосинокалильная установка. Керосин подавался на асбестовую решетку, пропитанную солями редкоземельных элементов, и там сгорал. А мигание маяка обеспечивал механизм вращения, действовавший по принципу настенных часов. Его гири весили десять килограммов. Мигание маяка можно было увидеть ясной ночью за 15 миль.

Но маяк должен действовать не только ясной ночью, но и днем. Днем «работает» окраска маяка: она у каждого своя. Есть маяки красные, желтые, черные, те, что видны на фоне неба или серых скал. Сарыч — белый, он далеко заметен на фоне зеленого крымского берега. Цвет каждого маяка зафиксирован в лоциях и не подлежит изменениям.

А как же в тумане? Тут приходил на помощь колокол, до сих пор висящий рядом с башней Сарыча. Отлит он в Голландии, в 1863 году. На толстых медных боках — следы странствий, приключений, легкой его судьбы.

В грозные годы Отечественной войны до последней возможности светил Сарыч, и звенел его колокол, помогая Черноморскому флоту проводить боевые операции — высадки десантов, минирование подступов вражеских кораблей и разминирование «дорог» для своих. Уже был эвакуирован Севастополь, немцы перешли перевал над бухтой Ласпи и подступали с запада, взяли на востоке Форос и появились совсем рядом — на горьковском пляже... Вот тогда подошел к Сарычу специальный катер, погрузил все маячное оборудование и увез на Кавказское побережье.

Как только Крым был освобожден от фашистов, вернулись маячники на Сарыч. Здесь все было разрушено — сбита фонарная часть маяка, сожжены постройки... Остались лишь стены да чугунный корпус маяка. Лишь весной 1947 года вновь зажегся луч Сарыча.

Иным стал маяк. Вместо керосинокалильной установки появилась оптическая система, которая включает большую наборную линзу; мощная электрическая, в целый киловатт, лампа бросает луч, который виден более чем на 30 километров. На смену колоколу пришли современные радиотехнические средства — радиомаяк, навигационные радиосистемы, звуковые и гидроакустические установки.

Круглосуточно, без выходных дней и праздников несет свою службу Сарыч, впрочем, как и соседние маяки. Лучи их светят от захода до восхода солнца. Чтобы правильно держать курс, с корабля должны быть видны сразу хотя бы два маяка или их лучи. На восток от Сарыча — Айтодорский маяк у Ласточкина гнезда, на запад — Херсонесский. И идут, ориентируясь по ним, корабли, везут нефть из Туапсе, руду из Жданова, и во все концы света — пассажиров, которые порой и не подозревают, как много делается, чтобы обеспечить безопасность их плавания.

Служба здесь нелегкая. Зимой холодный воздух накаливается на суше и по ущелью, как по трубе, устремляется на Сарыч. Ломает деревья, рвет антенны, срывает крыши построек. Громадные белые волны разбивают причалы. И в это время надо подниматься по винтовой лестнице маяка, выходить на балкон фонарного сооружения, протирать стекла светового устройства... Это можно сделать только пристегнувшись страховочным поясом — иначе сдует с 38-метровой высоты. Такова плата за выбор выгодного географического положения Сарыча.

Современное сложное оборудование маяка — световые, радиотехнические, звуковые устройства — обслуживают всего четыре человека — две семьи. Геннадий Дмитриевич Николаенко имеет высшее специальное образование. Его жена Галина Николаевна — техник-электромеханик. Старшим техником работает Евгений Михайлович Цулимов, жена его Екатерина Петровна — техник. Дежурят круглосуточно, сменяя друг друга, без перерывов, выходных и праздников.

Чем-то похожа служба маячников на полет в космосе: тоже непрерывная вахта у множества приборов, тоже тщательное наблюдение. Недаром в первый свой отпуск после полета Юрий Гагарин, отдыхая в Форосе, приезжал на Сарыч и разговаривал с работниками маяка как с коллегами.

ХИТРОВАН

**Семен
ШМЕРЛИНГ**

*Фото
Г. Чертополохова*

На пригорок вылез танк. Его ждали, и все-таки вышло, что возник он неожиданно. Подполковник довольно улыбнулся: видимо, рассчитывал на такую внезапность.

Танк ринулся по пологому скату в ложину. Быстрее закрутились гусеницы, сверкая траками.

А в ложине были открыты траншеи, окопы, ходы сообщения. Позиции занимал стрелковый взвод, расположенный на флангах участка обороны. Виднелись выбеленные по зимнему защитные каски, оружие.

Проходило первое для молодых солдат занятие, именуемое еще с военных времен «обкаткой танками». По замыслу подполковника танк должен пройти через центр обороны, где нет солдат, и мотострелки с флангов обстреляют его холостыми патронами, забросают учебными гранатами. Казалось, все просто. И объяснения отдельного и взводного вполне понятны, расчеты совершенно ясны. Но когда на

тебя попрут стальная машина, пусть даже не прямо на тебя, поневоле онемеют руки, заколотится сердце...

Танк надвигался.

Навстречу ему раздались реденькие хлопки выстрелов, и тотчас белые шлемы утонули в укрытиях. Далеко не все из молодых были способны сейчас прицеливаться и стрелять. И ни одна граната не взвилась над словно обезлюдевшими позициями. Согнувшись, солдаты сидели на дне своих окопчиков, прижимаясь к снежной промерзшей земле.

А один побежал. Маленькая плотная фигурка в зеленом бушлате выкатилась из траншеи и, загребая сапогами рыхлый снег, понеслась к лесной опушке. Солдат вжимал голову в плечи и не оглядывался.

— Стой! — кричал лейтенант. — Стой. Назад, Рожков!

Тот остановился не сразу. Замедлил шаги, обернулся, с минуту

обстоятельно разглядывал происходящее. Потом трусцой поспешил обратно.

Неподалеку от наблюдавших за «обкаткой» офицеров он споткнулся о снежный заструг. С его головы свалился шлем вместе с шапкой, и я увидел, что он ярко-рыжий. Красноватое лицо его было усыпано крупными веснушками. Он глядел на нас круглыми песочного цвета глазами, не испуганно или виновато, как я ожидал, а внимательно, изучающе.

И тут-то я его узнал. Было это поздней осенью. Солдаты-новобранцы занимались на строевом плацу. Новенькие шинели коробом топорились на них, серые шапки поминутно сползали со стриженных голов, сапоги казались жестяными.

— На месте... шагом марш!

Первогодки исправно застучали тяжелыми сапогами по расчищенному от первого снега асфальту.

— Выше ногу. Раз, два, три!

Я проходил в тылу взводной колонны и невольно обратил внимание на замыкающего. Любопытно было наблюдать, как он марширует: в такт командам слегка покачивал коротеньким и плотненьким корпусом и еле-еле сгибал в коленях ноги, не отрывая ступни от земли. Он не шагал, а только ловко обозначал шаг.

Взвод занимался второй час, и на разгоряченных лицах новобранцев выступили крупные капли пота. Время от времени некоторые без команды снимали свои ушанки и утирались ими, а лейтенант сердился и покрикивал:

— Отставить!

Маленький солдат тоже снимал шапку и старательно вытирал совершенно сухое, густо усыпанное веснушками красноватое лицо и медно-красную стриженую голову. Я хотел было дожидаться его разоблачения, но напрасно, в этот раз оно не состоялось. Когда новобранцы приступили к строевым тренировкам в движении, рыженький, проходя мимо взводного, отпечатал такой громкий и молодцеватый шаг, что я невольно подумал: «Ну и хитрован».

Без сомнения, это и был рядовой Рожков, который сегодня оставил позиции и побежал от надвигающегося танка.

— Товарищ лейтенант! Разберитесь и доложите! — приказал подполковник.

— Нэкрасиво, совсем нэкрасиво, — сдержанно произнес майор — командир батальона. Широкий в плечах, тонкий в талии, матово-смуглый и гибкий, этот кавказец чем-то напоминал д'Артаньяна. Майор так закалился на севере, что и в крепкие морозы щеголял в шинели, хромовых сапогах, а иногда и в фуражке. —

Позор, — продолжал он. — В нашем полку такого быть не может. — Глаза его гневно сверкнули.

Тридцать с лишним лет тому назад полк, в котором теперь служил майор, держал оборону на берегу Терека. Траншеи и окопы пролегли под городом, где жил тогда еще мальчишкой майор с матерью, братьями и сестрами. Отец был на фронте. Несколько месяцев шли бои, но стрелковый полк не отступил ни на шаг со своего рубежа, а потом пошел в наступление, сметая фашистов.

Минули годы. Мальчик вырос, окончил военное училище и попросил направление в ту самую воинскую часть, которая защитила его на берегах Терека. Почти десять лет служил он в этом полку и считался самым старым ветераном.

Майор вопросительно взглянул на подполковника.

— Лейтенант скоро вернется, — ответил тот. — Разберемся.

Признаться, я рассчитывал, что мы пойдем в штаб полка. Пребольшо покалывало уши, ледяной ветер забирался за воротник. Но подполковник и не подумал двинуться с места. Он, казалось, не замечал холода. Его побуревшее от зимнего загара лицо, крупное и скуластое, было оживленным и, я бы сказал, радостным. Он с удовольствием оглядывал казармы, спортивные брусья и турники, выстроившиеся справа, расчищенный от снега строевой плац и вновь оборудованные позиции для обкатки танками.

— Тут надо бы кое-что усовершенствовать, — обратился он к комбату.

— Слушаю, Петр Степанович.

— Выделишь людей — окопов прибавим. Макеты танков пора переделать, они какие-то нелепые... Сюда бы электронику для управления, — мечтательно проговорил он. — А то отстаем, прошлый век...

Усиленно потирая уши, я приготовился еще долго терпеть мороз. Ни в какой штаб, конечно, мы сейчас не пойдем. Подполковник до позднего вечера будет крутиться по городу, стрельбищу, полигону, машинодрому, караулам. Офицер он сугубо полевой. Иногда мне, не без оснований, казалось, что Петр Степанович всю службу так и не знал крыши над головой. Как в сорок третьем фронтовым солдатом забрался в окопы, так с тех пор и не покидал поля.

— Вот и лейтенант идет, — сказал комбат. — И не один.

— Смотри ты, и беглеца хватил.

— Товарищ подполковник, — круто бросив ладонь к виску, доложил командир взвода. — По вашему приказанию выяснил обстоятельства проступка рядового Рожкова.

— Погодите... Отчего он с вами?

— Счел полезным. Хотелось, чтобы вы с ним лично побеседовали.

— Ну ладно, коли счел. Пусть пока погуляет. Придет через пятнадцать минут.

— Есть!

Маленький солдат зашагал в сторону казармы, а лейтенант принялся объяснять причину позорного бегства рядового Рожкова. Вид у командира взвода был растерянный и, пожалуй, обиженный. Прежде я его таким не видел. О нем у меня сложилось впечатление, как о деловом, независимом, чуть самоуверенном офицере.

Сейчас лейтенант был смущен:

— Товарищ подполковник, разрешите доложить... Не понял я рядового Рожкова. Странное у него объяснение. Говорит, что вовсе не испугался, не струсил...

— Как так?

— Правильно, говорит, сделал, что убежал...

— Интересно. А что он вообще за человек?

— Сачок. Хитрюга. Где может, там и норовит словчить. На строевой, когда не видят, еле ноги поднимает. Прохлаждается. На полосе препятствий — только не догляди, через ров не прыгнет, кругом обожит. Боевые гранаты метали, так он даже чеки не выдернул — швырнул, как камень. Одна на весь взвод и не взорвалась.

— Да. Точно. — Комбат нахмурил иссиня-черные брови. — Позор... для всего полка. Сдрейфил, конечно, теперь изворачивается.

— Вот и я говорю, — подхватил лейтенант. — Разве ж его можно в мотострелках держать?

— Куда же прикажете? — спросил подполковник.

— А куда угодно: в хозвзвод, в техчасть — в тылы, одним словом.

— Ну не спеши в Лемешу, все равно доедем... Позовите.

— Товарищ подполковник, рядовой Рожков по вашему приказанию прибыл.

— Хорошо.

— А вы скажите-ка товарищу подполковнику, почему оставили оборону, — заторопил его лейтенант.

Солдат ответил не вдруг. Ощутил круглыми песочными глазами стоявших перед ним офицеров и задумался.

— Так почему же?

— Погодите. Пусть подумает.

— Стыдно ему, — заметил майор. — Совесть проснулась.

— И ничуть не стыдно, — четким громким дискантом возразил рыженький. — Это же танк. Я «Теркина» читал. Помню: «А на сердце маята, ну-ка сослепу задавит, ведь не видит ни черта...»

Подполковник улыбнулся. Майор нахмурился. Лейтенант покачал головой.

— А все-таки? — уточнил подполковник.

— Понимаете, я не бежал... само побежалось. Тут и подумал: действительно может задавить ни за что, ни про что.

— Но вы же были, как и все, в надежном укрытии. Танк шел мимо. Ни с кем ничего не случилось.

— Не случилось, а могло...

— Как?

— Повернулся бы, боком заехал и прости-прощай...

— Вы и на фронте бы побежали,— зло взрежал майор.

— Почему? Там другого выхода нет. Наверно бы, остался. А здесь-то к чему зазря рисковать...

— Позор,— вскипел комбат.— На войне за это...

— Ну-ну,— как бы не слыша его, задумчиво сказал подполковник.— Ну-ну... Значит, говоришь, само побежалось... И у меня... когда-то... тоже побежалось.

— Что? — переспросил майор.

— Говорю, что тоже драпанул из окопов от танков.

— Кто? Вы?

— Я.

— Быть не может,— лейтенант с удивлением посмотрел на старшего офицера.

— Было. В сорок третьем.— В его глубоко посаженных бледно-голубых глазах мелькнула усмешка.— Хотите расскажу?

— Лучше потом, товарищ подполковник,— лейтенант кивнул на солдата.— Потом...

— Отчего же, можно и сейчас. Вот послушайте... Парень я деревенский. До семнадцати годков дальше райцентра носа не высывал. А в войну меня, как говорится, понесло. Пока везли, от дверей теплушки не отходил— все глазел на станции, на села, на города... В запасном полку был целых два месяца. Образовывался. С утра до позднего вечера: по-пластунски, бегом, лежа заряжай. Долго ли, коротко, поехали на фронт— маршевая рота. Со станции разгрузки двинулись ночью. Спали на ходу. Дошли до линии обороны— она была открыта. Траншеи неглубокие, мы принялись их углублять. Да. Копаем, копаем, и вдруг слышим: «Танки с фронта!» Замерли. Глядим, из-за холмов, в тумане— идут. Стал считать— сбился. В глазах путаются, да и духу не хватило сосчитать. С нашей стороны хоть бы пушенка ударила. Ребята кричат: «Что делать? Гранат нет».— «Ничего,— отвечает взводный,— ложись. Через себя пропустим, а пехоту огнем отсечем». И тут у меня сердце оборвалось: как это через себя? И само собой— вон из траншеи и бегом к роще. Ног под собой не чувю. А на дороге— майор, комбат: «Стой! Куда? Ложись». Опамятовался. Упал, в ход сообщения забился. А танки все

ближе. Смотрю— а все на местах. Некоторые и стрелять приготовились: целятся в щели, как в запасном учили. И я винтовку выставил. Мушка прыгает... И вдруг слышу громко кричат: «Не стрелять. Отставить. Танки— свои». Вот те на. «Они же на нас идут». «Вот и хорошо. Пусть идут. Через головы проползут— будет вам наука. Обкатка танками». Обкатали. Запомнилось. А через несколько дней началась Курская битва. Были мы под Понырями, а там, между прочим, с немецкой стороны двигалось полтыщи танков, в том числе и «тигры». Понятно? Что скажете, рядовой Рожков?

Рыженский солдат промолчал.
— Ладно. Подумайте. Время у нас есть.

— Разрешите идти?

— Идите.

— Есть! — Рожков отдал честь, повернулся как-то аккуратно, мягко, что ли. И не спеша зашагал к казарме.

— Ну что ж, прикидку кое-как провели,— продолжал подполковник.— Боевой активности не видел. Завтра— тренировка. Подготовьте людей и технику.

— Есть! — ответили офицеры.

— Без меня не начинать. Договорились?

Я решил обязательно прийти на это занятие.

Танк не двигался. Стоял в лошине, у самых траншей. Падал снег. Его завывало ветром и белыми косицами укладывало на стылую броню.

Отделение солдат в перепоясанных бушлатах, касках, ватных брюках, с автоматами за плечами стояло перед машиной. Теперь он был не страшен. Можно было и полюбоваться изящными линиями темно-зеленой стали, отполированными светлыми траками и улыбчивым лицом механика-водителя, снисходительно поглядывающего на пехоту. Подошел подполковник, тоже в каске и бушлате, обтягивающем его плотную фигуру. Приняв рапорт от лейтенанта, Петр Степанович что-то тихо сказал ему и, внезапно согнувшись, распластался на утоптанном снегу. Затем, ловко работая локтями, по-пластунски «поплыл» к машине и, юркнув между гусеницами, скрылся под низким днищем. Вскоре выполз с противоположной стороны и, отряхнувшись, сказал не по-уставному:

— Вот такая петрушка. Всем — повторить.

— Есть! С правого фланга... по одному,— скомандовал лейтенант.— Марш...

Солдаты посмеивались, удивляясь простоте и легкости задания. Они немного забавлялись. Неустра-

шито рушились на снег, извивались ужами, нарочно заякали касками о металл и, изображая испуг, пулей вылетали из-под днища. Рыжий солдат, конечно, был последним в строю, и товарищи, выполнившие задание, над ним подтрунивали:

— А Рожков-то сейчас поверху ползет, через танк...

— Не, в обход поползет...

Настал и его черед. Он продвигался по-пластунски, как и все, только помедленнее. У самой гусеницы замер, осматрел траки, колеса-ленивцы, словно бы поискал, нет ли тут другого хода. Мы с Петром Степановичем переглянулись. Потом, вздохнув, исчез в узком и низком тоннеле.

Подполковник тотчас сделал знак механику-водителю, и тот мигом запустил двигатель. Из выхлопных труб ударил сизый дым. Мотор взревел, позванивая. Броня задрожала.

Я представил себе, как перепугался Рожков, застигнутый врасплох внезапным громом, и мне даже стало его жалко. Мы поспешили к машине. Рожков лежал ничком, уткнувшись лицом в снег. Потом он осторожно приподнял голову, покосился направо, налево. Гусеницы не двигались. Он еще полежал немного...

— Ну как там? — перекрывая грохот, крикнул Петр Степанович.— Привыкаете?

— Так точно,— послышалось в ответ.— Изучаю...

— Пора и вылезать. Другие в очереди стоят.

Отделение, а затем и взвод стали проползать под днищем работавшего танка, и Рожков теперь уже без задержки пробирался по стальному тоннелю. Затем лейтенант повел взвод на соседнюю учебную точку, где по рельсам катался макет танка, похожий на средней величины вагонетку. Разместившись в окопах, солдаты били по нему холостыми выстрелами, забрасывали деревянными болванками. Они трудились споро и весело. Рожков ничем не выделялся среди других, особой лихости не проявлял. Сидел в уголке окопа и очень серьезно целился из автомата, стрелял короткими, скупыми очередями. Бросил лишь одну болванку, зато угодил прямо в корму фанерной «машины» — в уязвимое место. Был сосредоточен и задумчив.

Прошел час, и подполковник велел объявить перекур, а после: «Ввести в действие главные силы».

— Вот сейчас-то и пойдет настоящая обкатка,— сообщил Петр Степанович, потирая руки.— Поглядим.

Громко закрихтев, танк развернулся и скрылся за пригорком. Оттуда он ринется в наступление на окопавшихся в лошине солдат, и те

вступят с ним в единоборство. Не как в первый раз, на прикидке, когда они теснились на флангах обороны, а каждому придется воевать на особицу. Как на фронте — где кого застала вражеская атака. Один окажется в траншее с усиленными крутостями — и боевая машина пройдет рядом, невольно подставив борт. Другой — в глубоком окопе-колодце, откуда можно, дождавшись удобного момента, кинуть гранату. Третий — с ручным пулеметом примостится в специальной ячейке, из которой полет свинцовым огнем наступающую броню с предполагаемыми на ней вражескими десанниками... А одна позиция находилась прямо на оси движения стальной машины. То был самый мелкий окоп для стрельбы лежа. Между защитной каской приотвисшегося в нем солдата и днищем танка остается всего несколько десятков сантиметров. Если вытянуть руки в стороны, то можно достать до крутящихся гусениц. Здесь от солдата требуется, как сказал подполковник, не просто лежмя лежать в своем углу окопчика, но еще и проявлять боевую активность.

Никто из мотострелков заранее не знал, какая позиция ему уготована. Лейтенант повел взводный строй по ложине, жестами показывая бойцам, какое именно место им надлежит занять. И тут-то всех изумил рядовой Рожков. Шагал он в самом хвосте взводной цепочки и вдруг стремглав кинулся к центральному окопчику и юркнул в него. Лейтенант застыл в недоумении. Он метил для этой точки самого надежного солдата и никак не ожидал от рыженького такой прыти. Взводный даже подошел к нему и не без иронии спросил:

— Рядовой Рожков, вы не ошиблись местом?

— Никак нет!

— Учтите, точка самая опасная. Танк пройдет прямо над вами.

— Да!

— Точно.

— Что ж, товарищ лейтенант, я уже пристроился.

— Замену Петровым.

— А он, товарищ лейтенант, долговязый, еще ноги отдавят...

Подполковник тотчас подошел к окопчику. Оглядел бойца. Автомат, вдавленный затыльником в плечо, твердо опирался на ладонь. Две гранаты аккуратно лежали у плеча солдата. Все было по-хозяйски.

— Так и быть, — сказал Петр Степанович. — Оставайтесь, Рожков. Только без фокусов. Будьте острыми.

— А я, товарищ подполковник, и есть самый осторожный человек.

— Посмотрим, посмотрим...

Танк, перевалив пригорок, катил в ложину: та заремела выстрелами,

покрылась огнем и дымом. С флангов били пулеметы. В центре трещали и искрились автоматные очереди. Над брустверами дрожали стволы.

Я пытаюсь проследить за Рожковым. Но в сумятице быстрой схватки увидел немногое. Из его окопчика навстречу танку вырвался огонь. А потом громадная машина накрыла его. Все мне было известно — и то, что механик-водитель опытный и бывалый, и что ведет он машину по уже примятой колее, и что даже это неглубокое укрытие вполне обеспечивает безопасность, но все-таки стало жутковато. Я представил себе, что почувствовал Рожков, распластавшийся на заледенелом дне мелкого окопчика. Да, момент не из приятных.

Танк промчался. Я облегченно вздохнул, когда увидел приподнявшуюся каску. Привстав, солдат успел подхватить гранату и что было сил метнул ее вслед дымной корме.

— Бросил-таки, — сказал Петр Степанович. — Жаль, только одну. Ну, ничего, для начала сойдет... А он и вправду хитрый парень, этот Рожков. Еще смелости добавим — вот и выйдет настоящий солдат... Однако отработали, можно и подхартиться. Вполне заслужили... Стричь личный состав на обед, — приказал он лейтенанту.

Всякий раз, бывая в этом старом лесном гарнизоне, существующем с довоенных времен, непременно встречаешься с какими-либо новшествами. В полку, как и у нас в городе, все меняется, строится, совершенствуется. То вырастет просторная казарма, то учебный корпус, а то и жилой дом, не уступающий столичному. А на стрельбище, полигоне появляются новые сооружения, приспособления, механизмы, приборы. И в солдатских трудах, которые на первый взгляд кажутся столь однообразными, происходят немалые перемены.

Спустя полгода после зимней истории на «обкатке» мне снова случилось приехать в тот же гарнизон и пройти на очередное полевое занятие в знакомую ложину у подножья холма. Признаться, я едва узнал ее.

Притаившись за холмом, стояли не один, как прежде, а целых три танка.

Я оглядел офицеров, совещающихся у павильона, надеясь найти привычную плотную фигуру подполковника. Но его не было. В центре находился офицер-кавказец, все такой же подобранный и стройный. На его погонах поблескивали две звезды. Узнал я и прежнего коман-

дира взвода, теперь уже старшего лейтенанта.

— Где же Петр Степанович? — спросил я его.

— Отслужил, — с сожалением сказал офицер. — Вышел срок — ушел в запас... На заслуженный отдых, как говорится...

— Начнем, — энергично произнес молодой подполковник. — По местам!

Взвод весеннего призыва занимал оборону. Робко оглядываясь, как и их земные предшественники, солдаты расходились по укрытиям. То там, то тут высовывались зеленые каски и прятались вновь. Бойцы настороженно поглядывали на молчаливый холм, за которым скрывался «противник». Мое внимание привлекла одинокая фигурка, устроившаяся впереди всех на танковой колее. Солдат прижался к взрытой земле и затаился, ничем не укрытый, беззащитный. Впрочем, автомат он изготавил к стрельбе, а справа аккуратно поставил три гранаты. «Прямо так, в открытую? — подумал я. — Что ж, на фронте и такое бывало».

Недавно произведенный подполковник взял в руку микрофон и негромко отдал команду. Из-за пригорка донесли гул и грохот.

Танки надвигались на оборонявшийся взвод, стреляя.

Я невольно наблюдал за маленьким солдатом, который, ничем не защищенный, лежал перед одной из машин. Танк, не сворачивая, шел на него. Солдат не сдвинулся с места. Только вспыхнул огонь его автомата. Стальная машина все ближе... Солдат опустил автомат. Взял гранаты и аккуратно подложил под гусеницу боевой машины. Перевернувшись с ловкостью акробата, он мгновенно нырнул в крохотный окопчик, которого я не заметил, и поднялся снова. В руке у него — граната! Он дважды поразил боевую машину.

Учебный бой завершился, а я все искал глазами маленького истребителя танков. Наконец, увидел. Он медленно спускался по склону, одергивая китель и отряхивая с него пыль.

— Ну как? — улынулся блестящими черными глазами подполковник. — Не правда ли, красиво?.. Узнаете? Это тот, бэглец...

Я узнал маленького рыженького солдата. Хотя бурый загар и покрывал его лицо, на нем упрямо выступали крупные, основательные веснушки.

— Рожков, — уточнил офицер. — Теперь сержант. Гордость полка.

— Ох, хитрован?..

— Так точно.

Опальный изобретатель

Игорь
АЛЕБАСТРОВ

В 1872 году в Петербурге вышел роман «Темные и светлые стороны русской жизни». Написал его Павел Алексеевич Зарубин (1816—1886). Эта книга давно уже стала библиографической редкостью, она ни разу не переиздавалась. Чем она?

...В старину из Москвы уходила прямая дорога на Шую, Лух и обрывалась в Пучеже. Это был самый близкий путь из столицы к средней Волге. По этой дороге ехал Петр I, направляясь в персидский поход. В те времена Пучеж как бы замирал в конце навигации и возвращался к полнокровной жизни весной.

С картины весеннего оживления на Волге писатель и начинает свою книгу. Он рисует яркую картину волжской весны, ее могучий разлив и шумный весенний базар в Пучеже, который одновременно является огромным рынком рабочей силы, местом найма бурлаков, сходящихся сюда из множества глухих деревень и деревушек Поволжья.

Но не только этнографическим характером интересна для нас эта старая книга. Вот что писал А. М. Горький в письме к одному знакомому:

«А знаешь, если я учился у кого-нибудь, то, пожалуй, только у Зарубина...»

Родился Павел Алексеевич Зарубин в Пучеже 22 мая 1816 года в семье небогатого мещанина, занимавшегося перевозкой грузов по Волге на собственной барже. Отец едва сводил концы с концами, поэтому будущий писатель с юных лет помогал ему и не посещал даже начальную школу. Мальчик рано познал нужду, голод, изнурительный труд. Грамоте обучился он у матери и сразу страстился к чтению. Особенно привлекали его технические книги. Начав изучать математику по учебнику Магницкого, Зарубин самостоятельно постиг основы физики и механики. Заниматься приходилось урывками, так как отец не одобрял его книжных увлечений. Однако грамотность помогла Зарубину спастись от рекрутчины.

После смерти отца Зарубин продолжал его дело, но в бурю на Волге баржа погибла и «судовладелец» разорился. Пришлось столлярничать — делать и чинить незатейливую деревенскую мебель.

В 1842 году Зарубин успешно выдержал экзамен на землемера и поступил работать в Костромскую чертежную канцелярию, а позже стал уездным землемером в Костроме. В 1853 году его перевели в Москву старшим землемерным помощником в Межевой корпус. Здесь он изобрел свой планиметр-самокат. Этот прибор для механического определения квадратной меры плоскостей позволял легко и быстро обнаруживать ошибки в съемках землемеров. За изобретение планиметра П. А. Зарубин

в 1855 году получил Демидовскую премию Российской Академии наук, медаль и диплом Парижской Академии. А вот начальство посадило Зарубина под арест на двенадцать суток «за обращение в Академию наук без ведома Межевого ведомства». Хуже было то, что Зарубину запретили заниматься изобретательством под угрозой увольнения.

Только в 1858 году он получил чин коллежского регистратора — самый последний в табеле о рангах.

Гонения начальства, враждебное отношение сослуживцев, недоброльных его планиметром, вынудили П. А. Зарубина выйти в отставку в том же 1858 году. Он вернулся в Пучеж, чинил часы, плотничал, шил сапоги и рукавицы, с трудом добывая средства к существованию. Но в 1863 году талантливого изобретателя вызвали в Петербург и назначили помощником директора Сельскохозяйственного музея при Министерстве государственных имуществ. На этом посту Зарубин оставался до 1882 года. Он изобрел морской путемер — прибор для определения скорости корабля, многосильный гидропульт и водоподъемник, за которые дважды получил золотую медаль Вольно-Экономического общества, сельскохозяйственный пожарный насос, за который получил медаль на Всероссийской промышленной выставке 1882 года, ртутные весы...

Своими руками Зарубин сделал микроскоп и токарный станок, проводил опыты с паровым плугом, реконструировал жатвенную машину, нашел новый способ измерения морских глубин.

К сожалению, большинство изобретений было утрачено еще при жизни Зарубина.

В Петербурге Зарубин начал заниматься и литературным трудом, активно сотрудничал в журнале «Природа и охота», где поместил цикл статей о законах движения летательных машин, а с 1867 года стал редактором «Петербургского листка» — газеты для столичной бедноты. В прогрессивных журналах были напечатаны повести Зарубина «Жизнь», «Торговая Волга», «Мещанская женитьба», «Происшествие сороковых годов», полные сочувствия бедному трудовому люду.

В 1877 году началась русско-турецкая война. Русские войска подошли к Дунаю и надолго застряли, так как воды реки бороздили турецкие мониторы, а у России сильного военного флота на Черном море не было. Как же бороться с турецкими броненосцами? Эта проблема занимала многих русских патриотов. Задумался над ней и Зарубин. А что если построить подводное судно?.. Он знал, что генерал Я. А. Дружинин предложил свой проект подводной лодки... с резновым (!) корпусом, натянутым на металлические кольца. Крестьянин-

модельщик Ижорского завода Ф. Е. Коричка предлагал построить лодку... с водометным двигателем! Инженер Степан Карлович Джебешкий представил проект лодки... с велосипедным двигателем! Штабс-капитан Н. Н. Тверской составил проект карликовой «подводно-надводной миноноски-байдарки»...

Совсем иным путем пошел П. А. Зарубин. Помня о том, что данные о подводной лодке могут быть использованы иностранными государствами, Зарубин осторожно предлагал принцип работы лодки. Он писал, что движение ее «будет совершаться известной, определенной силой, величина которой обратно пропорциональна тому времени, в продолжение которого она будет работать».

Теперь известно, что Павел Алексеевич хотел использовать на своей подводной лодке паровую машину и электромотор, что самым выгодным образом отличало проект Зарубина от всех других. Длина лодки должна была равняться десяти метрам, диаметр стального корпуса — около трех метров, а водоизмещение — около сорока тонн. Изобретатель предусмотрел автоматический регулятор глубины и выход водолоза через специальную шлюзовую камеру.

В 1878 году Зарубин представил свой проект в Морской технический комитет. Когда об этом проекте доложили царю Александру II, тот с раздражением сказал: «Еще один прожектер! Кто же этот новоявленный капитан Немо?.. Ли-те-ра-тор?.. Как же любят в России изобретать! Мне присылают проекты даже гимназисты...»

В средствах на постройку лодки Зарубину было отказано.

Тогда Зарубин опубликовал сообщение в журнале «Яхта», надеясь на помощь меценатов. Но таковых не нашлось.

П. А. Зарубин разделил участь многих изобретателей в царской России — почти все его замыслы не нашли признания и осуществления. Последние три года жизни П. А. Зарубин находился в отставке и умер в июле 1886 года.

Научно-технические идеи Зарубина, приборы, созданные им, получили дальнейшее развитие и были использованы в работах позднейших отечественных изобретателей.

Имя П. А. Зарубина, талантливого изобретателя-самоучки, выходяца из простого народа, заслуживает быть поставленным в один ряд с именами Кулибина, Ползунова, Черепановых и других славных народных талантов.

Кто такой Янко?

Леонид ПРОКОПЕНКО

Всем со школьных лет хорошо известна прекрасная лермонтовская повесть «Тамань». Но кто из нас обратил внимание на то, что из пятнадцати ее персонажей почему-то назван по имени только один — контрабандист Янко?..

Поскольку эта повесть написана на основании истинного приключения с самим поэтом в Тамани, в 1837 году, Лермонтов конечно же знал имена всех действующих лиц. Однако назвал лишь одного. И сделал это, наверное, нисколько не опасаясь, что тем самым он может выдать своего героя властям. Видимо, услышанные поэтом слова Янко «Поеду искать работы в другом месте» потом подтвердились, и Лермонтов уже не сомневался, что контрабандист никогда не вернется в эти места.

Куда же поехал Янко? Где он нашел себе работу? И что это была за работа? Поскольку контрабандист Янко был не вымышленным, а вполне реальным лицом, вопросы эти по отношению к нему уместны.

В воспоминаниях офицера генерального штаба Г. И. Филиппсона есть любопытный рассказ о смелом, очень одаренном, умном и ловком человеке по фамилии Барахович.

Начав свою службу рядовым казачком, он быстро стал хорунжим на одном из баркасов Азовской казачьей флотилии, служил в укреплении Навагинском на реке Сочи, а потом «в несколько лет дошел до чина полковника, имел много орденов, и портрет его находится в Эрмитаже».

«Барахович был храбр и предпримчив, — писал о нем Филиппсон. — Это был хитрый хохол, умевший подчас разыгрывать роль простака и шута».

Это был действительно очень толковый, сообразительный, храбрый и решительный человек, заслуженно получавший награды.

Рассказывая о его прошлом, Филиппсон сообщает крайне любопытную деталь, которая невольно заставляет вспомнить Янко. Дело в том, что Барахович, «как потом оказалось, живя еще на Дунае, занимался между прочим морским разбоем», то есть был контрабандистом.

В «Кавказском календаре на 1854 год», изданном в Тифлисе в 1853 году, говорится: «Начальники Азовских команд: 1-й половины, полковник Яков Никифорович Барахович; 2-й половины, подполковник Антон Филиппович Дьяченко».

Итак, звали Бараховича Яков. Но ведь Янко — украинская форма этого же имени. Странное совпадение. Возможно, случайное. А если нет?..

Во всяком случае, официальные данные того времени подтвердили слова Филиппсона о том, что Барахович необыкновенно быстро, всего в несколько лет, дошел до чина полковника. Да это и неудивительно. Как бывший контрабандист, он отлично знал все их уловки, приемы, излюбленные места, расположение и устройство тайников, поэтому и добивался выдающихся результатов в борьбе с ними. Старался так, что не только очень скоро догнал в чинах создателя Азовской казачьей флотилии Антона Дьяченко, но и перегнал его. Бывший контрабандист сделал блестящую офицерскую карьеру.

В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР оказалось несколько документов, где встречалась фамилия Бараховича:

В фонде девятнадцатом имеется дело № 373 «Военные действия флота и сухопутных войск на Черноморской береговой линии и в Абхазии», а в нем обстоятельное «Обозрение Северо-Восточного берега Черного моря», написанное лейтенантом флота И. Н. Суцовой. Здесь, в описании укрепления Геленджика, помимо прочего, сказано:

«Геленджик служит постоянным местопребыванием начальника второго отделения по береговой линии графа Оппермана. Но замечательное лицо этого города и достойно прославленное своими удачными ночными вылазками на черкесов есть начальник азовских казаков подполковник Барахович. С необыкновенным счастьем и ловкостью он выходил несколько раз в море на казачьих баркасах за контрабандными судами и всегда возвращался с призами».

Подведем некоторые итоги. Персонаж лермонтовской «Тамани» Янко — казак, хотя и в татарской шапке, «но острижен он был по-казацки», Барахович — тоже казак. Янко — контрабандист, как и Барахович в прошлом. Имя у них одно — Яков. А с 1837 года, когда Лермонтов увидел в Тамани контрабандиста Янко, до 1853 года, когда вышел календарь, упомянувший полковника Якова Бараховича, прошло шестнадцать лет. Срок достаточный, тем более что «Барахович в несколько лет дошел до чина полковника».

«ДО КОНЧИНЫ ЖИЗНИ ЕЕ НЕИСХОДНО...»

**Евграф
КОНЧИН**

В Государственной Третьяковской галерее находится картина художника-передвижника Николая Васильевича Неврева «Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова перед пострижением». Написанная в 1886 году, она сразу же, с выставки, была приобретена П. М. Третьяковым.

И до сего времени неизменно привлекает взволнованное внимание посетителей как своими высокими художественными достоинствами, так и острой драматичностью рассказа.

...В полутемном подвале происходит судилище. Самодовольный начальник тайной канцелярии Ушаков небрежно слушает, как секретарь читает приговор. Уже знает он, что ждет молодую красивую девушку, — ее только что ввели сюда солдаты. Резким контрастом среди военных

мундиров и монашеских одеяний выделяется ее светлое шелковое платье, из-под чепца выбиваются золотистые волосы. Но она не испугана — с гневом смотрит на сытое лицо Ушакова. Эту гордость, сознание правоты, ненависть к произволу и насилию она пронесет через застенки монастырские и тайной канцелярии до последнего своего дня.

Рядом с Ушаковым сидит архимандрит Аарон, как бы разделяя несправедливую власть царского сыска. После прочтения приговора Аарон насильно пострижет девушку в монахини и отправит ее в далекий сибирский монастырь. Понимает он, что является участником позорного действия. Стыдно смотреть ему в лицо невинно осужденной — отвернулся от Юсуповой, погружен в невеселые думы.

А приговор писал: «За злодейственные и нечестивые слова, по силе государственных прав, хотя княжна и подпадает смертной казни, но ее императорское величество, милосердуя к Юсуповой за службы ее отца, соизволила от смертной казни ее освободить и объявить ей, Юсуповой, что то упускается ей не по силе государственных прав, только по особенной ее императорского величества милости...» Вместо казни велено «учинить наказание — бить кошками и постричь ее в монахини, а по пострижению послать княжну под караулом в дальний крепкий девичий монастырь... и быть оной в том монастыре до кончины жизни ее неисходно».

Это зловещее событие, что изобразил Неврев в своей картине, произошло 30 апреля 1735 года. Однако пострижение в монахини, которое послужило темой произведения, — отнюдь не начало трагической судьбы Прасковьи Григорьевны Юсуповой. Монастырской узницей она стала еще пять лет назад, в середине сентября 1730 года, когда ее, дочь известного деятеля петровского времени, генерала и сенатора, арестовали и отвезли в Тихвинский девичий монастырь.

Какovy же причины заточения дочери знатного вельможи, которую девочкой знал и баловал сам Петр I? До сего времени они не известны историкам. Ведомо лишь одно: молодая

Юсупова навлекла на себя «длительное неудовольствие» императрицы Анны Иоанновны, для которой самым большим наслаждением было унижить человека, а если не удавалось потешиться, то следовали репрессии. Люто ненавидела она Россию, народ русский, славу русскую.

В чем виновата Юсупова, да и была ли она виновна вообще — это осталось неразгаданной тайной деспотичной правительницы, ее секретного сыска, а еще, пожалуй, брата Прасковьи — Бориса Григорьевича Юсупова: он помог запрятать сестру в монастырь, а перед тем как отправить в ссылку, допрашивал ее вместе с вице-канцлером Остерманом.

То, что в допросе участвовал фактический заправила государства, хитрый и ловкий Остерман, который сумел свергнуть даже Александра Меншикова, наводит на мысль: хотели выпытать что-то очень важное. Вероятнее всего, дознавались о планах дворцового переворота, в котором подозревалась дочь Петра I Елизавета, подруга Прасковьи Григорьевны...

И в заточении ее не оставляли в покое. Настоятельница монастыря доносит, что Юсупова в своих речах «великую хулу» возводит на императрицу и ее тайный сыск, прочит Елизавету в правительницы русского государства.

Анна Иоанновна передает княжну в руки Ушакова, чтобы «все дело исследовать и ей доложить». Генерал прекрасно уловил, что желала бы государыня услышать. Его не смутило, что фактов, подтверждающих серьезную провинность Юсуповой, никаких и не было. Будут факты! На то есть пытки, дыба, мастера заплечных дел.

Усердствовал Ушаков: пытали служанку Юсуповой, служащих монастыря, где она содержалась. И «преступления» Юсуповой были «доказаны».

И вот настал тот страшный день, который так потрясюще воссоздал Неврев. Затем инокиню Проклу — так она будет впредь именоваться — повезли под усиленным конвоем в Тобольск. Перед далеким путешествием ее «напутствовали» в тайной канцелярии, чтобы о всем происшедшем здесь «ни с кем до кончины

жизни своей ни тайно, ни явно, ни под каким видом разговора она не имела». Иначе — смерть! Запрещалось унизить ходить в монастыре куда-либо, кроме церкви, встречаться с кем-либо, писать кому бы то ни было.

Но Прокла не покорилась! Ее не сломили допросы, пытки, избиения, ссылка. В этой молодой женщине оказалась поразительной силы воля. Уже в дороге, как докладывали конвоиры, она несчастно отзывается об Ушакове. Несговорчивой, упрямой осталась и в тобольском монастыре.

И вскоре из Москвы пришел приказ содержать ее в ножных кандалах и под караулом. Такие жесткие меры применяли к особо опасным преступникам. Кроме того, тайная канцелярия по указу императрицы предписывала монастырскому начальству «Проклу наказывать шлепками и объявить, что если не уймется, то будет жестокаше наказана».

Вероятно, эту угрозу осуществили: в 1740 году Юсуповой не стало. Как она погибла — неизвестно. Молчат об ее участии и велеречивые биографы рода Юсуповых, многословно превозносящие верную службу князя Бориса Григорьевича и всех его отпрысков. А о Прасковье — лишь несколько сухих слов.

Не удалось отыскать ни одного изображения Прасковьи Григорьевны или хотя бы упоминания в литературе, в архивных документах о ее портрете. Возможно, его и не существовало.

Тогда возникает вопрос: с чего же Неврев писал Юсупову в своей картине? Видимо, создал ее портрет по своему представлению, по каким-то косвенным данным и черточкам характера, о которых говорят немногочисленные и забытые ныне эпизоды из жизни монастырской узницы. Он создал единственный образ прекрасной и сильной женщины, достоверный своей художественной силой.

Репродукция картины
А. Нагубина

БРЕМЯ

Рассказ

Дмитрий
БИЛЕНКИН

Рисунки
А. Банных

«Надо же! — спеша за Телегиным, удивился Рябцев. — Попал, некоторым образом, в сказку, иду к говорящему волку, а в мыслях жара, чушь, тяготины подъема, прочий бытовизм...»

Уж очень обыкновенным все было вокруг; таким, как всегда, как и сто, и тысячу лет назад, и, верно, задолго до человека. В мгlistом небе теплело размытое солнце, под ногами вязко проседал рыжеватый, в хвое, песок; лапчатые сосенки вынуждали лавировать в застойном воздухе косогора. Удерживая сбитое дыхание, Рябцев стремился не отстать от Телегина, чьи и в старости проворные ноги каким-то образом даже не проминали песок, будто и не человек шел — лесной дух.

Наконец оба вскарабкались на гребень и по знаку Телегина присели под корявой сосной. Здесь тянуло ветерком, мягким, но и в этой мягкости уже прохладным, точно где-то в дороге он успел лизнуть стылый ледок. Рябцев поспешил запахнуть куртку.

Открытая взгляду ширь темнела хвойными увалами, перемежаясь желто-красными сполохами берез и осин, казалось, зряче дремала под неярким небом. В светло сереющей дали мерцало одинокое, в мохнатой опушке, озерко. С низовым накатом ветра в смолистую сушь воздуха струей врывался запах грибной прели, и тело, словно узнавая себя, блаженно ловило все тайные токи природы. Ни звука нигде, кроме шлепста ветвей, ни движения до самого горизонта, будто двадцать первый век только приснился людям. С близкой березы, кружась, слетал желтый лист.

— Где же хозяин? — рассеянно обводя взглядом дали, спросил Рябцев.

— А во-он, — неохотным движением руки Телегин показал на глухой распадок. — Там его логово. Нас он, верно, уже заметил. Подождем.

Заблудившийся муравей целился взбежать на колено. Рябцев смахнул его небрежным щелчком, украдкой покосился на Телегина. Тот сидел не шелохнувшись, будто врос, недвижно смотрел в пространство. Казалось, он забыл о журналисте, целиком ушел в себя, точно первое в истории интервью зверя было самым обычным или пустым делом. Отрешенный, ветер

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

ерошит седое полукружье волос над круто выпуклым лбом, к голубым, уже чуть блеклым глазам стянулись морщинки,— и не ученый вовсе, сидит под сереньким небом старичок, тот самый, из легенд, благостный пустынный, к руке которого сходятся звери, слетаются небесные птицы...

Вот так все возвращается на круги своя, мельком подумал Рябцев.

Это ты брось, осадил он себя тут же. Выдумки твой пустынный. Просто время такое, что легенды и сказки сбываются. Они и должны сбываться, мечта и фантазия как-никак завязь дела, чему удивляться? Деда до ковра-самолета, сиречь до реактивного лайнера, дожили, а я вот сейчас с волком пообщаюсь, напишу об этом, и мир тихо ахнет... Нет, не ахнет, в том-то и дело, что не ахнет. Обрадуется, поудивляется, но в общем примет за должное, ибо с осуществлением фантазий все уже давно свыклись. Вот если бы они перестали осуществляться, тогда поразительно. Нарушение закона, все равно что масса вдруг перестала бы переходить в энергию! А так... Ну ясно же, что животные, вроде волка, как-то думают, об этом еще в девятнадцатом веке Энгельс писал. Значит, можно улавливать электромагнитную динамику биотоков, декодировать эту сложную (очень сложную, кто спорит!) путаницу, искать непонятным символам соответствие, переводить их в звуки нормальной речи. «И молвил волк человеческим голосом...» — через транслятор. Ну наконец-то, скажет человечество, наконец-то наука осилила речевой контакт с животными; интересно, послушаем, что там у серого за душой...

И все-таки! Вот именно: все-таки...

— Не посвистеть ли? — спросил Рябцев с улыбкой. — Что-то наш друг не торопится.

— Зато мы торопимся, — Телегин резко выпрямился, колюче взглянул на журналиста. — Он вам не песик! Верно, кругами ходит, присматривается, что за гость?

— Каков хозяин, таков и гость, — с ходу отпарировал озадаченный переменной тона Рябцев.

И тут же пожалел, что привычка не теряться перед словом взяла в нем верх. Но и Телегина, казалось, смутила внезапная суровость собственных слов.

— Серый — мужик серьезный, — сказал он, словно оправдываясь.

— Вы о нем — как о человеке...

Телегин снова нахмурился.

— Ну, если вы так поняли мои слова — забудьте. Не стоит раскачивать древний маятник мысли.

— Маятник?

— Именно. Животных мы то уподобляли себе, то, наоборот, отвергали всякое с ними духовное сходство. В этой плоскости мысль маятником и ходила. А мир-то многомерен, значит, явление и истина о нем многомерны тоже.

«Теперь он со мной, как с маленьким, — раздосадованно подумал Рябцев. — Вот тебе и благостный старичок! Пороховой кремень...»

Они знали друг друга едва ли час, потому что, встретив Рябцева у границы заповедника, Телегин повел его прямо сюда и по дороге больше отмалчивался. Теперешнее обострение разговора было на руку журналисту, ибо ничто так не раскрывает собеседника, как противоречие его словам.

— То-то философ Энгельс, — сказал Рябцев не без ехидства, — оказался куда пронизательней сонма специалистов, которые и столетие спустя отказывали животным во всяком умении мыслить!

Телегин слегка кивнул.

— «Ученые так близко подошли к храму науки, что не видят храма и ничего не видят, кроме кирпича, к которому пришелся их нос». Знаете, чьи слова?

— Нет...

— Сказано Герценом. Метко сказано! Уперты носом... А что поделаешь! Я вот говорю с вами, а мысли о волке. Почему не объявляется? Ведь что бы я вам там ни говорил, а уверенность моя тает. Странно! Как всякий зверь, он существо любопытное, к тому же вчера я не ответил на пару его вопросов. Подзадорил: мол, завтра придет знаток, вы то есть, уж он-то все объяснит.

— Ничего себе! — Рябцев фыркнул. — Не журналист, значит, интервьюирует волка, а волк журналиста! Край света... А если я не смогу ответить? Вопросы-то хоть какие?

— Да простенькие, какие еще могут быть у

волка? — Телегин усмехнулся. — Когда и чем люди дерутся за самку?..

— Что-о?!

— Вы разве не слышали о «брачных боях», «позе покорности»?

— Слышал, знаю...

— Тогда что же вас удивляет? Для волка это весьма существенный момент жизни, вот его и интересует, как это бывает у людей.

— О, господи!

— То-то, — удовлетворенно сказал Телегин. — А вы, похоже, думали, что беседа с волком — так, забава, игра в одни ворота?

— Сдаюсь! — Рябцев рассмеялся. — М-да, все становится сверхинтересным...

— Если бы только интересным... Себя мы всегда видели в своих зеркалах, в чужом — ни разу. Я не из упрямства так долго отказывался оповещать всех о наших тут работах. Сначала надо было кое в чем убедиться.

— Например.

— А если бы из глубин конкретной индивидуальности на нас глянула родовая ненависть? Ведь сколько и как мы их истребляли.

— Ненависть заслуженная, мы бы ее пережили. Во имя истины, будущей дружбы...

— Может быть, еще и братской любви? Во имя мечты, так сказать... — Телегин вздохнул. — Мы опять скатились на плоскость. Любовь — ненависть... Да уляжется волк подле ягненка... Остадим это. А что, если бы на нас глянуло презрение?

— Презрение?!

— А, уже болей! Да, презрение. Презрение слабого к сильному, который после всего бывшего ищет еще и дружбы.

— Вы шутите! Было столько примеров дружбы человека с...

— Конкретное интересует науку только как подход к общему. Впрочем, успокойтесь. Все сказанное лишь дань необходимому скептицизму. У природы свои законы: кто сильнее, тот и одолел, все естественно, никаких претензий быть не может. А кто не вредит, тот либо безразличен, либо хорош... часто в качестве пищи. И никаких вам гамлетовских терзаний и прочей дстооевщины. Так что можете спокойно глядеть волку в глаза.

— Не премину.

— Только, пожалуйста, не в упор. Животные этого не любят, а я как-то не горю желанием возиться с оказанием первой помощи.

— Ах, даже так! Что ж, спасибо за своевременное предупреждение.

— Вот, уже и пошутить нельзя... Кстати, мы, люди, тоже почему-то не любим, когда нас разглядывают в упор. И в вас я этой манеры не заметил, а те бы уже давно предупредил. Впрочем, волк все же мой друг.

— А, все-таки друг!

— Да, как у Эскуперы! мы в ответе за всех, кого приручили. Даже если эта серая скотина подводит тебя перед лицом прессы. К сожалению, ждать больше бесполезно. Идемте.

— Жаль, жаль...

— Не расстраивайтесь. Не появился сегодня, придет завтра. А чтобы времени не терять, разыщем Машку. Лосиха, мысли у нее коровьи, но тоже, знаете, любопытно.

Рябцев хотел сказать, что если он и огорчен, то не своей, а его, Телегина, неудачей. Но промолчал, ибо таких, как Телегин, сочувствие могло скорее обидеть.

— Что ж, пообщаюсь с парнокопытными! — сказал он весело. — А то все «му!» да «му!» — ничего не пойму. Еще хорошо бы с гусями...

— Почему именно с гусями?

— Они же настойчиво беседуют с нами! «Га-га-га!» — и тут же голову набочок, глянет, словно ответа ждет, и опять что-то начинает тебе втолковывать. Разве не так?

— Гм! Мы ведем опыты только с дикими.

Разговор затих сам собой. Они спустились с косогора, вышли на травянистую дорогу, и березы закружили над ними легкую золотистую метель. Под ногами мягко шуршал палый, еще нетленный лист. Светло было даже под сумрачным пологом приступавших к дороге елей, торжественно и гулко распахивался чуть слышно гудящий бор, где у подножья сосен земля прыскала тугими маслятами. И горьковатым был воздух, и спокойствие обнимало идущего, и вслед ему летело спадающее убранство леса. Глубоким дыханием Рябцев пил щемящий настой осени, над ним и лесом расстилалось кроткое небо, и суматоха дел, все обширная круговерть погони за новостями Земли и Космоса мелькала в его душе, подергивалась забыванием, словно ее и не было никогда, а всегда были только эти минуты, эта бесконечность движения, красок, запахов, звуков жизни, это слияние с ней. С легким порывом ветра в лицо порхнул багряный лист, влажно скользнул по щеке. «Вот оно, счастье», — мелькнуло в мыслях.

«И часов таких будет много, — додумалось тут же. — Долгих часов разговора с теми, кто в этом живет, как мы жили когда-то...»

В самом конце дороги открылась поляна, на ней бревенчатый домик, каких Рябцев не видел давно. Смолистые стены, казалось, источали свет, весело смотрели умытые окна в переплете старинных рам, к крылечку сбегались трапинки. Сразу за домом начиналась березовая опушка, а слева и справа в небо мощно устремлялись сосны. И то, что некогда было обычной чертой деревни, а затем стало музейной редкостью, — такой вот домик среди берез, — здесь выглядело необходимостью, созвучной и окружающему, и делу, которое здесь делалось, и его хозяину. Всякое современное строение смотрелось бы тут

оскорблением вкуса, хотя, конечно, легко было представить, каких затрат потребовала эта избушка, некогда едва ли не бедняцкая, теперь же, когда никакой дворец не был проблемой, — роскошная, ибо только в реставрационных мастерских еще поддерживались секреты древнего плотницкого мастерства. И, глядя сейчас на дом, Рябцев преисполнился уважением к своему веку, в котором экономика смогла дать вкусу главенство.

В сени он вошел, как в детство, хотя не только он сам, но и его прадеды в избах не жили. Все равно, будто с пробуждением родовой памяти, его охватило чувство причастности к этим дышащим смолистым теплом стенам, чувство домашнего покоя и уюта. Он даже искал взглядом скамью с ведрами и бадейкой, крюки с лошадиной сбруей, домотканый у двери половичок, но тут же остановил себя: все это, разумеется, были заемные, из фильмов почерпнутые, исторически, возможно, неточные образы. Они тут же развеялись, едва Рябцев, следуя за Телегиным, переступил порог, ибо в комнате ничего деревенского, конечно же, не было, а была обстановка самой обычной лаборатории. Над открытым пультом колдовала девушка с дымящимся паяльником в руках; при виде Телегина она порывисто вскочила.

— Что-то случилось, отец?

— С чего ты это взяла? — буркнул тот. — Знакомься: Рябцев.

— Ох, извините, не сразу заметила! — она смешалась, и от Рябцева не укрылась ни тревога ее первых слов, ни угрюмая досада телегинского ответа. — Лада. Рада вас видеть...

— Живым и невредимым? — испытующе пошутил Рябцев. Протянутая рука девушки, как он и ожидал, оказалась крепкой. — Боялись, что меня съест Серый волк?

— Боялась, только наоборот. Это мой отец мог заморить вас до волкоедства. И заморил, не так ли?

— Ну и надумила ты, дочка, — Телегин распахнул окно. — И зачем тебе эта рухлядь, паяльник, когда есть молекулярный соединитель...

— От него в ушах звенит!

— Мутантка ты...

— От кого родилась, в того и уродилась.

— Тебе бы ручками, как язычком, работать...

Хоть починила?

— Пока нет.

— Вот, а еще дерзишь.

— А как вам поговорилось с волком?

— Не удостоились аудиенции...

— А-а! Что я тебе говорила вчера?

— Брысь, ведьмачка! И чтобы обед был мигом. А после — ты слышишь? — сгоняешь за Машкой. Сама, без всякой этой телепатии.

— Может, не надо?

— Надо.

— Хорошо, батя. Слушаю и повинуюсь.

Лада аккуратно сложила инструменты и вышла — стройный бесенок в прожженном комбинезончике.

Телегин хмуро посмотрел ей вслед.

— Да, интуиция у девчонки — позавидуешь, — ответил он на не высказанный Рябцевым вопрос. — Ведь предупреждала: не занимай сегодня гостя, вас то есть, делами, прока не будет. Ну, а я, упрямый скептик, не послушался. И вот, пожалуйста, волк не пришел, «голос бога» сломался.

— Голос...

— Радио, обычное радио! Просто дальняя связь. Но звери ее любят, когда из транслятора у них под ухом вдруг раздается наш голос, а человека нет. Для них это противоестественно, как... Словом, вы понимаете. Однако именно сейчас «голос» был бы кстати.

— Ну, — улыбнулся Рябцев. — «Визит-эффект» он и есть «визит-эффект». Ничего, как только я уберусь, все придет в норму.

— Накладки — тоже норма, — без улыбки ответил Телегин. — Норма науки. И жизни. Идемте обедать.

— Думаете, ваша дочь успела?

— Конечно.

Помыв руки, они прошли в смежную комнату, где на столе действительно уже дымилась щип, и вдохнув этот запах, Рябцев сразу почувствовал зверский голод. Едва они взялись за ложки, как снаружи проглянуло солнце. Неяркое, оно просквозило березовую опушку, и трепетный свет рожицы заполнил столовую золотистым сиянием, мягко пал на лицо Лады, которая успела переодеться в льняное с вышивкой платье и сейчас менее всего напоминала сорванца-лаборанта. Она держалась оживленно, но в глубине этого оживления, казалось, таились задумчивость и грусть, что делало ее неуловимо похожей на васнецовскую Аленушку. Возможно, тому причиной был свет осени, ибо грусть проступала, когда взгляд девушки обращался к окну, за которым плавно кружилась и падала желтая листва. Впрочем, это ей не мешало подшучивать над своими кулинарными талантами, что вызвало искренний протест Рябцева, и живо спрашивать его о космосе, где она, как выяснилось, никогда не бывала.

— И я вас понимаю, — теплее от домашнего уюта, от красоты девушки и красоты осени, возбужденно говорил Рябцев. — Что может быть лучше этого? — он махнул в сторону окна.

— Ненастье, — девушка усмехнулась и бросила взгляд на отца, который ел с таким видом, будто коротал досадную задержку.

— Нет, нет и нет! Луна, Марс — это вечная неизменность однообразного ритма, а тут всякое мгновение иное, и даже увядание — это жизнь, а не смерть. В космосе и краски другие,

все... Кругом абсолютная физико-химия, чувствуешь себя моллюском, загнанным в скорлупу техники. Странно устроен человек! К чему мы стремимся, как не к гармонии жизни, свободы, красоты и покоя? Но вот же она здесь, гармония-то... Даже с хищниками вы устанавливаете лад. А мы все куда-то рвемся, что-то меняем, сами вносим в мир беспокойство... Нет, нет, теперь, когда космос открыл нам свои ресурсы, мертвое — мертвому, технике — технике, пусть работает за небесами. А дом есть дом. Близкое будущее цивилизации, уверен, здесь, в диалектике спирального, на новом витке, возвращения к земному, извечному...

— Например, к чаепитию за фотонным самоваром, — вдруг подал голос Телегин.

Лада прыснула.

— Ой, это идея! Надо шить силиконовый кошник.

— Помолчи, дочь, — Телегин обернулся к Рябцеву. — Пожалуйста, не обижайтесь: наш заповедник на многих так действует. Вполне объяснимая ностальгия. Тоска по родине, только утраченной уже не в пространстве, как бывало, а во времени, чего не бывало никогда.

— Но это необходимая тоска! — в Рябцеве проснулся не только профессионал, ценящий спор как рабочий инструмент. — Быть может, спасительная! Ведь мы живем на стройке. На стройке! С двадцатого, считайте, века. Ломка, стены падают, сегодня одно, завтра другое, пыль, грохот, лязг. Необходимо, согласен. Но неуютно. И сколько можно?

Казалось, вопрос повис в воздухе.

— Я пыталась поговорить о прогрессе с волком, — наконец задумчиво проговорила Лада. — Да, да, не смейтесь, сама знаю, что глупо... Конечно, он ничего не понял. Ни-че-гошеньки! Все равно он славный и умница. Знаете, о чем я мечтаю? Прокатиться на Сером. Как в сказке...

— Красна-девица, — отрезал Телегин. — Исследователь! Допрыгаешься.

— Ну и пусть...

— Не дам. Запру и выпорю. Согласно Домострою.

— Что так? — удивился Рябцев.

— Она знает.

Лада кивнула.

— Отец прав. Но чему быть, того не миновать.

— Не понимаю...

— Да что там... — девушка коротко вздохнула. — Обычный принцип дополнительности Бора. Я слишком влияю на объект исследования, потому что их всех люблю. Ушастых, серых, копытных, всех. А этого нельзя.

— Любить нельзя? Да как же без этого?

— Все не так, — Телегин поморщился. — Не так просто. Без любви и травку не вырастишь, и камень не уложишь — верно. А только камень надо обтесывать, траву подстригать, волка... с ним-то как раз ничего этого не надо. Но не получается любить, не любя. Не выходит.

Он замолчал. Молчала и Лада, теперь совсем похожая на васнецовскую девушку. Рябцев отвел взгляд. Репортерская профессия с ее поспешностью сбора информации не способствует тонкому чувству, но сейчас до Рябцева до-

шло, что его проявление и его расспросы, а возможно, не только это, всколыхнули в отце и дочери какую-то давнюю тревогу, которую оба прятали от самих себя, как прячут мысль об ожидаемом впереди несчастье.

«Ничего не понимаю,— растерянно подумал он.— Мир, здоровье, успешная работа — чего еще им надо для счастья?!»

Он посмотрел в окно, где сквозь березы все так же струился косой золотистый свет и все так же бесшумно летел и кружился осенний лист.

— Пора звать Машку,— отрывисто сказал Телегин.

Девушка встала, но задержалась у окна, на мгновение как будто слилась с сиянием вечера, со всем, что было красотой и покоем осени, ее усталой нежностью.

— Не надо звать Машку,— сказала она внешне.— Сама идет.

— Где? — сорвался с места Телегин, а за ним Рябцев, но среди оголяемых ветром берез оба не увидели ничего, кроме прозрачной зыби теней и света.

— Она там,— тихо сказала девушка.— Ей еще надо дойти.

Губы добавили еще что-то неразличимое. И хотя, как прежде, вдали не было ничего, Рябцеву показалось, что он слышит тяжелую поступь. Телегин толчком распахнул окно. С шепотом берез ворвался ветер, прошелся по телу холодком, но ничего этого Рябцев не ощутил: рядом было побледневшее лицо девушки. Юное и тревожное, оно звало спрятать, укрыть, защитить — на-

всегда и от любой напасти. Мучительным усилием Рябцев смял в себе это движение. Его живший сейчас независимо от всего другого слух стал слухом девушки, и в нем было то, что делало порыв нежности и необходимым, и невозможным, даже если бы они были одни.

Неслышная поступь близилась.

Теперь увидел и глаз. Меж дальним белоствольем берез в золотистость света вдвинулось темное, как бы на ходулях приподнятое тело, пропало в тени и возникло опять — ближе. Очертания укрупнились. Животное брело тяжелым, будто надломленным шагом, и полосы света скользили по мохнатой спине, тут же скатываясь с крутого и мощного крупа. В такт шагам мерно подрагивала склоненная голова.

Животное шло прямо к окнам, но глаза лосихи не глядели на людей, словно их не было вовсе, и тем мрачней казалось это неотвратимое, отталкивающее свет движение огромного темного тела, над которым легко и зыбко реяли желтые листья. Один из них спланировал прямо на надетый, как ошейник, транслятор и повис на нем бесцельным украшением осени.

Люди не говорили ни слова. Той же поступью лосиха приблизилась вплотную, вытянула шею, точно намереваясь положить морду на подоконник, но не сделала этого, замерла на своих мосластых ногах-ходулях. И тут Рябцев вздрогнул — из недр транслятора грянул лишенный обычных интонаций голос:

— Человек, убей волка!

Плечо девушки прижалось к плечу Рябцева, и он почувствовал, как она дрожит.

— Машка...— едва слышно проговорил Телегин.— Маша, ты что?

— Человек, убей волка!

— Маша, родная, почему?

— Волк убил моего лосенка. Человек, убей волка!

Транслятор рубил слова: «...убил... моего... лосенка...» И этот бесстрастный голос звучал в тишине вечера как требование самой природы, которая вдруг обрела дар слова. «Убей... убей... человек, убей...»

— Маша, послушай...

— Ты говорил, друг. Волк убил лосенка. Человек, убей волка!

Она наконец подняла голову, и на людей глянули влажные, черные от тоски глаза матери. Лада бесшумно метнулась прочь, где-то гулко хлопнула дверь.

А голос не умолкал:

— Человек... друг... убей!

Рябцев отступил на шаг, боком ударился о что-то.

— Хорошо, хорошо...— тяжело дыша, бормотал Телегин.— Ты подрожди...

Неловко, будто заслоняясь, он запахнул окно. Все: и гаснущий в золоте вечер, и лосиха-мать, и заговорившая ее голосом природа,— все оказалось отрезанным стеклянной преградой.

Телегин слепо нашарил стул, сел и лишь тогда повернул голову к Рябцеву.

— Получили свое? — спросил он без выражения.— Теперь разнесите по свету? Не препятствую, разносите.

— Но как же так? — осторожно, словно у постели больного, спросил Рябцев.— Что, что вы ей ответите?

— А что ей можно ответить? Что в природе для нас все равны, что и волк нам друг, а если и не был другом, так что бы это меняло? Ничего.

В охвативших комнату сумерках Рябцев плохо видел выражение лица Телегина, но, обостренное, оно сейчас показалось ему вырезанным из твердого сухого корневища,— так бесстрастно прозвучало последнее слово.

— Ничего? — переспросил он растерянно.

— Ничего,— последовал бесстрастный ответ.— Природа ни жестока, ни благостна, она закономерна, и волки закономерно режут самых достижимых, то есть самых слабых, и тем оздоравливают тот же лосиный род. Но что Машке лекция? Ее детеныш был хилым, болезненным, заранее обреченным, но ей этого не объяснишь, ничего не поймет. Ни-че-го. Никогда. И не надо, она мать.

— Так вы с самого начала ждали... Все это время...

— Естественно. Только человеку дано познать закон рода, многое предвидеть в судьбе, это наша сила или, если хотите, бремя. Бедная

девочка! — Телегин покачал головой. — Лосенок был ее любимцем.

— Но она же могла...

— Защитить и сберечь? Могла! — Телегин вскочил, слова прорвались в нем лавой. — Мы многое можем, даже замахнуться на закон природы можем! А долг исследователя? Идет эксперимент. С дикими, не домашними существами. Чтобы нас самих не смолоты жернова еще неведомых нам законов природы, надо быть холодно зоркими, бесстрашными, как... как сама природа.

— И жестокими.

— Бросьте, — устало отмахнулся Телегин. — Вы или не понимаете, или не хотите понять, что еще хуже. Во что вы лезете со своим гуманизмом? Одной жертвой больше, одной меньше, волны отбора перекачивают песчинки жизни, кто их считает... Машка все скоро забудет, на то она и лосиха, мы же сегодня узнали кое-что новое.

— Нет, это вы меня не поняли или не хотите понять. Опыт жесток к вам! Экспериментатор влияет на объект. А наоборот, не больше ли? Лосиха-то, может, завтра забудет, а Лада... Мы в ответе за всех, кого приручили, не так ли?

Телегин ничего не ответил. В темноте было слышно, как он шарит по ящикам стола. Щелкнула зажигалка, язычок пламени, осветив лицо, коснулся кончика сигареты.

— Мерзость и яд, — пыхнув дымом, проговорил Телегин. — Но в иные минуты эта дрянная привычка человечества...

— Зря, — тихо сказал Рябцев. — Это не может.

— Верно, — Телегин поспешно затушил окурок. — А знаете что? Волк-то... Теперь понятно, почему он не пришел.

— Думаете, совесть?

— Какая там совесть... А впрочем, не все же началось с человека...

Он снова щелкнул зажигалкой.

Рябцев вышел.

В проклюнувшемся звездами сумраке он не сразу различил двоих. Но смутное пятно, которое он сначала принял за белеющий ствол березы, слабо шевельнулось, и он понял, что это Лада. Она то ли обнимала лосиху, то ли взгляд просто не мог разделить их слитную тень, только обе стояли молча, и, может быть, это молчание было полнее любого разговора.

ПРОВЕРЬТЕ ВАШУ ПАМЯТЬ

Следуя пожеланиям читателей, «викторину-80» мы решили провести в два тура — с двухмесячным интервалом между ними.

Победители, выявленные по итогам обоих туров, получат по традиции книги с автографами советских писателей-фантастов.

Ответы на вопросы первого тура нужно отправить до 1 мая 1980 года. К школьникам просьба: сообщайте, в каком классе учитесь.

Итак, первый тур. В связи с тем, что год для нас нынче особый — олимпийский, в вопросах тура преобладает олимпийская тематика. А предложили их А. БЕДЕРИН (Курган), В. ВОРИСОВ (Абакан), А. и И. КАНИЩЕВЫ (Сумы), К. КАУФМАН (Горький), М. МИРКЕС (Новосибирск).

1. В КАКИХ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕЙСТВУЮТ ОЛИМПЕЙСКИЕ ЧЕМПИОНЫ? ПО КАКИМ ВИДАМ СПОРТА?

2. «ШЛИ ИГРЫ ПОСЕЙДОНА — МИРОВЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ ПО ВСЕМ ВИДАМ ВОДНОГО СПОРТА». КЕМ ИЗ ФАНТАСТОВ ОНИ ПРЕДЛОЖЕНЫ?

3. ВСТРЕЧАЛАСЬ ЛИ ВАМ В ФАНТАСТИКЕ ГОРА ОЛИМП? А ПЛАНЕТА ОЛИМПИА? В КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ?

4. ФАНТАСТЫ НЕУСТААННО ПОПОЛНЯЮТ МНОГОБОРЬЕ НОВЫМИ ВИДАМИ СПОРТА. КАКИМИ? И КТО ИЗ ФАНТАСТОВ ПРЕДЛАГАЕТ ВВЕСТИ СТОБОРЬЕ?

5. В КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЮДИ ХОДЯТ (ИЛИ ДАЖЕ БЕГАЮТ) ПО ВОДЕ?

6. КОМУ ИЗ ГЕРОЕВ НФ УДАЛОСЬ РАЗГАДАТЬ ТАЙНУ СВЕРХДЛИННЫХ ПРЫЖКОВ, КОТОРЫМИ СЛАВИЛИСЬ ДРЕВНИЕ ЭЛЛИНЫ?

7. В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ НА ЗЕМЛЕ ПОВСЕМЕСТНО ПРОВОДЯТСЯ ОЛИМПИАДЫ ПО САМЫМ РАЗЛИЧНЫМ ПРОФЕССИЯМ?

8. В ОДНОМ ИЗ РАССКАЗОВ А. и Б. СТРУГАЦКИХ (КАКОМ ИМЕННО?) РЕЧЬ ИДЕТ О ТОМ, ЧТО ДОЛЖЕН РОДИТЬСЯ «ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК НА МАРСЕ, ПЕРВЫЙ МАРСИЯНИН». КТО ИЗ ГЕРОЕВ СТРУГАЦКИХ ИМ ОКАЗАЛСЯ?

9. В КАКИХ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕЙСТВИЕ РАЗВРАЧИВАЕТСЯ В 1980 ГОДУ? ПОПЫТАЙТЕСЬ СОСТАВИТЬ ПО НИМ КРАТКУЮ ХРОНИКУ СОБЫТИЙ. «ЗАПЛАНИРОВАННЫХ» ФАНТАСТАМИ НА НЫНЕШНИЙ ГОД.

ЛЕТАТЬ СЕВЕРНЕЕ ВСЕХ!

Из истории арктической авиации

**Иосиф
Берлин**

*Рисунок —
А. Копысова*

Полвека прошло с тех дней, когда во льдах Северного Ледовитого океана разыгралась трагедия — разбился дирижабль «Италия». Как известно, экспедицию на «Италию» возглавлял конструктор дирижабля Умберто Нобиле. Обо всем этом в свое время было написано много. Сохранились кадры кинохроники. Был создан художественный фильм «Красная палатка», в котором изображена трагедия, оставившая заметный след в истории арктического воздухоплавания.

Недавно в Риме скончался главный герой той арктической трагедии — Умберто Нобиле. Мне довелось видеть и слушать его весной 1926 года, когда он на дирижабле «Норвегия» (прототип «Италии») произвел посадку в деревне Салюзи близ Ленинграда. Экспедицию на «Норвегию» возглавлял знаменитый Руаль Амундсен. Он пригласил конструктора дирижабля инженера Нобиле, поручив ему техническое руководство перелетом. Во время посадки в Салюзах Амундсена на борту «Норвегии» не было. Нобиле летел за ним на Шпицберген. Оттуда Амундсен взял курс на Северный полюс и, пролежав над вершиной планеты, произвел посадку дирижабля на Аляске.

В Салюзах для встречи «Норвегии» собрались летчики, воздухоплаватели, ученые, слушатели авиационных школ, студенты воздушного факультета института инженеров путей сообщения, и в их числе — автор этих строк. Дирижабль долго не появлялся. Радиосвязь той поры была далека от совершенства. Появились слухи. То говорили, что будто на высоте 4 000 метров дирижабль настиг ураган и произошла авария. То утверждали, что дирижабль снизился в Стокгольме, и в Ленинграде будет не ранее следующих суток.

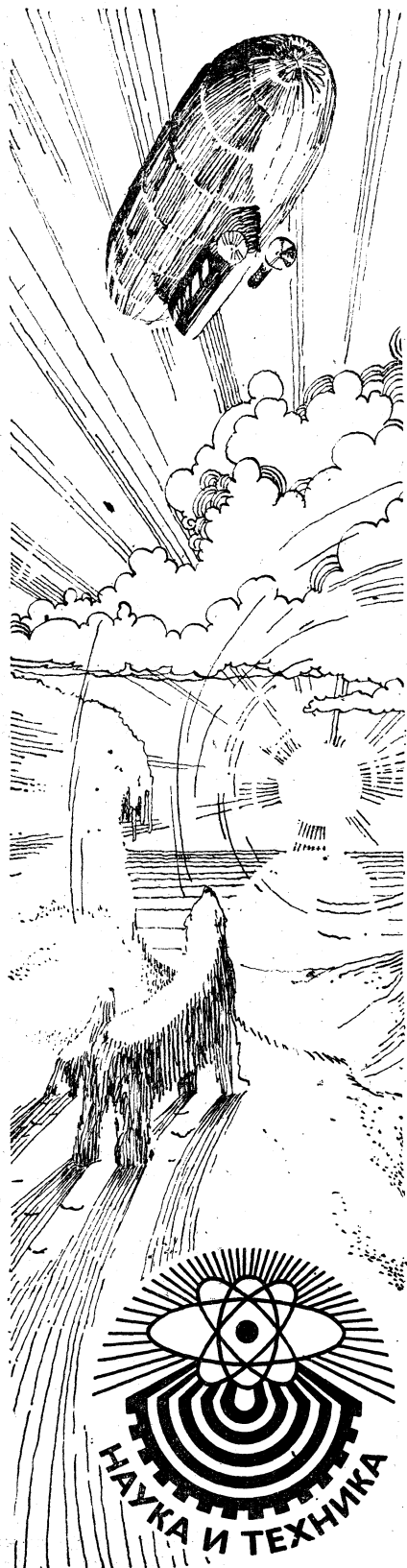
Все-таки на горизонте показались бортовые огни дирижабля — красный и зеленый. Послышался гул моторов. Воздушный корабль описал несколько плавных кругов вокруг эл-

линга, будто искал в темноте место для спуска. В воздух полетели шапки. И наступила тишина. Смолкли моторы, притихли разговоры встречающих. Замер дирижабль. Сверху в темноту упал гайдроп. Сотни рук ухватились за него, ухватился и я. Мы подтянули дирижабль к земле, медленно, осторожно ввели его в ярко освещенный эллинг. Членов экипажа вынесли на руках. Нобиле не расставался с живым талисманом (маленькой белой собачкой), улыбался, пожимал руки и, видно, остался доволен встречей.

Назавтра Умберто Нобиле делал в нашем институте доклад о конструкции его полужесткого дирижабля. Несколько необычным было появление блестящего сорокалетнего полковника итальянских военно-воздушных сил в аудитории нашего института. Доклад гостя переводила дочь академика Карпинского, тогдашнего президента Академии наук. Переводила она хорошо, нам, студентам старших курсов, конструкция дирижабля в общих чертах была известна, что же касается технических деталей, то не без улыбки мы выслушали на русском фразы Нобиле о зонтообразном усилении носовой части дирижабля. В переводе это звучало забавно: «дирижабль несет впереди себя зонтик!»

Доклад Нобиле в институте инженеров путей сообщения не был случайностью. Кафедра воздушных сообщений была создана в 1908 году профессором Николаем Алексеевичем Рыниным. Это было первое в мире высшее учебное заведение, где готовились организаторы воздушных путей сообщения.

Изобретенный в конце XVIII века братьями Монгольфье воздушный шар, свободный аэростат, через сто с лишним лет стал управляемым дирижаблем. Появились дирижабли мягкие, жесткие и полужесткие. Последние — конструкции Нобиле. Пользуясь путевой терминологией, «подвижным составом» первых воздушных магистралей были дирижабли. Воздуш-

ные пути сообщения проектировались для труднодоступных районов. На Севере в те времена единственным видом наземного транспорта были собачьи и оленьи упряжки. Лошадей там было мало.

В двадцатые годы участились дальние перелеты на отечественных самолетах. Советские летчики побывали в Пекине и Токио. Садись на аэродромах всех европейских столиц, а также в Анкаре, Тегеране и Кабуле. Летчик С. Шестаков пролетел от Москвы через Сибирь, Дальний Восток и Тихий океан и посадил «Страну Советов» в США, облетев весь Американский континент от Ванкувера до Нью-Йорка. Это было время, когда Белый дом не признавал существования СССР ни «де юре», ни «де факто», что не помешало рядовым американцам восторженно приветствовать экипаж «Страны Советов». Например, школьное начальство Ванкувера распорядилось вывести детей на аэродром, показать им самолет «Страна Советов» и познакомить с летчиками, совершившими небывалый рейс через океан.

Катастрофа «Италии» была не единственной, не первой и не последней катастрофой аппаратов легче воздуха. Вскоре после «Италии» разбился самый большой по тому времени жесткий дирижабль «Акрон», построенный в Германии для США. «Акрон» разрушился даже не в полете, а на причальной мачте, будучи к ней пришвартован для приема пассажиров и груза. Ученые высказали предположение, что причальная мачта для «Акрона» была недостаточно высока, дирижабль «подсосала» земля. После гибели «Акрона» разрушились еще два дирижабля — французский военно-морской «Зодиак-Е-9» и небольшой американский полужесткий. Три катастрофы за одни сутки не могли не насторожить. Возник вопрос о пригодности дирижаблей для воздушного транспорта вообще. Управляемый дирижабль был ровесником самолета, но самолет оказался более надежным и жизнеспособным транспортным средством на всех широтах, также и на Севере.

Начал летать на Севере офицер русской армии Иван (Ян) Нагурский, поляк по происхождению. Он в 1914 году летал с Новой Земли, где зимовал Георгий Седов, в поисках следов погибшего полярика, Нагурский достиг 76 градусов 20 минут северной широты.

Через десять лет Борис Чухновский на летающей лодке уходил с Маточкина Шара на ледовую разведку в Карское море. Через год, в 1925 году Чухновский в паре с летчиком Кальвицем летал из Ленинграда в Архангельск и на Новую Землю. Много работал в небе Севера знаменитый летчик Бабушкин. Незадолго до полетов по спасению «Италии» Ба-

бушкин выполнял аналогичную операцию по спасению норвежских рыбаков, затеряных на своих утлых судах льдами океана.

В 1927 году была совершена одна из замечательных северных экспедиций. Руководил ею Георгий Давыдович Красинский, в прошлом профессиональный революционер, в 1906 году отбывавший ссылку в Нарымском крае. В составе экспедиции Красинского было два гидросамолета, пилотируемых морскими летчиками Э. Лухтом и Е. Кошелевым. Они сделали несколько вылетов с мыса Северного на остров Врангеля. Советский флаг на острове Врангеля в начале 20-х годов водрузил Г. Д. Красинский.

Лухт и Кошелев обследовали русло реки Лены от ее устья до Якутска и далее до Байкала и Иркутска. Эти районы были транспортной пустыней — на тысячу квадратных километров территории всего несколько верст проселочных дорог. Летчики налетали над этой пустыней 4 500 километров. Полеты были особо сложными и требовали от экипажей не только мастерства, но и мужества. Работа экспедиции была приравнена к героическому подвигу на поле брани, и первопроходцев наградили орденами Красного Знамени. Полеты Лухта и Кошелева подтвердили пригодность самолетов для эксплуатации в северных широтах. На 1928 год было запланировано изыскание воздушной трансарктической магистрали от Петропавловска-на-Камчатке до Ленинграда. Протяженность маршрута 11 000 километров, преодолеть которые планировалось за 70 летних часов. Был выделен гидросамолет «Советский Север». Готовился он к полету в Севастополе. В его подготовке принимал участие специалист по эксплуатации морских самолетов инженер Роберт Людвигович Бартини («Уральский следопыт» рассказал об этом человеке в очерке «Из когорты крылатых», опубликованном в 12-м номере за 1976 год).

В состав экипажа «Советский Север» входили: начальник экспедиции Г. Красинский, первый пилот, он же командир корабля А. Вольтинский, второй пилот — механик Е. Кошелев, летчик-наблюдатель (штурман) Н. Родзевич и бортмеханик С. Борисенко. Подготовка велась тщательно, с привлечением ученых, гражданских и военных специалистов. Экспедиция финансировалась «Осоавиахимом».

«Советский Север» доставили во Владивосток 28 июня 1928 года южными морями. Было решено несколько изменить маршрут, чтобы охватить все северо-восточное побережье Союза от Владивостока до Архангельска и Ленинграда. Намечился маршрут: Владивосток, Татарский пролив до устья Амура, далее через Охотское

море и Камчатку до Петропавловска, затем по берегу Берингова пролива до Ледовитого океана и далее по северному побережью Сибири (после залета на остров Врангеля) на запад к Новой Земле, Архангельску и Ленинграду. Протяженность маршрута — 14 000 километров. Создали только на побережье Ледовитого океана восемь баз. Об экспедиции лучше всего рассказал ее начальник Георгий Давыдович Красинский:

«Полет был начат 16 июля. В течение 5 часов 09 минут шли при ясной погоде, затем подошли к туману, временами низкому. Лететь было трудно, круто пошли на посадку. Сели на значительную зыбь неподалеку от парохода, принимавшего лес у речки Быстрой. Оказался погнутым подкос подмоторной рамы. Три дня ушло на ремонт, ночевали на плаву, держась за конец, поданный с парохода. После ремонта продолжали полет по намеченному маршруту. Дошли до Уэлена. После Уэлена сели в Колочинской губе. Взлетели, но продолжить полет не могли — туман. Вернулись обратно и стали на якорь. Туман не рассеивался, ветер свежел. Был отдан второй якорь. Сила ветра продолжала нарастать, дойдя до крепкого шторма. Начался дрейф на якорях в глубь Колочинской губы. Запустить моторы не удалось. При усилившемся шторме направление волн не совпадало с направлением ветра, самолет бросало с борта на борт и с носа на корму. От ударов волн деформировалось крыло, были разрушены элероны, вырван подкос крыла. Появилась течь в корме — дифферент на хвост. Попытка выравнять самолет не удалась: порваны тросы управления. Самолет стал крениться на левый борт. Выбрали оба якоря, дрейф усилился, крен не ослабел. Чтобы уменьшить парусность, частично изрезали обшивку крыла. Приближаясь к берегу, снова отдали оба якоря — не помогло! 22 августа в 6 часов самолет был выброшен на берег в юго-западной части Колочинской губы. Береговым накатом самолет продолжал разрушаться. Экипаж покинул самолет и отправился вдоль побережья в поисках жилья». Г. Д. Красинский закончил свой рассказ словами: «Советский Север» погиб, да здравствует советский Север!» Слово в ответ на призыв энтузиаста арктических исследований, в августе того же 1928 года открылась северная воздушная линия Иркутск — Якутск. Первый рейсовый самолет «Моссовет» на поплавках пилотировал морской летчик А. С. Демченко с бортмехаником М. С. Винниковым. На борту «Моссовета» была почта и единственный пассажир.

Две арктических экспедиции 1928 года закончились неудачей. Катастрофа «Италии» унесла челове-

ские жизни — погибло 8 членов экипажа и 9 спасателей со знаменитым Руалем Амундсенен во главе. Дирижабль — разбит.

Возможно, и это способствовало отказу от дирижаблей в пользу самолетов. Хотя энтузиасты утверждали, что отказываться от дирижаблей еще рано, ведь их построено всего только 140. «Что было бы с железнодорожным, водным или автомобильным транспортом, — вопрошали они, — если бы было построено только 140 локомотивов, 140 пароходов и только 140 автомобилей? Вряд ли бы эти транспортные средства достигли современного совершенства?»

Но риторика никого не убедила. Во второй пятилетке намечалось строительство всего лишь нескольких полужестких дирижаблей. Проектированием руководил эмигрировавший в СССР Умберто Нобиле, разжалованный Муссолини опальный генерал. Сам Нобиле — депутат уже послевоенного итальянского парламента — как-то в беседе с корреспондентами заметил, что время его работы в Советском Союзе — лучшее время его жизни.

Авария «Советского Севера» привлекла внимание специалистов, летчика В. Г. Чухновского и инженера Р. Л. Бартини. Был создан самолет для Арктики, ДАР — дальний арктический разведчик. На один из гражданских и военных самолетов тех лет не удовлетворял высоким требованиям. ДАР должен был обладать совершенной амфибийностью. Взлетать и садиться с минимальным разбегом и малым пробегом с ограниченных площадок на суше и воде. Такой самолет был необходим для обслуживания Северного морского пути, оказания помощи кораблям и экспедициям, терпящим бедствие во льдах Арктики. ДАР был построен в 1935 году. Наибольшее внимание уделили взлетно-посадочному устройству (ВПУ). Чухновский и Бартини сами занимались им. Еще до готовности ДАРа были начаты испытания ВПУ. Оно было установлено на одном из серийных самолетов. Чухновский с экипажем испытателей взлетал с воды в Севастополе, летал в места, где был снежный или ледяной покров, садился там, взлетал, снова на воду, и так несколько раз с воды на снег или лед и обратно. ВПУ работало безотказно. Так был извлечен урок из аварии «Советского Севера». Будь на нем такое устройство, самолет не был бы игрушкой волн. ДАР самостоятельно выходил на берег и мог взлетать с суши. На испытаниях была достигнута дальность 2000 километров...

Городские грозы

Солнечное утро. Воздух чист и прозрачен. Но к полудню на горизонте появляются свинцово-серые тучи. Начинается гроза. Вспышки молний, грохот грома. Кажется, замерла жизнь на земле и лишь неистовствует небо. Спустя час тучи рассеиваются, все живое, ошеломленное грозой, оживает.

Гроза — это не «Илья-пророк, разъезжающий по небу на колеснице и пускающий огненные стрелы», а сложное метеорологическое явление. На электрическую сущность грозы еще в 18 веке указывали многие исследователи. М. В. Ломоносов и профессор Г. Рихман, трагически погибший во время наблюдений за грозой на «громовой машине» — подобии современного электроскопа, — доказали, что молния — это электрическая искра и что как всякая электрическая искра сопровождается треском, так и молния сопровождается громом.

За прошедшие два с лишним столетия человечество накопило немало знаний о грозовых явлениях.

Но, к сожалению, от столь обильной информации грозы не стали менее опасны как для жизни людей и животных, так и для различного рода сооружений. Более того, в век авиации, широкого строительства линий электропередач и связи, всякого рода высотных зданий и сооружений, подземных и наземных газонефтепроводов весьма ощутим материальный ущерб от гроз. Так, по данным «Свердловэнерго», только в год электрические сети из-за грозовых разрядов отключаются сотни раз. В Свердловской области возникло от гроз в одно лето 15 пожаров. А для авиации грозы — это отложенные вылеты. По данным зарубежной литературы, каждый самолет в среднем один раз в год подвергается удару молнии. При запуске «Аполлона-12» молния дважды ударила космический корабль в облаках.

Исследования молний проводятся на Останкинской телебашне в Москве. Заземленное железобетонное сооружение высотой 540 метров выносит потенциал Земли на большую высоту и тем самым резко изменяет распределение грозового электричества над Землей. Это предопределяет частые поражения башни молнией. Среднегодовые данные интенсивности грозовой деятельности, полученные специальными приборами, таковы: число дней с грозой за год — 26, ближних гроз (в радиусе 3 км) — 13, за 5 грозовых сезонов зафиксировано 182 поражения телебашни.

Перечисленные выше факты показывают, что наблюдения за грозами ценны для практики штормоповещения и разработки мер по защите от многообразных проявлений грозового электричества.

В поселке Верхнее Дуброво Свердловской области более 10 лет ведутся наблюдения за грозами с помощью регистраторов гроз. В районе Свердловска количество грозовых разрядов достигает нескольких тысяч в час. Однажды летним вечером над Верхним Дуброво прошла сильная гроза, число разрядов которой не смог подсчитать регистратор гроз, их было более десяти тысяч.

В настоящее время более или менее установлено, что в промышленных районах и больших городах гроз бывает больше. На Среднем Урале предпринималась попытка проследить влияние большого промышленного города на грозовую активность. Для этого на расстоянии 70—90 км друг от друга были установлены четыре регистратора гроз. За грозовый сезон 1976 года насчитали: в Верхнем Дуброво (пригород Свердловска) — 19 000, в небольшом городе Богдановиче — 12 600, в поселках Липовском и Дружинино около 9 000 грозовых разрядов.

Таковы первые результаты инструментальных наблюдений за грозами на Урале. Более полную картину о грозах можно получить лишь при развитой сети станций, оснащенных регистраторами грозовых разрядов.

Леонид ЧЕРМИСКИН
инженер.

ПЕРВЫЙ АВТОБРОНЕВОЙ

9 августа 1919 года на страницах уездной острогожской газеты «Беднота» сообщалось: «Сегодня утром в районе острогожского участка произошло сражение автобоевого отряда имени т. Свердлова с большим отрядом казаков».

Далее в газете говорилось о том, что во время боя один автомобиль был отрезан и окружен белоказаками. Умело маневрируя, водитель боевой машины Виктор Игнатович направил ее в самую гущу казачьей лавы. Огонь двух пулеметов буквально сметал на своем пути противника.

Автоотряд отразил атаку белых и сам перешел в наступление. Противник потерял сотни убитыми и ранеными, было захвачено в плен шестьдесят белоказачков во главе с офицером. Автобронепотряд возвратился в Острогожск победителем.

Автоброневой (в ряде документов — автобоевой) отряд ВЦИК был сформирован в феврале 1918 года по инициативе Я. М. Свердлова и Ф. Э. Дзержинского.

Уже в марте в отряде насчитывалось сорок бойцов и командиров, имелась грозная по тем временам техника — два броневика «Остин», четыре полутонных грузовика итальянской фирмы «Фиат», в кузовах каждого из них было установлено по два-три станковых пулемета, несколько легковых автомобилей и мотоциклов.

12 марта 1918 года, во время переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, автобронепотряд патрулировал улицы от Смольного до вокзала.

13 апреля 1918 года в газете «Правда» было помещено сообщение о проведенном ВЧК разоружении анархистов в Москве. Операция проходила в ночь с 11 на 12 апреля. Особая задача ставилась на автобронепотряд: первыми на штурм домов, превращенных анархистами в крепости, должны были идти броневики.

В июле 1918 года, во время подавления контрреволюционного мятежа левых эсеров в Москве, бронепотрядовцы вновь отличились — они разгромили крупный отряд мятежников, захватив при этом бронемашину.

16 марта 1919 года умер Я. М. Свердлов, спустя девять дней

его именем стал называться Первый автоброневой отряд ВЦИК.

1919 год. Молодая республика Советов в кольце фронтов. Особенно тревожно на юге: армия Деникина рвется к Москве.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции хранится приказ от 21 июня 1919 года по Первому автобоевому отряду ВЦИК имени Я. М. Свердлова об отправке отряда из Москвы на Южный фронт.

В декабре 1919 года автобронепотряд вместе с буденновцами громил белых на Малом Донце, отличился в боях под Ростовом и у Нахичевани, у Майкопа, в сражениях с белополяками...

Отремели бои гражданской, но еще гуляли по широким просторам Украины банды Махно, прятались в плавнях Дона недобитые есаулы, мешал строить на Тамбовщине новую жизнь бандитский «командарм» Антонов...

В своих воспоминаниях А. М. Соколовский пишет:

«После разгрома антоновщины наш отряд, называемый теперь бронедивизионом, был направлен на Урал для ликвидации банд Митрясова и Сарафанкина. Ф. Э. Дзержинский потребовал от нас покончить с ними за две недели».

Сорок тысяч километров прошел с боями легендарный автобронепотряд, награжденный ВЦИК Красным знаменем. 99 бойцов и командиров отряда стали кавалерами самой высокой в то время награды — ордена Боевого Красного Знамени.

Впоследствии автобронепотряд стал автобронедивизионом, дивизией особого назначения при ОГПУ, которой в 1926 году было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского. Это славное соединение в годы Великой Отечественной войны участвовало в обороне Москвы, громило гитлеровцев на Западном и Волховском фронтах.

Рудольф
ЛИТВИНОВ

СТАРЫЕ НАШИВКИ

**Василий
ТУЛИН**

*Рисунок
М. Тарабукиной*

Вечерело. В комнату медленно вползали осенние сумерки. В дальних углах уже накопилась темнота, а стол, за которым сидел Иван Петрович, еще освещали отблески дотлевающей зари. Он не торопясь хлебал крошку, и мысли его были так же медлительны и будничны, как и последние годы его жизни. «В клуб вот сегодня идти надо,— думал он.— А кто там меня ждет? Вроде и праздник нынче наш, хлеборобский, а я будто и не причастен к этому делу. Теперь комбайнеры, трактористы да доярки в почете, а о нас, конюхах, кто вспомнит? И лошадей-то во дворе всего три десятка».

Отложив ложку, он, подперев ладонями колючий подбородок, задумчиво посмотрел в окно и вдруг вспомнил, что сегодня исполнилось ровно тридцать шесть лет с того самого дня, как он в октябре сорок первого уводил по этой улице двадцать лучших лошадей, да так вместе с ними и попал в формировавшуюся кавалерийскую дивизию. Командир эскадрона — лихой рубака взял его к себе коноводом, сразу поняв, кто есть кто. Капитан был молодой, стройный, красивый, да и Ивану Коноплеву было всего двадцать четыре. Правда, он не отличался ни ростом, ни красотой, но когда саделся на коня, на него было приятно посмотреть.

Воевал Иван Коноплев исправно, но судьба не была к нему милостива. Первое ранение получил в ноябре сорок первого под Москвой, а затем и пошло, и поехало: едва возвратится из госпиталя, как через неделю-другую снова медсанбат, снова больничная койка. Когда в сорок пятом добрался до Чехословакии, все тело его было иссечено шрамами от пуль и осколков. Потому и наград у него было всего две медали, да после войны еще две получил, как говорится, на общих фронтовых основаниях. Но он был доволен: живой вернулся, пусть и израненный. Что касается работы, то хотя и не очень-то в почете теперь конюх, да не променяет он это дело ни на какое другое. После войны посылали его на курсы трактористов — отказался, ставил бригадиром — не принял должности. Правда, порой обидно было, когда на праздничных со-

ПРОЗА

браниях обходили его стороной. Не вручались ему ни премии, ни грамоты почетные, зато он находил утешение в семье. Пятерых детей вырастил. Сыновья пережились, своими семьями живут. Только Машка при нем, да и та в десятой пошла. Скоро и она из дома, как птаха, выпорхнет.

Иван Петрович неподвижно сидел, подперев ладонями подбородок. Скрипнула дверь. Вошла Ульяна. Она пошарила рукой возле косяка и, щелкнув выключателем, зажгла свет.

— Ты что это в темноте сидишь? — спросила, ставя на лавку подойник.

— Да так вот, поужинал и сижу.

Они неторопливо переговаривались, когда в избу вихрем влетела дочка. Лицо ее разругалось, белокурые волосы рассыпались по плечам, плотно обтянутым кофточкой.

— Теплынь-то какая на улице, как в июне, — сообщила она, проходя в горницу. — А в клуб артисты приехали, городские. А вы что прохлаждаетесь? Пора уж идти.

Иван Петрович достал с полки электробритву — подарок старшего сына. Неторопливо побрился. Ульяна подала чистую рубашу и тщательно отутюженные брюки. Новенький пиджак — подарок другого сына — он извлек из шкафа с особенной осторожностью. Уж очень по душе ему пришелся этот пиджак: серый с искрой, сшитый как будто по заказу. Сидел он на нем аккуратно, и это особенно радовало. Он быстро надел его, направляясь к зеркалу, и остановился, глядя недоуменно на левую сторону груди. Над кармашком была аккуратно пристегнута орденская планка, на которой по порядку расположились разноцветные колодки полученных им медалей.

Он знал, что такие блестящие полированным стеклом планки изготавливаются только в мастерской областного города, а он в нём не бывал уже десяток лет. Но удивительнее всего было то, что выше планки лесенкой разместились нашивки, которые в годы войны на своих гимнастерках носили фронтовики, получившие ранения в бою. Их было семь: четыре красных — за легкие ранения и три золотистых — за тяжелые раны. Он не отрываясь смотрел на нашивки, и припомнился каждый бой, из которого его выносили санитары или выползал сам, преодолевая боль.

— Откуда это, Ульяна? — спросил тихо Иван Петрович.

Жена недоуменно переводила взгляд с пиджака на взмокшее лицо мужа и растерянно пожимала плечами.

— Это ты, Машка?

Дочь вышла из горницы, нарядно одетая, веселая.

— Ну я. А что? — вызывающе спросила она.

Коноплев внимательно посмотрел на дочь.

— Ругать вроде бы не за что, а только ни-

кто сейчас таких нашивок не носит. Забыли про них.

— Зря забыли! — горячо запротестовала дочка. — Зря! Пусть все видят, что ты воевал! Пусть все знают!

— И то, отец. Не помеха ведь они, — вступилась за дочку Ульяна. — Ведь это дело понимать надо... — и вдруг заплакала.

В клубе было многолюдно. Иван Петрович неторопливо шел по залу, и односельчане, особенно молодежь, удивленно посмотрев на него, почтительно давали дорогу. Пожилые позабыли, а молодые и не догадывались, что конюх Иван Петрович Коноплев был семь раз ранен на войне, семь раз встречался со смертью один на один.

Секретарь парткома, недавно появившийся в совхозе, почтительно поздоровался с Коноплевым за руку и поспешил за кулисы.

Иван Петрович вместе с Ульяной, как обычно, сели в последнем ряду. Зал быстро наполнился народом. Директор совхоза открыл торжественное собрание коротким вступительным словом. Когда стали выбирать президиум, Коноплев с удивлением услышал свое имя.

— Никак тебя, Ваня, — взволнованно шепнула Ульяна.

В зале взметнулись руки, а затем послышался гром аплодисментов. Он сопровождал Коноплева по всему залу. Особенно старалась молодежь: А когда Иван Петрович поднялся на сцену, ребята, сидящие в передних рядах, вскочили с мест. Следом за ними поднялся весь зал.

Коноплев растерянно стоял на авансцене, не зная, что делать, как себя вести. Во всем зале он видел только одни глаза — сияющие глаза дочери.

Таежные рассказы

Иван
ПОЛКОВНИКОВ

Шатун

Колеса вагона ритмично отстукивали на стыках километр за километром, а я сидел в купе, предаваясь мечтам. Какова-то будет охота? Я еще ни разу не участвовал в зимней охоте с настоящими охотниками-промысловиками — манси.

В прошлом году на одном из бесчисленных притоков Оби я оказал услугу одному охотнику. Он перевернулся в обласке (лодка, выдолбленная из целого дерева) и утопил припасы, а главное, все патроны. На мелкого пушного зверя промысловики охотятся с малокалиберной винтовкой.

Наш поход близился к концу, и мы отдали Даниле, так звали потерпевшего аварию; пять коробок патронов, соль, сахар, муку. Тогда-то и последовало приглашение на зимнюю охоту. Мы оговорили сроки и место встречи, и вот теперь я ехал до безымянного разъезда, где меня должна была ждать упряжка.

Ехал я в хвосте поезда и, выйдя из вагона, увидел только одиноко маячившую впереди фигуру дежурного по разъезду. Меня никто не встречал. Делать было нечего, и, тяжело вздохнув, я направился в вокзал, похожий на избушку на курьих ножках, готовясь к ночевке на вокзальной лавке.

Я уже приближался к вокзалу, как вдруг на перрон вышла молодая мансийка лет двадцати. Ткнув рукой в мою грудь, она промолвила всего одно слово «Ивана».

Я утвердительно кивнул головой и стал спрашивать ее, где Данила.

Она молча выслушала мою тираду, молча тронула меня за рукав, приглашая следовать за собой.

Я пробовал ей что-то говорить, но скоро понял, что она не знает русского языка. Аяна (так звали, как я узнал впоследствии, мою спутницу) подвела меня к нартам, в которые было впряжено двенадцать ездовых собак, достала сверток и подала его мне.

В свертке оказался полный набор зимней одежды охотника манси. Переодевшись в вокзале, я вернулся к нартам. Аяна подала мне ружье с патронами и жестом приказала садиться в нарты.

Вожаком упряжки был старый одноглазый кобель с широкой грудью и мощными лапами. Он умело вел упряжку, подчиняя сорочичей своей воле. Собаки были все как на подбор — настоящие ездовые, с длинной шерстью, развитой грудью, сильными ногами.

Дороги никакой не было, но собаки шли ходко по неведомой мне тропе. И часа через три Аяна остановила упряжку у развесистой ели, привязала нарты и подала мне топор...

Через десять минут костер жарко запылал, пожирая белый снег в котелке.

Бросив собакам по небольшой рыбине, Аяна достала два куса мороженой вареной оленины. Один кусок она подала мне, а во втором сделала небольшие отверстия ножом и, надев его на палку, сунула в пламя костра. Я последовал ее примеру, — получился своеобразный шашлык. Выпив по кружке горячего, крепко заваренного чая без сахара, мы отправились в дальнейший путь.

Сколько прошло часов — не знаю. Снег становился все глубже, приходилось слезать с нарт и бежать за упряжкой, собаки все чаще стали сбиваться с ритма бега.

Я знал, что ездовых собак, как и лошадей, можно «загнать», пора останавливаться на отдых, а место было неподходящее.

Вот Аяна свернула в небольшой ложок. Вручила мне топор, сама занялась собаками, а когда костер разгорелся, вновь жестом пригласила меня следовать за ней. Срубив небольшую елочку и приготовив стяжок длиной в мой рост, подала мне топор и, показав обе руки с растопыренными пальцами, пошла к костру.

Я понял, что мы готовимся к ночлегу и что мне необходимо изготовить десять колышков для установки тента...

Только к полудню седьмых суток мы прибыли к одиноко стоящей избушке в глухой обско-енисейской тайге. Но за эти семь суток я познал таежную жизнь куда больше, нежели бы прочитал не семь, а даже семьдесят семь книг о тайге.

Прибыв в избушку, Аяна принялась «ворожить» над железной печкой, а я уже без ее подсказки пошел искать сушину.

Полужинав, Аяна взяла меня за руку, вывела из избушки и начала показывать свое нехитрое хозяйство — склад для продуктов, склад для охотничьих снастей. Показала две пары лыж — одни без меха, другие подбитые мехом.

Интересно, наверное, было наблюдать со стороны, как два взрослых человека молча осматривают хозяйство. Один тыкает пальцем, а другой то согласно кивает головой, то вопрошающе смотрит на спутницу. Затем Аяна подала мне кусок лепешки, позвала с улицы одну из собак и несколько раз повторила слово Ур. Я понял, что так звать собаку, и, угостив лепешкой, стал гладить ее. Обнюхав меня, Ур положил голову на колени и уставился в меня умным преданным взглядом.

Выпив кружку холодного чая, я через несколько минут уснул.

Каково же было мое удивление, а вернее, даже испуг, когда, проснувшись на другое утро, я не обнаружил ни Аяны, ни упряжки. Только, свернувшись в клубок, у входа в избушку дремал Ур.

Ничего себе положеньице!

«Немая» завезла куда-то, не на одну сотню километров, в тайгу и бросила. Что делать?

Конечно, можно было, надев лыжи, устремиться по следам беглянки или, на худой конец, взяв Ура на поводок, пойти за ним. Он непременно приведет домой. Но это значит показать свою трусость или выразить недоверие. А ханты и манси страшно не любят недоверие. Они безукоризненно честны, в их лексиконе нет слов украсть, обмануть, соврать. Не любят они и трусливых людей.

Пришлось вспомнить в детстве прочитанную книгу и стать таежным робинзоном.

Взяв небольшую палку, я нанес на ней шесть черточек и один крест (крест обозначал воскресенье).

Позавтракав сам и покормив собаку, облачась в полное охотничье снаряжение, я отправился на свой первый зимний промысел.

День оказался удачным. Ур работал отлично, и мне удалось подстрелить десяток белок и даже одного соболя.

Вечером при свечке, которых я привез из города полтора десятка, засел за дневник. Ох и поназаписывал же я там!

Второй день моего одиночного изгнания был похож на первый, как две капли воды. Вновь около десятка белок, только без соболя, но зато пара крупных глухарей. Вновь нехитрый ужин, дневник, зарубка на палке, мертвецкий сон.

На третий день настроение начало падать. Охота оказалась неудачной, и уже часа в два я направил лыжи к избушке. Не доходя с километр, я увидел, как Ур обнюхивается с какой-то собакой. Сердце радостно забило — одиночество кончилось.

В избушке ждали Аяна и Данила. Они приехали на двух упряжках. Привезли много свежей оленины, боеприпасы, рыбу, муку, соль...

Завтра Аяна должна увести обе упряжки в юрту, так как кормить такую ораву собак невыгодно — слишком много нужно завозить корму. По случаю встречи я достал фляжку со спиртом, коробку конфет, и мы устроили торжественный ужин. Занимались промыслом мы ровно три недели. Добыли много белки, несколько соболей, куниц и горностаев.

Данила по каким-то почти незаметным признакам находил зверей. А как метко стрелял! У себя в юрте, и вообще в обыденной жизни, он почти не выпускал трубки из зубов. Здесь же не закурил ни разу — я был некурящий.

Свободного времени почти не было. Все светлое время суток находилось в лесу, да и вечер был плотно расписан: надо приготовить ужин и завтрак, снять шкурки. Правда, очень часто, когда мы занимались снятием шкурок, Данила говорил мне: «Кончай, иди, твоя писать надо. Моя доделает одна».

Между нами буквально с первого дня установились самые дружеские отношения. Обязанности распределились сами собой. Сегодня один делал одно — другой другое, а завтра роли могли смениться, и все это, чаще всего, делалось молча.

Дня за три до окончания охоты, когда мы находились километров за двенадцать от избушки, шедший впереди Данила наклонился над каким-то следом. Я подошел к нему. След для меня был непонятный. Одно было ясно — он принадлежал крупному зверю.

— Худо,— сказал Данила.

— А что? — спросил я.

— Худо, шибко худо,— повторил он.— Смотри — амакан (медведь) ходи. Его спать надо, а он ходи. Такой зверь — плохой зверь. Он шибко злой и хитрый. Он на человека моги напади. Надо осторожно ходи. Всегда винтовка готовый держи. Один без собаки не надо ходи. Он человека кушай моги.

Я не был бесстрашным героем, но и не принадлежал к разряду особо трусливых. Бывали встречи и один на один — и с волком, и с рысью, и с медведем. Но из рассказов старых охотников знал, каким опасным является медведь, не залегший на зимнюю спячку, медведь-шатун. Нередки случаи, когда такой изголодавшийся и до предела возбужденный зверь подкарауливает людей на тропе и нападает на них сзади, а иногда просто ломится в юрту к охотнику. Я достал из кармана куртки наган, который, будучи военным, всегда носил с собой (в те годы это разрешалось), и выстрелил в дерево. Данила измерил глубину, на которую вошла пуля, и сказал: «О, такой винтовка шибко хороший. Твоя не боись амакан».

Через три дня прибыла Аяна на двух упряжках. Данила звал меня к себе, но у меня прошли все сроки и основного и дополнительного отпусков.

Данила начал делить меха на две равные части, но я взял лишь несколько шкурок. Данила не на шутку обиделся, и в конце концов, после долгих разговоров, я согласился взять себе, как память, меховую одежду.

Данила оставался в избушке. Ему еще надо было собрать капканы и ловушки, а мы с Аяной выехали в обратный путь.

Собаки тянули постромки как-то неохотно, и к вечеру мы успели пройти только километров тринадцать-пятнадцать...

Бросив собакам по «дежурной» рыбине и прикрепив нарты, пошли с Аяной готовить шесты для полога. Она срубала топором тонкие елочки и приносила их мне, а я очищал их от сучьев ножом, подаренным мне Данилой, и втыкал в снег.

Вдруг я услышал пугливый визг собак и почти одновременно душе-раздирающий крик Аяны. Повернувшись, я увидел, как с одной сто-

роны не особенно толстой сосны стоит моя спутница, а с другой, обхватив сосну и вместе с ней Аяну, косолапый хозяин тайги.

Бежать к нартам за ружьем и раздумывать было некогда. В считанные секунды я был у сосны и, оперев ствол нагана в медведя, выстрелил в левый бок.

Топтыгин взревел голосом, от которого мурашки побежали по спине, разжал свои железные объятия, выпустил Аяну и повернулся ко мне, разинув пасть.

От страха я потерял чувство опасности и выстрелил два раза подряд в открытую пасть разъяренного зверя и отскочил в сторону. Топтыгин стал медленно оседать. Для верности я выстрелил еще раз и вдруг, обессиленный, сел в снег.

Аяна, опустившись на колени около меня и ощупывая мои руки, ноги и все тело, что-то горячо говорила. Я различал только амакан (медведь), Ивана...

Сколько я просидел в снегу — не знаю. Наконец, жестом я показал Аяне, чтобы она шла успокоить собак, а сам, вооружившись ножом, занялся свежеванием непрошеного, страшного гостя. Медведь оказался очень тощим. Часть мяса, в основном мякоть, Аяна заставила разрубить на небольшие куски и разбросать по снегу. Остатки мяса и шкуру подняли на высокую ель и уже в полной темноте улеглись спать.

Утром Аяна мимическими сценами воссоздала вчерашнюю историю. Встав на четвереньки со словами «амакан-амакан», она изобразила движение медведя. Назвав свое имя, она испуганно прижалась к сосне. Разумеется, и я не был обделен вниманием.

Собаки, которых накормили медвежатинной, шли бойко, и на затевшийся разъезд мы прибыли к концу шестых суток.

Поезд, на котором мне надо было уезжать, проходил утром и, переночевав в последний раз вблизи разъезда, мы по-таежному расстались. И... навсегда. Военная служба «приписала» меня к иным краям, далеко от Сибири.

Рыбаки

Километрах в двадцати от города Томска у нас с Максимом был «свой» лес. Были в этом лесу грибы, шишки, ягоды, протекала и небольшая речушка с забавным названием Басандайка. Пудовых щук и килограммовых окуней в ней не водилось, но пескарей, и достаточно крупных, на любую наживку и чуть ли не при любой погоде за час-полтора можно было наловить полведра, а то и больше.

В лесу мы поставили бадаган. Оставив в нем лишние вещи, мы обычно разбредались в разные стороны на поиски охотничьего счастья, а местом встречи был большой кедр, росший на высоком обрыве правого берега Басандайки.

В тот день, подстрелив пару рябчиков, я вернулся к кедру ранее установленного времени. Положив трофей и охотничьи доспехи, подошел к муравьиной куче. Срезал небольшую ветку, смочил ее слюной и положил на муравейник, а спустя несколько секунд облизал ее. Проделав такую процедуру раза три или четыре, вернулся к кедру и тут заметил на противоположном берегу речушки какое-то движение. Вооружился биноклем и стал наблюдать.

На камне, выступавшем из воды, стояла рысь — крупный самец. Постояв минуту-другую неподвижно, рысь вдруг резко опускала лапу в речушку. Нетрудно было понять, что рысь ловила рыбу, и без всякого успеха. Вода в речушке светлая, тень от зверя падала на воду, и подплывавшие к камню рыбешки резко виляли в сторону. Убедившись, что труд напрасен, рысь спрыгнула с камня на берег и направилась вверх

по реке. Я подумал, что рысь уходит, как увидел, что, отойдя от камня метров десять-пятнадцать, она забрела в воду и начала царапать илистое дно лапами. Поцарапав дно, рысь опростелась бросилась на камень и за какую-нибудь минуту-две поймала три или четыре рыбешки. Мутная вода прошла, замахи стали холостыми. Рысь вновь отправилась царапать дно... Наконец, насытившись, ушла отдыхать.

Когда я рассказал Максиму о виденном, он громко стал сожалеть, что ему не довелось видеть такое феноменальное явление. В слове «феноменальное» легко было уловить дружескую подковырку. Прошло полчаса. Мы сидели, занятые ошпииванием рябчиков. Вдруг Максим резко толкнул меня в бок и, приложив палец к губам, тихо сказал:

— Иванко, а ведь она опять рыбачит.

В бинокль хорошо было видно, что это другая рысь, очевидно, подруга «рыбака». «Рыбачка» вела себя так же, как и «рыбак». Она то уходила скрести дно, то стремглав бежала к камню. Как мы жалели, что у нас не было «дальнейшего» киноаппарата. Но в те годы об этом можно было лишь мечтать.

После такого увиденного невольно возникает вопрос: «А имеют ли звери, кроме инстинкта, еще что-то другое?»

Зорька

Более двадцати лет я не был в родных краях, и вот теперь ехал туда — в мое детство. Мне было десять лет, когда я остался без матери. Отец работал лесником, и мы жили в доме, срубленном руками отца в стиле теремка. Терем-теремок стоял на берегу небольшой речушки в глухой сибирской тайге.

Мать была смелой, одна хаживала и на волков, и на медведей. Женщина она была крупная, с высокой, ладно скроенной фигурой, и обладала недюжинной физической силой. Ее красивую голову украшал венец из толстой русской косы, а широко открытые глаза оттеняли густые черные брови.

Как-то осенью, когда отца не было дома, она пошла в небольшой овражек недалеко от дома, пособирать малину. В малиннике «паслась» медведица с маленьким медвежонком. Очевидно, мать, не заметив, близко подошла к медвежонку, и там разыгралась трагедия. Труп матери отец нашел только на следующий день.

У отца было небольшое хозяйство, за которым нужен был догляд, и вскоре он женился вторично — на дальней родственнице матери, овдовевшей года два тому назад.

Мачеха, женщина образованная и очень красивая, была хрупкая, не в пример матери, и лесу боялась до невозможности.

Не знаю, не знаю и до сих пор не могу понять, почему с первого дня у меня к ней появилось какое-то неприязненное нетерпимое чувство. Мне казалось, что она отнимает у меня отца.

Относилась мачеха ко мне очень хорошо, даже более внимательно, чем мать. Чуть ли не ежедневно стирала рубашки, лучшие куски мяса попадали в мою миску, а варенье и мед я мог есть ложками.

А мне все почему-то казалось, что, отдавая лучшую пищу, она подлизывается ко мне, а, рассказывая над моей кроватью сказки, она старается скорее усыпить меня с тем, чтобы самой побыстрее уйти к отцу. И что удивительно, когда, года за два до трагической смерти матери, Парасковья Михайловна, моя будущая мачеха, приезжала гостить на лето, именно за ее песни и сказки она нравилась мне. Ее песни казались звоном серебряного колокольчика. Я любил под них засыпать, а проснувшись, с нетерпением ждал следующего вечера, чтобы вновь побывать во дворце царя Берендея.

Я боролся с собой, но так и не смог ничего поделать, и в шестна-

дцать лет сбежал из дому. Тайно, не попрощавшись ни с отцом, ни с мачехой, ни с любимым псом Лаской, и все эти двадцать лет не давал о себе весточки.

И вот теперь, через двадцать лет, ехал домой, чтобы встать на колени перед отцом и Парасковьей Михайловной или хотя бы поклониться их праху.

Приезжаю и узнаю, что отец и мачеха вместе ушли на фронт. Отец стрелком-снайпером, Парасковья Михайловна — сестра милосердия, и оба не вернулись.

В тереме-теремке жил сын соседа-лесника Коля, с которым в детстве ходили по грибы и по ягоды. Коля был моложе меня на два года. В год моего бегства его отец и мать, переезжая реку при шуге, утонули, и в четырнадцать лет он остался один как перст. Отец взял Колю к себе и, по его рассказам, Парасковья Михайловна заменила ему мать. Она хорошо рисовала, вышивала; вязала, писала стихи, сама сочиняла для них музыку и пела. Она научила Колю рисовать, и в его комнате висело четыре портрета: Коли, отца, мамы и Парасковьи Михайловны.

Как-то утром, когда Коля объезжал свои обширные владения, я сидел в пристрое к терему-теремку, заполненному многочисленными коллекциями, рисунками, чучелами и вышивками, и вдруг услышал глухой трубный звук. Выйдя из «кунсткамеры», как звал Коля пристрой, я увидел, как, положив голову на изгородь, всего в нескольких метрах от терема-теремка стоит крупная лосиха, а по другую сторону изгороди старый пес Верный приветливо машет хвостом. Меня это заинтересовало, и я, выставив руки вперед, пошел к лосихе. Нисколько не испугавшись, она продолжала стоять и, вытянув шею, начала тыкаться в мои руки шершавыми губами. В кармане у меня была завалявшаяся пачка дорожного печенья, я достал его и скормил лосихе, а она, мотнув несколько раз головой, развернулась и тихо направилась в лес.

Вернувшись с объезда, Коля рассказал мне такую историю.

Лет двенадцать назад, перед войной, когда отец был в длительной поездке, а Коля в объезде, Парасковья, сидя в комнате, услышала залихватый лай Верного, тогда еще маленького щеночка, и трубный звук какого-то зверя. Она не на шутку испугалась, но все же вышла на улицу и увидела, что у ворот, стараясь перешагнуть изгородь, стоит большая лосиха. Увидев человека, зверь не испугался, а продолжал стоять у ворот. Парасковью это удивило и, преодолевая чуть ли не панический страх, накинув плащ, она пошла к лосихе. Та повернулась и пошла в лес. Парасковья остановилась, остановилась и лосиха. Так лосиха привела ее на небольшую поляну. На поляне лежала маленькая телочка с переломанной передней ногой. Парасковья принесла телочку домой, наложила на ногу лубки и выходила животное.

У телочки на лбу было маленькое белое пятно и мама назвала ее Зорькой — звездочкой.

Зорька прожила в доме два года, а когда ей пришла пора позаботиться о потомстве, она ушла в лес и осталась там. Но с тех пор, вот уже несколько лет, она приходит к дому лесника полакомиться кусочком хлеба, полизать мешок с солью, положенный специально для нее в колоду под небольшим навесом, либо «поговорить» с Верным, выросшим вместе с Зорькой и так привязавшимся к ней, что он часто уходил с лосихой в лес.

Не знаю почему, но Зорька с тех пор превратилась для меня в какое-то олицетворение моей мачехи. В ее грустных глазах мне виделась грустные, любящие глаза Парасковьи Михайловны.

По закону сердца

Было это двадцать пять лет назад.

Более трех тысяч километров проплыли мы по глухим притокам реки Таз на легкой ветке (так называют здесь лодку, выдолбленную из ствола кедра). В верхнем течении этих притоков не бывал еще человек. Только звериные тропы проторены по берегам, да неисчислимы стаи птиц кружат над водой.

Со мной проводники: Кальча, селькуп по национальности, умный, с узкими темными глазами, в которых неугасимая хитринка, хороший собеседник, прекрасно знает русский язык; и Сырсяя, тоже селькуп, но с удивительно голубыми глазами. Это веселый, здоровый, неутомимый парень.

Сегодня должны достигнуть таинственного озера Лозель-То (Чертового озера). Плывем по речке Толь-Кы. Много уток. Они, не пуганные никем, скользят стайкой мимо нас, с любопытством поглядывая на лодку. На дне ее лежат три утки — достаточное количество, чтобы сварить обед. Большого не надо. Для нас охота не забава, а необходимость.

— Лозель-То близко, — говорит Кальча, — всего два крика гагары.

Здесь малые расстояния определяются по крикам этих птиц. Два крика — это четыре-шесть километров, ибо крик гагары слышен утром на два-три километра.

За поворотом низкого берега показалась синева огромного озера. Оно беспокойно, большие волны с белыми гребнями качают его поверхность. Я иду, разминая ноги, по пологому пустынному берегу.

Волны яростно плещут, далеко бросая пену и брызги. Где-то, невидимые, стонут гагары. Огромные стаи уток кружатся над озером. В беспешном полете гуси и белоснежные лебеди.

Один за другим слышу два выстрела, удивленно оглядываюсь. Кто и зачем стрелял? В руках Сырсяя ружье, из стволов которого идет дымок, относимый ветром. Патрон в таком пути дорог, каждый заряд — это наша пища: утки или гуси.

Подхожу. Спрашиваю, зачем стрелял. В глазах Кальчи исчезла хитринка. Взгляд строг и торжествен. Он смотрит на меня.

— Так надо, — тихо говорит он.

— Почему надо?

— Повернись к озеру и смотри, — приказывает тихо Кальча. — Видишь вдалеке, на середине озера, землю?

Я вижу в далекой синеве усеченный высокий конус.

— Это остров, — говорит Кальча. — Полдня надо подниматься на его вершину. На середине острова озеро. У этого озера нет дна. Многие люди хотели измерить его глубину, но не смогли. Связали десять ремней, которыми ловят оленей, — не достали. К десяти привязали еще десять — и не достали. Тогда собрали все ремни всего народа, что жил на островах озера, но все же не достали дна. Тогда старые люди сказали: «У этого озера нет дна», — и все поверили.

В озере на том острове, рассказывает Кальча, живет Лозель — черт. Это он бросает ветер с полночной стороны, и листья деревьев желтеют и падают на землю. Он за три дня лето превращает в студеную зиму. Это черт с солнечной стороны посылает весенний ветер, и тают снега и льды, и летят к озерам и рекам тундры птицы. Это он, Лозель, бросает сегодня ветер, чтобы закрыть нам дорогу. Вот Сырсяя и стреляй, чтобы услышал Лозель и подумал: свои приплыли. И дал нам дорогу, остановил ветер.

Выслушав его, я рассмеялся.

— Пошто смеешься? — сказал строго Кальча. — Разве смех — признак ума человека?..

Во второй половине дня ветер стих. Озеро успокоилось. Погрузив багаж и собаку в ветку, поплыли к далеким островам этого огромного озера, состоящего из восьмидесяти озер, соединенных между собой протоками.

Вдали показались точки. Приблизившись, мы узнали ветки охотников. Они были вооружены луками со стрелами и выглядели довольно внушительно.

Позже я узнал, что охота на уток с луком имеет свои преимущества: во-первых, не отпугивает птиц, во-вторых, избавляет от подранков.

Сопровождаемые охотниками, мы приплыли к острову. Жители поселка высыпали встречать нас. Их летние юрты, изготовленные из бересты, белели на берегу. Началось угощение рыбой. Кальче что-то докладывали. Он сказал мне:

— Будет суд, будут судить женщину.

— За что?

— Узнаешь!

Нас позвали в огромную юрту, раскинутую для собрания. В центре костер. В передней части юрты сидят старейшины, у входа — самые молодые.

Нас с Кальчей посадили рядом со старейшинами.

Тишина. Горит огонь, освещая смуглые мужественные, торжественно-серьезные лица. В круг приглашена женщина. Глядя на нее, молодую, высокую, стройную, с лицом индианки, я невольно подумал: «За что ее судят? За нарушение долга жены?»

Выждав положенное время, старейший рода, у которого редкие волосы на голове давно уже из седых стали желтыми — признак, что он вступил во второе столетие, строгим голосом произнес короткую фразу.

Кальча перевел.

— Он сказал: «Женщина, неужели кружка тебе дороже ребенка?» — и обратился к собравшимся: «Пусть скажет каждый, как в семье живут, как между собой ладят, как детей любят».

Молчание.

Наконец один говорит:

— Мы с женой живем дружно и хорошо, детей любим. Я кончил. Пусть другие скажут...

Один за другим семейные люди, сидящие в юрте, произнесли такие же слова. Выслушав, старейший сказал:

— Слышала; женщина, как люди дружно живут и все детей любят... Почему ты от торной тропы народа по болоту тундры пошла?

Женщина молчала...

Оказывается, в один из переездов с острова на остров четырехлетняя дочурка этой женщины попросила пить. Мать дала ей кружку. Девочка потянулась через край ветки за водой и выронила кружку, которая исчезла в бездонной глубине озера. Мать хлестнула девочку шнурком, которым завязывают мешки. Люди увидели, возмутились: как могла мать поднять руку на ребенка?

Обращаясь ко мне, Кальча спросил:

— Эту женщину судят по закону и обычаю нашего народа. Как ты думаешь, это справедливо?

— Я слушал и думал о законах селькупов-охотников, живущих на глухих островах озера Лозель-То!

Люди молча курили, поглядывая на женщину, «потерявшую человеческое сердце».

Кармен

Часто люди, прожив всю жизнь среди домашних птиц и животных, даже не замечают их индивидуальных особенностей...

С наступлением теплых весенних дней я распахнул дверь хлева и выпустил кур. Их было пятнадцать. Вначале они робко ходили по двору, но потом принялись кричать, махать крыльями, летать над землей, устраивать бои.

Однажды я поднялся очень рано. Еще ни земля, ни лес, ни небо не успели полностью освободиться от ночного холода. Но вот разлилась по горизонту заря, и сразу же небо приподнялось, посветлело, заголубело.

Мои наблюдения прервал тихий куриный голосок: ко-ко-ко. Я рассыпал корм по длинному корыту и только тут обратил внимание, что около меня крутится всего одна курица, все остальные еще сидят на насесте, нахохлившись и запрятав головы в перья.

— Не спится или скучно стало?

Курица еще сильнее выпятила зоб и подсемила к моим ногам. Я присел и стал рассматривать несущку. Она была гладкой, стройной, черной до блеска. Темные с оранжевым ободком глаза смотрели как-то внимательно.

— Ты не догадываешься, что очень красивая,— сказал я и хотел погладить курицу,— среди своих подружек ты настоящая Кармен...

Но курица не позволила, чтоб кто-то прикасался к ней. Отошла, гордая, недовольная.

Я решил не выпускать Кармен из виду. Вскоре удалось установить, что она очень любит яичную скорлупу и творог. Когда она склевывала лакомства, я легонько поглаживал ее по спинке. Вначале она отбегала, сердито квохала, но потом привыкла к ласке и только чуть приседала, когда рука касалась ее. Однажды я взял ее на руки, но Кармен так вырывалась, что мне пришлось разжать пальцы. Через несколько дней во время угощения творогом я опять взял ее в руки и тут же отпустил. Она отнеслась к этому терпимо.

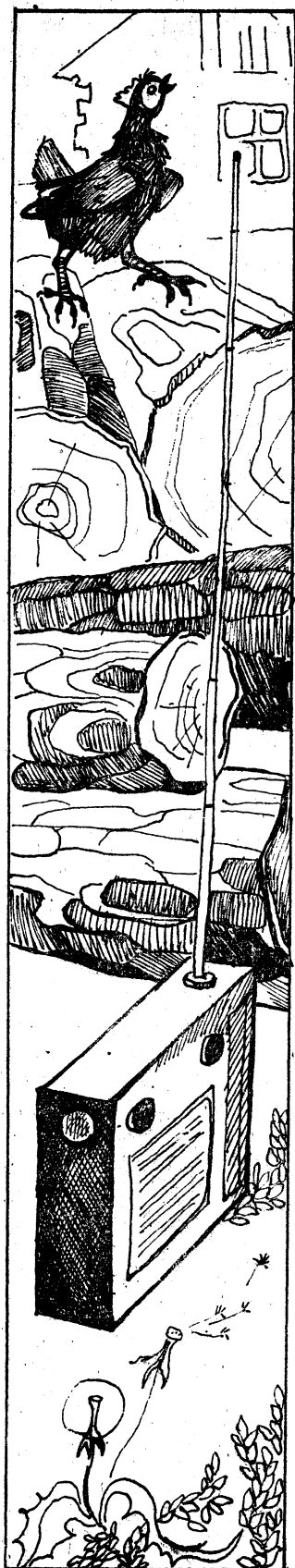
Прошло полмесяца, Кармен привыкла к моим рукам. Но больше всего ей нравилось топтаться на моих коленях, глядеть на меня, наклонив голову, одним глазком, стучать острым перламутровым клювом по пуговицам на пиджаке. Она быстро усвоила кличку, и мне стоило лишь крикнуть «Кармен!», и она неслась ко мне со всех ног.

Как-то я вышел на улицу с транзистором. Кармен подошла, прислушалась, забеспокоилась и взобралась на колени. Я не мешал ей. Кармен перебралась на мое правое плечо и вдруг запела: «Ко-ко-ко...» К нам подбегали дети, подходили взрослые.

Так в Кармен я открыл редкое качество, она реагировала на музыку. Вот в транзисторе раздался голос диктора. Кармен несколько секунд прислушивалась к этой перемене, потом слетела на землю и занялась поиском съедобного в зеленой траве.

В начале сентября поздним вечером я привез на тракторе огромный воз сена. Собирался дождь. Мы с трактористом спешили сметать сено на сеновал. Раза два или три ко мне подбегала Кармен. Но мне было некогда.

Утро настало сырое, прохладное. Все курицы копошились под навесом около корыта с кормом. Не было только Кармен. Настало время обеда — Кармен не появлялась. Вечером на насесте ее тоже не было. На другой день в поисках Кармен я обшарил все вокруг дома. Кармен не находилась.

К вечеру я совсем потерял покой. Мне было скучно, так привязался к этой «певице». Понемногу стал верить, что Кармен похитил ястреб.

Где-то через неделю в ограде, подгоняя топориче к тяжелому колуну, я услышал над собой щорох. Взглянул вверх, и не поверил своим глазам. Между досками, на которые было наметано сено, торчала черная куриная голова. После секундной растерянности я схватил ножовку, встал на еловый чурбан и, выпилив небольшое оконце, вытащил из западни Кармен. Она была чуть жива.

Я принес ее домой и положил перед ней творог. Но Кармен не приоткрылась к еде. Тогда я пустил ее к банке с водой. Она набросилась на питье.

В ограде я отыскал большой ящик и посадил туда Кармен. В углу ящика стояли молоко, вода, творог, пшеница, ячмень. Вечером этого же дня Кармен начала помаленьку есть, но на ногах стоять еще не могла и к еде добиралась на боку. А к концу четвертого дня Кармен стала проситься на волю, и я выпустил ее.

После этого приключения она снова набралась сил. Черное перо Кармен отливало блеском. На зов она охотно бежала, выманывала подачки, съедала их прямо из рук, взлетала на мои колени, плечи и голову. Но Кармен перестала петь. Теперь, услышав музыку, она усаживалась на моем плече, нахажившись, и склевывала с перышек что-то невидимое, будто счищая с себя соринки.

На туманной реке

Над рекой серым покрывалом висел туман. Я с трудом провернул ключ в заржавевшем замке, столкнул лодку с берега. Темно-зеленая вода подхватила плоскодонку. Я тихо правил кормовым веслом, стараясь не касаться ольховых кустов, низко нависших над водой и покрытых в этот ранний час крупной блестящей росой.

Всплеск насторожил меня. Ясно: впереди лодка. Наверняка они ловят рыбу запрещенным способом: в наших местах это пока не редкость. Сколько их — один, два? На всякий случай я зарядил одностволку. Со мной сегодня был всего один патрон, да и тот холостой.

Вот обозначилась лодка, привязанная к шесту. В лодке было двое: стоя на коленях, один быстро выбирал сеть, другой поправлял ее, складывая на борт. Это был старик с большой бородой. Он беззаботно попылавал трубкой, будто сидел дома на завалинке и в руках у него капроновая сеть, а изрядно поношенный полушубок, который надо подлатать. Зато молодой — высокий и широкоплечий — суетился, поглядывал по сторонам, смахивал с лица пот, изредка прислушивался.

Увидели они меня, когда между нами оставалось не более десятка метров. Я слышал, как трубка старика гулко стукнула о дно лодки. Молодой рыбак быстро наклонился к шесту, стал распутывать мокрую цепь. Часть сети так и осталась в воде.

— Оставайтесь на месте! — сказал я. Молодой попытался выдернуть шест, у него ничего второпях не получалось.

— Еще раз повторяю: ни с места!

Я приподнялся, взял ружье, но неловко: равновесие нарушилось, лодка заходила подо мной. Ружье ударило о борт. Прогрохотал выстрел. И тут же наши лодки стукнулись. Мне тоже пришлось ухватиться за шест.

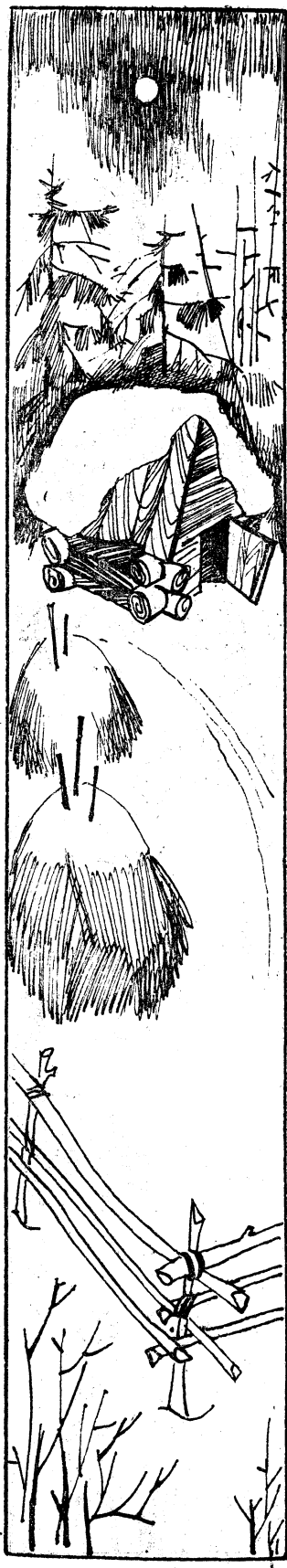
Дед смотрел на меня серыми глазами, полными страха, а его напарник, неестественно взмахнув руками, свалился в воду.

— Ой, — закричал дед, — убили, убили Петьку!

Я осматривался кругом.

— Что же ты наделал, сатана, — простонал дед, — где ж это вида-но, чтобы за рыбешку человека губили?

— Никто его не убивал, — огрызнулся я.

— Что ж, по-твоему, я внука-то укокал? — тянул дед. «А вдруг и вправду патрон был не холостой?» — засомневался я. Выдернул из ствола латунную гильзу: нацарапанные гвоздем, на ней блестели две буквы — БД, что означало — без дроби. На душе сразу отлегло.

— Твой внук плавать умеет? — обратился я к деду.

— Неуж нет, а ныряет пуще того.

— Ну-ка, покличь его, да погромче.

— Чего зря насмехаться? Он теперь уж вон под теми камнями. Там и искать надо...

— Давай кричи, не стесняйся!

Дед крутнул головой, слабо крикнул: «Петюнька!» Слезы опять заблестели на его глазах.

— Ну, чего? — донесся из тумана басовитый молодой голос. — Здесь я, на берегу!

Дед передохнул облегченно. Теперь голос его набрал силу:

— Как же ты туда попал, сукин ты сын? Ить я думал — кончили тебя.

— Очень просто, нырнул, и все, — орал с берега внук. — А ружье-то вверх пальнуло.

Дед грузно сел на скамью, усы его шевельнула улыбка:

— Наверде бы покурить надоть...

Не спеша он поднял трубку, которая валялась у ног, выбил пепел о весло, засыпал нового табаку, чиркнул спичкой. С трубкой во рту дед опять стал прежним: будто сидит он на завалинке и ничего его не беспокоит — жизнь прожита, на душе спокойно, впереди — последнее, чего никак не минуешь...

Закончив курить, он покашлял, постучал трубкой о борт лодки, крикнул:

— Петька, ты еще под кустом?

— Ну, чего тебе еще? — отозвался тот.

— Давай-ка правь ко мне!

— Чего я там не видал — заберут, — пробубнил из-за тумана. Дед взглянул на меня. Я отрицательно покачал головой.

— Иди, иди, не разговаривай.

Забулькала вода. Вскоре около нас показалась русая голова и широченные Петькины плечи. Он стоял на дне реки, боязливо поглядывал на меня и медленно водил руками по воде, словно поглаживал ее.

— Ты что ж это, внучек: пакостили с тобой вместе, а как поприваляло, так дед оставайся, а ты — пошел? Подходи ближе, я хоть раз тресну тебя веслом по башке-то...

Петька покорно зашагал. Старик ухватил его за ухо, подергал:

— А ну в лодку! Семнадцать годков, а трусости в тебе эвон сколько.

Я смотрел, как внук через корму молча забирался в лодку. Дед помогал ему.

— Ну, вот и все. Теперь наказывай нас, — старик повернулся ко мне, — а может, простишь? Страху-то и так уж натерпелись.

— Не могу, — сказал я, — сеть переложите ко мне.

— Ну и ладно, и избавь нас от соблазна, — ворчал дед, перебрасывая сеть в мою лодку. — Да все он, балабон: пристал, поедем, поедем, молодость вспомнишь. А оно вон как вышло: не пришлось вспомнить ее, молодость-то. Ну, будь здоров. Уж не обессудь...

Лесная музыка

На вырубке я услышал странный звук. Он длился недолго. Но после короткого перерыва повторился — отчетливо и мелодично. Похоже было, что звучит струна, самая толстая — виолончели или контрабаса.

Я стал пробираться осинником, березняком. С каждым шагом подходил все ближе и ближе к этим загадочным звукам, каких мне никогда не приходилось слышать в лесу. «Бин-н-ннь», — неслось ко мне все звонче и яснее...

Может быть, это какая-нибудь редкая птица? Я тихонько раздвинул толстые стебли иван-чая и замер. На поляне лежала сломанная бурей сосна. Из травы торчал толстый пенёк с длинными тонкими сколами, наподобие пластин. Около пня стояла огромная медведица и оттягивала на себя сосновую пластину. Рядом на траве сидел медвежонок и внимательно следил за действиями матери. Но вот она резко отдернула лапу, и вновь зазвучало густым тембром: «бин-н-ннь».

Я неловко переступил с ноги на ногу, и что-то хрустнуло под ботинок. Медведица насторожилась, покрутила головой, обнюхивая воздух, опустила на все четыре лапы и, подталкивая детеныша носом, погнала его перед собой. Через полминуты они скрылись в густом осиннике.

Я был крайне недоволен своей неосторожностью. Игра медведицы только начиналась. А каким же должен быть конец? Его-то мне обязательно хотелось понаблюдать. Выбравшись из вырубki на дорогу, весь обратный путь я думал о медведице с медвежонком. Далеко ли они уйдут от места развлечения и через сколько дней вновь вернуться к сломанной сосне? Удается ли мне еще хоть раз увидеть их за таким странным занятием?

Выждав четыре дня, как и прошлый раз, часам к двенадцати я был на Осиновой горе у вырубki. Слабый ветер чуть слышно перебирал листья на высоких осинах и березах. У моих ног по проторенной дорожке-ниточке сновали трудолюбивые муравьи. Слово большой шершень пролетел в воздухе, прогудев «бин-н-ннь»... Я прислушался и пошел в том направлении, откуда донесся этот ожидаемый мною звук.

Передо мной была та же картина. Медведица, стоя, играла увлеченно на деревянной «струне». А медвежонок суетился, жалобно хрюкал тоненьким голоском, подбегал к пню, цепляясь когтями за кору, опрокидывался на спину, вскакивал, скулил. Видать по всему, ему тоже хотелось иметь музыкальный инструмент в своих лапах и играть на нем.

Посидев на траве некоторое время, как бы в раздумье, медвежонок вскарабкался на пенёк, приподнялся на задних лапках, немного с чем-то повозился и нашел то, что ему очень хотелось отыскать сегодня. «Инь», — прозвучала тонкая щепка, — «инь». Медвежонок соскользнул наземь, от радости покувыркался по траве, звонко поверещал и вновь взобрался на пенёк.

«Бин-н-ннь», — жужжало и гудело в воздухе. «Инь, инь», — подыгрывала басу тоненькая нота. Разность этих звуков по высоте была не менее двух октав. Я присутствовал на медвежьем дуэте. Я смотрел на лесных музыкантов, позабыв обо всем на свете, даже о той опасности, какой подвергался каждую секунду. Какие удивительные способности, оказывается, кроются под обманчивой неуклюжестью и внешней суровостью у этих лесных силачей.

Мне не нужно было ждать конца их представления, теперь все стало на свои места, все предельно ясно. Медведица добилась того, чему хотела обучить своего детеныша. Сколько времени потратила на это заботливая и добрая мать — неизвестно, может быть, месяц, а может быть, и два. Она привила медвежонку любовь к этим лесным, удивительным, добрым, успокаивающим звукам и научила добывать их.

Рисунки
Н. Лазаревой

Салават над Уфой

Памятник Салавату Юлаеву в Уфе скульптора С. Д. Тавасиева и архитектора И. Г. Гайнутдинова удостоен Государственной премии СССР.

Под громадой внезапно остановленного чугунного коня — пропасть с серебристой лентой реки Белой на дне, впереди, с трех сторон, затянутые голубой дымкой дали, и ветер, как свист извивающейся плети Салавата!..

Анатолий ТОКМАКОВ

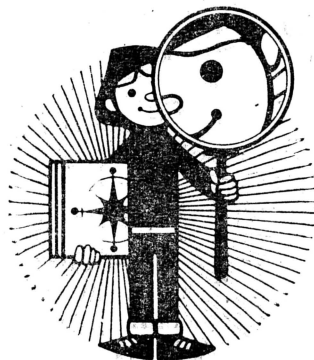
Фото автора

Музей погоды

Цель нового музея в Свердловске — показать этапы развития отечественной и уральской гидрометеорологии. Среди сотен экспонатов музея — приборы и документы начала прошлого века и современная гидрометеорологическая техника.

Это ртутный барометр со шкалой в английских дюймах, сделанный петербургским мастером Швейкиным, и дистанцион-

ная метеостанция, передающая по кабелю сведения о температуре и влажности воздуха, о ветре. Это старинные часы с двадцатикилограммовым маятником, и ныне ведущие счет времени с точностью до долей секунды, как и в ту пору, когда в городе не было ни телефона, ни телеграфа, ни радио; это и метеорограф.

МИР

НА ЛАДОНИ

Зимовка на Гыдане

Сибиряковского тракта — проезжей дороги как таковой — в болотистых долинах Северного Урала нет, есть лишь обозначенный вешками маршрут, по которому около ста лет назад караваны, снаряженные Сибиряковым, пробирались с притоков Оби к Печоре. Позднее этим путем пользовались геологи, промысловики.

Сибиряков, богатый человек, наживший большие капиталы на золотых приисках, был удачлив в своих предприятиях. Однако Александр Михайлович Сибиряков, горячий патриот Сибири, Севера, многие тысячи своих золотых рублей потратил на то, чтобы развить будущность края. С его именем связаны экспедиции Норденшельда, Виггинса, Брема.

Желая привлечь внимание общественности к трассе во льдах Северного Ледо-

витого океана, Сибиряков сам отправился в рейс Варде — Енисей на пароходе «Оскар Диксон» и на торговой шхуне «Нордланд». У входа в Гыданский залив судно попало в ледовый мешок, а у мыса Мочуй-Сале село на мель. Моряки подготавливались к зимовке. Удалось договориться с оленеводами, которые согласились довести Сибирякова до Обдорска, чтобы он развернул работы по спасению экипажа.

В конце марта большой олений караван с продовольствием, теплой одеждой подошел к «Диксону». 25 июля «Диксон» запустил свои машины и взял курс на север. Казалось, спасение близко, но шторм пробил непрочный корпус парохода. Моряки на шлюпках сумели добраться до Обдорска и Дудинки.

«Оскар Диксон» и «Нордланд» были первыми судами, зашедшими в Гыданский залив.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Птичьи рекорды

Некогда на острове Мадагаскар обитал эпиорнис — бегущая птица высотой более трех метров. Последние экземпляры ее были истреблены в XVIII веке. Эта птица несла самые большие, известные науке, яйца — объемом до девяти литров. Иными словами, одно яйцо весило примерно столько же, сколько весят 300 куриных.

Наибольшие яйца из живущих в наши дни птиц несут страусы — до 1 400 граммов, размером 125×150 миллиметров. Самые маленькие яички несут колибри. У некоторых видов этих миниатюрных птичек они похожи на рисовое зернышко. Да и могут ли быть яички больше, например, у колибри-шмеля, которые сами весят около трех граммов. У лебедей яйцо весит в среднем 280 граммов, у гусей — 160, уток — 80, кур — 60, голубей — 18, воробьев — около трех, у селезеньев — два грамма.

Домашние куры несут в течение года от 60 до 300 яиц. Несушками-рекордсменками славится Голландия. Здесь на птицефермах, благодаря особым условиям содержания, многие куры несут по 350 яиц в год. Яйценоскость уток — 120—180 яиц в год, индеек — 100—150, гусей — 50—80.

Среди диких птиц больше всего яиц несут воробьи — до 20 штук в год. Самые же «ленивые» орлы: чаще всего они откладывают в год всего по два яйца, по два яйца для одного выводка откладывают и колибри.

Лучшая коллекция птичьих яиц находится в Музее орнитологии в Румынии. Здесь собрано 10 тысяч яиц от 750 видов птиц из 78 стран мира.

Виктор РОЩАХОВСКИЙ

Часы «Модро»

Часы марки «Модро» появились в Польше в начале прошлого века. Большие, выше человеческого роста, с тонкой резьбой по темному дереву корпуса, с гранеными стеклами циферблата, с блестящим латунным маятником и украшенные неподдающейся коррозии яркой эмблемой фирмы, они были великолепны, могли стать украшением любого дома. В начале прошлого века часы «Модро» купил управляющий Белорецким железодельным заводом для своей конторы.

Но в Белорецке модные часы выполняли и иную роль. Мастерской, который следил за ними, в поло-

женный час нажимал на рычаг паросиловой машины, и тогда над поселком раздавался гудок. Длинный означал начало рабочей смены, двойной — конец ее.

Более ста лет благородные «Модро» были главными часами города, пока не пришло на завод радио и не принесло с собой сигналы Кремлевских курантов. Сейчас часы стоят в городском краеведческом музее. Лишь тишину музейных залов нарушает их глухое «тик-так»...

Людмила ВЕЙСБЕРГ

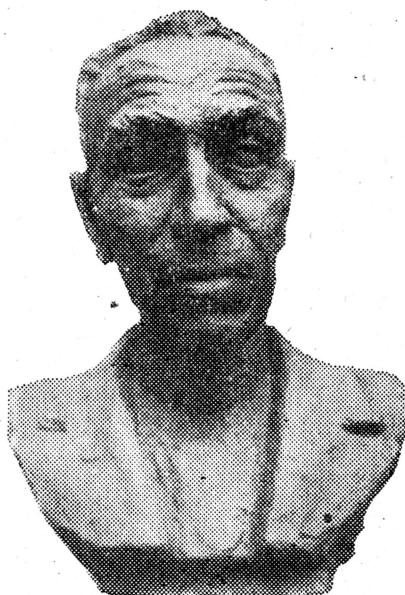
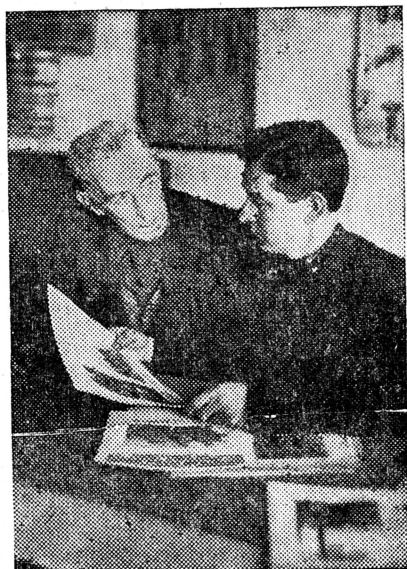
Пермские порошки

Рецептуру тридцати трех новых препаратов бытовой химии разработали специалисты Уральского филиала ВНИИхимпроекта.

Лаборатория отбеливающих средств. Здесь создано восемь новых порошков, которые убирают пятна чая, йода, кофе, вина...

Коллектив филиала продолжает поиски по разработке рецептуры чистящих, отбеливающих, подкрамливающих, подсинивающих и других препаратов. 27 пермских порошков удостоены государственного Знака качества.

Владимир АБОРКИН

История пишется объективом

Известный фотограф Петр Адольфович Оцуп (1883—1963) снимал революционные события 1905 года, заснял акт отречения от престола Николая II, первым сделал снимок легендарной «Авроры», был репортером во время русско-японской, первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн...

В годы Великой Отечественной войны П. А. Оцуп побывал в Свердловске и Нижнем Тагиле, делал здесь снимки на тему «Урал кует оружие победы».

В 1962 году Оцуп был награжден орденом Ленина. Эта награда была особенно дорога для фотомастера — ведь чеканный профиль вождя на ордене был сделан по фотографическому портрету Владимира Ильича, снятого осенью 1918 года самим же Оцупом...

В. И. Ленин тогда сказал фотографу: «Если история пишется объективом, она яснее и понятнее».

Евгений БИРЮКОВ

На снимках: скульптурный портрет П. А. Оцупа, сделанный нижегородским ваятелем М. П. Крамским; 1944 год, П. А. Оцуп в Свердловске с местным фоторепортером А. П. Исаковым.

Эйфелева башня из льда

Знаменитая Эйфелева башня, главная достопримечательность французской столицы, существовала и в Петербурге.

В 1890 году на Каменноостровском проспекте, в саду «Аквариум», по инициативе его предприимчивого владельца была сооружена копия Эйфелевой башни высотой 35,5 метра из... льда.

На башню посетители поднимались по двум ледяным лестницам. Газета «Петербургский листок» 14 января 1890 года по этому поводу писала: «Отделка фасада башни не оставляет желать ничего лучшего, особенно красиво выделяются ее колоннады и карнизы. Освещается она изнутри и снаружи большими электрическими фонарями, причем самая верхушка ее украшена электрическим солнцем, постоянно меняющим цвета...»

Жизнь петербургской Эйфелевой башни длилась всего полтора месяца — с первыми лучами весеннего солнца она растаяла...

Плавающие города

Японский архитектор Киенори Кикутакэ предложил создать у побережья Токийского залива несколько плавающих островов, собранных из огромных плоскодонных железобетонных барж. Если такую баржу длиной 200 и шириной 50 метров перевернуть вверх дном и накачать в нее воздух, образуется понтон, способный принять на себя до 20 тысяч тонн груза. Соединенные между собой несколько сот понтонов станут отличной строительной площадкой, на которой могут подниматься жилые кварталы со школами, больницами, стадионами, парками...

Острова Кикутакэ можно заякорить в любом месте шельфа, где глубина не менее пяти метров. Жилищное и промышленное строительство на них обойдется значительно дешевле, чем на земле.

Плавающие города — не первый водный проект маститого архитектора. По его чертежам был построен «Акваполис» — гигантский павильон-поплавок для Всемирной выставки «Экспо-75» на Окинаве.

10 000 часов под водой

Таков стаж водолаза Владимира Ивановича Савенкова. Эти часы он провел на дне Балтийского моря, сооружая причалы Вентспилского и Рижского портов, прокладывая подводные кабели, поднимая затонувшие суда...

В. И. Савенков — не единствен-

ный десятилетиячник в рижской группе Балтийского экспедиционного отряда аварийно-спасательных, судоподъемных и подводно-технических работ. Столько же часов провели под водой водолазы Ф. П. Молодцов и П. Я. Поражевский.

Обезьяний альбом

Этот необычный альбом собрал ленинградец М. Н. Янишевский. В его коллекции фотографии и рисунки всех видов обезьян — от самой крупной гориллы до самой маленькой обезьянки — птички.

Из альбома Янишевского взят и снимок шелковистой гверецы. Тело этой редкой обезьяны бархатисто-черного цвета, опоясано ярко-белым поясом, хвост двухметровой длины, очень мягкий, из белоснежных шелковых нитей...

Гвереца была сфотографирована на высоте 200 метров над уровнем моря, в горах Эфиопии.

На снимке: обезьяна гвереца.

Всеволод КРИВОШЕИН

Ныряльщицы

На Филиппинских островах весьма распространена профессия охотников за ракушками. Такой охотой занимаются и женщины. Ныряют они на дно в капюшонах, без кислородных аппаратов.

Когда нет ракушек, женщины добывают на дне рыбу, если она попадет, или, на худой конец, съедобные водоросли.

На снимке: охотницы за ракушками.

Скарабей

Египетская армия находилась в походе. И вдруг в голове войска возникло смятение, армия застыла на месте. «Скарабей! Скарабей!» — слышались крики, и поход срочно отменился. Если помните, такой эпизод описал в романе «Фараон» Болеслав Прус.

Кто же такие скарабей, наводившие страх на воинов?

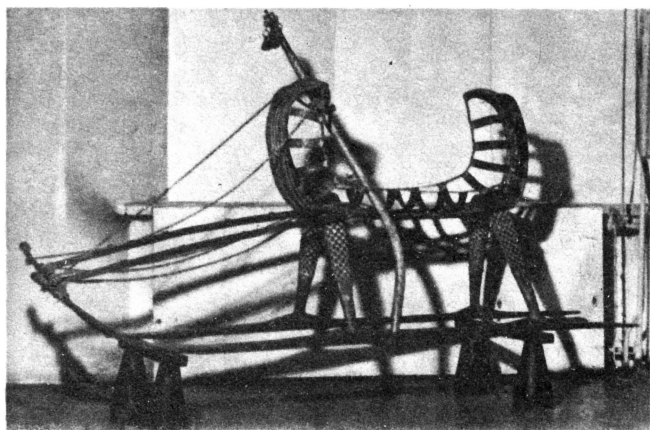
Скарабей — это блестящий черный жук с жесткой броней. Его задние лапки имеют особые приспособления, с помощью которых жук ловко скатывает навозные шарики и передвигает их к норке. Пока не иссякнут запасы шариков, в норке идет пиршество...

Древние египтяне считали скарабея священным

жуком, ему поклонялись, перед ним совершались богослужения. Недаром на стенах развалин египетских храмов так много изображений скарабеев, немало жуков, сделанных из бирюзы, найдено в гробницах царей и их приближенных. И на людей, и на животных надевали амулеты, олицетворяющие скарабеев...

И сейчас в Африке рядом с любым памятником древности продаются фигурки скарабеев — поделки из керамики, очень искусно покрытые пылью, будто этим скарабеем несколько тысяч лет. Продаются ныне туристам и перстни с впрессованными внутри настоящими жуками.

Валерий ЯСАКОВ

Нарты

Почти полтора столетия назад были сделаны эти красивые нарты на Камчатском полуострове. Но и сегодня они выглядят молодо, не потускнел, не выцвел материал, использованный мастером для их отделки.

Дугообразное сиденье, опоры украшены оленьим мехом. Нарты увенчаны двумя звонкими колокольчиками. Полозья и все деревянные части сделаны из твердого дерева.

Оригинальное произведение безымянного мастера хранится в Ленинграде как памятник древнего искусства камчадалов.

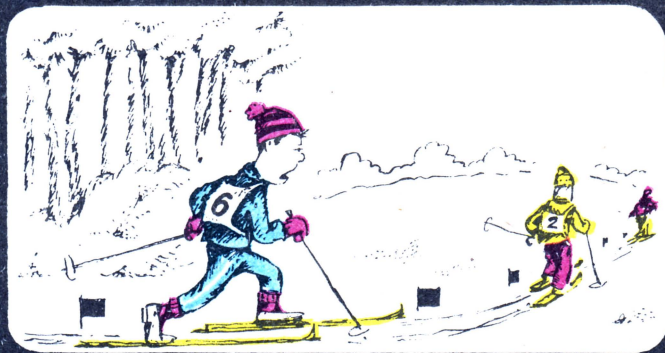
Случай на трассе

рисовал Н. Крутиков

Под шестым номером у меня выступает способный парень. Но он немного ленив. Не может заставить себя бежать на дистанции в полную силу...

Я, кажется, кое-что придумаю!

Что помогло вам прийти к финишу первым?

Уверенность в своих силах, желание победить и...

...и смелость!

